

ISSN 2312-308

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

Meridian

**ВЫПУСК №2(20) '2019. МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ «ХОЛОД
КАК ПРЕИМУЩЕСТВО. ГОРОДА И КРИОЛИТОЗОНА: ТРАДИЦИИ,
ИННОВАЦИИ, КРЕАТИВНОСТЬ»**

ISSN 2312-3087

16+

№2(20) '2019 Материалы конференции «Холод как преимущество Города и криолитозона: традиции, инновации, креативность»

2020

Научный электронный журнал "Меридиан"

Электронное издание

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Учредитель и издатель:

Редакция научного электронного журнала «Меридиан»

Главный редактор:

Жегусов Ю.И., кандидат социологических наук

Контакты редакции:

journalmeridian@gmail.com

<http://meridian-journal.ru>

ПРЕДИСЛОВИЕ

В мировом урбанистическом процессе происходит переосмысление базовых процессов развития культур в глобальном, региональном и локальном контекстах. Городские пространства северных территорий как инновационный ресурс развития региона являются актуальным направлением в стратегии устойчивого развития Арктики и Севера. Особенностью северных городов, включая города Якутии, выступает жизненная стратегия, обусловленная холодом и вечной мерзлотой. Город представляет собой динамичный процесс непрерывного производства всё новых и новых культурных «текстов» воображения и осмысления его геокультурных образов.

В современной науке вечная мерзлота рассматривается не только как природное явление, которое во многом определяет условия, культуру и образ жизни в холодном регионе, но и как метафора всех гиперпроцессов и гиперявлений, которые являются определяющими для существования человека. Комплексное исследование городов, расположенных в криолитозоне, представляет научный интерес не только в плане решения фундаментальных задач жизнеобеспечения города в экстремальных условиях, но также широкого круга проблем гуманитарного характера, связанных с осмыслением, адаптацией, культурным переживанием жизни на «вечной мерзлоте».

Основной темой Международной междисциплинарной научной конференции «Холод как преимущество. Города и криолитозона: традиции, инновации, креативность», поддержанного грантом РФФИ №18-09-20101 Г, стала репрезентация культурных ландшафтов городских пространств Севера и Арктики в контексте гуманитарно-географической урбанистики и символических креативных технологий, изучение локальных городских сообществ и разработка модели нового типа северной идентичности на примере российской Арктики, а также в целом циркумполярной Арктики.

Конференция работала по 4 секциям и включала разнообразные вопросы в рамках интердисциплинарных исследований, посвященных онтологии Холода.

Секция 1. «Ландшафты Севера и Арктики: жизнь на экстремально холодных землях (адаптация, практики, представления)» была посвящена историческому опыту адаптации холодных земель, жизнедеятельности, хозяйственным и культурным практикам коренных народов, проживающих в экстремальных условиях Севера и Арктики, а также междисциплинарным проблемам геокультуры и геополитики северных территорий.

Секция 2. «Холод как преимущество. Культурные пространства северных городов (традиции, инновации, креативные технологии)» была посвящена феномену холода как формообразующей модели культурных пространств северных городов, конструированию новой позитивной траектории северной идентичности, репрезентирующей креативные ресурсы Холода как символический капитал развития территорий «вечной мерзлоты».

Доклады на **Секции 3.** «Образ холода в гуманитарном измерении: концепт, символ, идентичность» касались исследований устойчивой концептосферы, связанной с символикой холода в разных этнических традициях и культурных контекстах, осмысления семантических позиций Север-Холод-Зима в рамках методологических новаций «северности» и территориальной «экзистенции».

Секция 4. «Социальные, экологические и экономические вызовы «холодных» городов» была посвящена комплексным исследованиям городов, расположенных в криолитозоне на фоне

происходящих мировых природных, техногенных и социально-экономических катаклизмов, особое внимание было уделено решению прикладных задач жизнеобеспечения города в экстремальных условиях

Международная междисциплинарная научная конференция «Холод как преимущество. Города и криолитозона: традиции, инновации, креативность», была проведена 28-29 ноября 2018 года на базе Северо-Восточного федерального университета имени М.К.Аммосова в городе Якутске совместно с ИГИ и ПМНС СО РАН и при участии университетов-партнеров Международной циркумполярной Обсерватории Арктики и Антарктики (г.Ушуайя, Аргентина). Конференция собрала более 100 исследователей, в том числе из пяти стран дальнего зарубежья (Аргентины, Канады, Франции, Исландии, Финляндии), четырех субъектов Российской Федерации (Москвы, Санкт-Петербурга, Мурманской области, Красноярского края) и вызвала большой научный резонанс в мировом арктиковедении.

Председатель организационного комитета конференции Л.С.Заморщикова, кандидат филологических наук, профессор СВФУ имени М.К.Аммосова.

Председатель Программного комитета Е.Н.Романова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИГИ и ПМНС СО РАН.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
Ландшафты Севера и Арктики: жизнь на экстремально холодных землях (адаптация, практики, представления)	1
ANTHROPOLOGY OF COLD: FROZEN ASSETS OF PLACE MAKING	1
АДАПТАЦИЯ ИЛИ ВЫЖИВАНИЕ? СТРАТЕГИИ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА В ЭКСТРЕМАЛЬНО ХОЛОДНЫХ УСЛОВИЯХ АРКТИКИ	2
ГОРОДСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ: СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ДОЛИНЫ ТУЙМААДА	5
OUT OF THE ICELANDIC COLD MURDER THEY WROTE: THE GUÐMUNDUR- AND GEIRFINNUR CRIMINAL CASE OF 1974	8
МОДЕЛЬ ПОВЕДЕНИЯ АРКТИЧЕСКОГО РУССКОГО СТАРОЖИЛА НА ОБИТАЕМЫХ ТЕРРИТОРИЯХ	17
АРКТИЧЕСКАЯ ЯКУТИЯ: СЕВЕРНЫЕ ТЕКСТЫ КУЛЬТУРЫ (ЯЗЫКОВЫЕ КОНЦЕПТЫ И ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ОБРАЗЫ)	19
COLD AND ITS ESTHETICS IN CULTURAL AREA OF THE NORTHERN CITIES: THE CASE OF YAKUTSK	22
ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ ЯКУТСКА	23
ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	26
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «СЕВЕРНЫЙ ГОРОД» В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ	29
ХОЛОД В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)	32
ХОЛОДОВАЯ СЕМАНТИКА ЛАНДШАФТОВ ЯКУТИИ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛЮСОВ ХОЛОДА "ВЕРХОЯНСК" И "ОЙМЯКОН")	34
ЯКУТСКИЙ ТАНЦЕВАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЫ	35
СПЕЦИФИКА ПРОЦЕССА УРБАНИЗАЦИИ В СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ КАНАДЫ	38
Образ холода в гуманитарном измерении: концепт, символ, идентичность	39
LES BEAUTÉS DU FROID : L'ESTHÉTIQUE DES PAYSAGES GLACÉS À TRAVERS LES RÉCITS DE QUELQUES VOYAGEURS DE LA MOSCOVIE À LA YAKOUTIE (18E-19E S.)	39
ЯКУТИЯ КАК ВЫЗОВ (МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ В.М.ЗЕНЗИНОВА)	44
LE NORD QUI SAUVE	47
L'EXPERIENCE DU FROID DANS L'ÉCRITURE DU ROMAN LES GRANDS ESPACES	51
СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СУБКОНЦЕПТА «СНЕЖНОСТЬ» В ЯЗЫКЕ ТУНДРОВЫХ ЮКАГИРОВ	55
THE IMAGE OF WINTER IN THE EVEN PEOPLE'S POETRY	61
ОБРАЗ РЕКИ И ЛОДКИ У СЕВЕРНЫХ ТЮРКОВ	63
СЕВЕРНЫЙ ТЕКСТ ЛИТЕРАТУРЫ ЯКУТИИ: ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ СЕВЕРА ПРИЗНАКИ СВЕРХТЕКСТА	66
МЕТАФОРА ХОЛОДА В ЯКУТСКОМ ЭПОСЕ ОЛОНХО	69
САКРАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ДОЛИНЫ ТУЙМААДА В ЛИТЕРАТУРЕ	72
ХОЛОД КАК МЕТАФОРА	75
АУДИОВИЗУАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ ХОЛОДА В КИНОТЕКСТЕ О ЯКУТИИ	78
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО С ВЕРШИНОЙ ЧИЭ В КОЛЫМСКОМ ДИАЛЕКТЕ ЮКАГИРСКОГО ЯЗЫКА	81
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО С ВЕРШИНОЙ ИҢЭНЬ «ХОЛОД, МОРОЗ» В	

ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ	84
КОНЦЕПТ ХОЛОД В МИФОЛОГИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ П.А.ОЙУНСКОГО "УЛУУ КУДАҢСА"	87
ОБРАЗ ХОЛОДА В ЛИРИКЕ В.М. НОВИКОВА-КУННУК УУРАСТЫРОВА	90
ЯЗЫКОВАЯ ВЕРБАЛИЗАЦИЯ АРКТИЧЕСКОГО ЭКОПРОСТРАНСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ЭВЕНСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА)	92
INTERDISCIPLINARY ISSUE OF THE COLD WORLD	95
ХОЛОД В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА СААМСКОГО НАРОДА	97
ЮКАГИРСКИЕ ПОТАМОНИМЫ, СВЯЗАННЫЕ С КОНЦЕПТОМ «ХОЛОД»: ЯЗЫКОВАЯ И ФОЛЬКЛОРНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ	100
КОНЦЕПТ «ХОЛОД» В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ ЭВЕНОВ	103
Социальные, экологические и экономические вызовы “холодных” городов	106
ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕПЛОЗАЩИТЫ МНОГОЭТАЖНЫХ ЗДАНИЙ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ СЕВЕРА	106
ГОРОДСКОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В АРКТИКЕ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ	110
ЗАТОРНЫЕ НАВОДНЕНИЯ НА РЕКЕ ЛЕНА НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДСКОГО ОКРУГА Г. ЯКУТСК	113
COMMUNICATION CHALLENGES FOR SIBERIA: TRANSPORT CONNECTIVITY OR ISOLATION	118
ОСОБЕННОСТИ СТРОИТЕЛЬСТВА НА НАМЫВНЫХ ГРУНТАХ НА ТЕРРИТОРИИ Г.ЯКУТСКА	120
УСТОЙЧИВАЯ ИЗМЕНЧИВОСТЬ: ОСОБЕННОСТИ АРКТИЧЕСКИХ ГОРОДОВ РОССИИ И ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ИХ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ	122
ЗДАНИЯ КУЛЬТУРЫ И ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ В СУРОВЫХ УСЛОВИЯХ СЕВЕРА	125
ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ КАК ОСНОВА ВЫЯВЛЕНИЯ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ЧЕРТ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ	128
ОСОБЕННОСТИ ДЕШИФРИРОВАНИЯ УРБАНИЗИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ СЕВЕРНЫХ ГОРОДОВ ПО СПУТНИКОВЫМ СНИМКАМ LANDSAT НА ПРИМЕРЕ Г. ЯКУТСК ...	131
ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ И ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ МОБИЛЬНЫХ ЖИЛИЩ В УСЛОВИЯХ КРАЙНЕГО СЕВЕРА	133
РАЗВИТИЕ ЦВЕТОВОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДА САХА В XVII-XIX ВВ.	136
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ СЕВЕРНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ КАК ОСНОВА ПОИСКА ПУТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ БЕЗБАРЬЕРНОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ ЯКУТИИ	138
ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АСПЕКТ СОВЕТСКОГО НЕОКЛАССИЦИЗМА В ЯКУТСКЕ	141
КЛИМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОРОДА ЯКУТСКА КАК ФАКТОР ПОЗИТИВНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	144
ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ АРХИТЕКТУРЫ ШКОЛЬНЫХ ЗДАНИЙ В СУРОВЫХ УСЛОВИЯХ СЕВЕРА	149
Холод как преимущество. Культурные пространств северных городов (традиции, инновации, креативные технологии)	152
ХОЛОД КАК ПРЕИМУЩЕСТВО: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НИЗКИХ ТЕМПЕРАТУР В ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ ЯКУТИИ (ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ)	152
АДАПТАЦИОННЫЙ МЕХАНИЗМ ЭТНОСА САХА К ГЕОГРАФИЧЕСКОМУ ЛАНДШАФТУ КРАЙНЕГО СЕВЕРА	155
КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В УСЛОВИЯХ ХОЛОДА	158
ЮКАГИРСКАЯ ОБЩИНА «ТЭКИ ОДУЛОК» - ЛОКУС ДРЕВНИХ ОХОТНИКОВ	

ПРИПОЛЯРНОЙ ЯКУТИИ	161
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ	164
ЧЕЛОВЕК «СНЕЖНЫЙ»: КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ И ОБРАЗЫ МУЗЕЙНОЙ ВИЗУАЛЬНОСТИ (1893-1954)	169
ГОРОДСКОЙ «РОМАН-КАРТА» ЯКУТСКА: КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ	176
КУЛЬТУРНЫЙ ИМИДЖ ГОРОДА НА ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЕ: КРЕАТИВНЫЙ АСПЕКТ	179
КЛИМАТ СЕВЕРА И ВЕРОВАНИЕ ЯКУТОВ: ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ В.Ф. ТРОЩАНСКОГО И А.Е. КУЛАКОВСКОГО	182
РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ФОРМИРОВАНИИ ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ СЕВЕРНЫХ ГОРОДОВ	186
ВЛИЯНИЕ ФЕНОМЕНА ХОЛОДА НА ЯКУТСКУЮ КУЛЬТУРУ ПИТАНИЯ	189
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)	191
О СТРАТЕГИЧЕСКИХ ВЕКТОРАХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)	194

Ландшафты Севера и Арктики: жизнь на экстремально холодных землях (адаптация, практики, представления)

ANTHROPOLOGY OF COLD: FROZEN ASSETS OF PLACE MAKING

Авторы: Штаммлер-Госсман Анна

Living in a cold environment is commonly associated with the physical and relative sensations of freezing temperature, snow, ice. Although the whole set of traits assigned to the 'cold' is perceived rather as a burden - for some places in the North 'cold' has provided opportunities to 'enact', experiment with and be related to it in new ways.

Based on the fieldwork material in Norway, Finland and Russia this paper analyses how northern communities have created a vision for a viable future by turning the cold into a valuable economic and symbolic resource. It focuses on the place-making process that builds on and reinforces the idea of cold environment as an asset that has been largely oriented on the tourism and investment market.

Tracing on different ideas of cold, the paper evaluates how manifestations of a cold environment shapes the strategies of self-representation and mediates changes in local society and environment.

АДАПТАЦИЯ ИЛИ ВЫЖИВАНИЕ? СТРАТЕГИИ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА В ЭКСТРЕМАЛЬНО ХОЛОДНЫХ УСЛОВИЯХ АРКТИКИ

ADAPTATION OR SURVIVAL? STRATEGIES OF LIFE SUPPORT AN ANCIENT PEOPLE IN THE EXTREME COLD ARCTIC CONDITIONS

Авторы: Дьяконов Виктор Михайлович

Аннотация: Целью данного исследования является определение основных стратегий жизнеобеспечения древних людей в условиях арктического Севера в разные эпохи. Для установления времени и мест инициального (первоначального) заселения человеком Высоких Широт используются данные по известным археологическим памятникам и культурам эпохи плейстоцена арктической зоны Земли. Исследуются вопросы, связанные с миграционными процессами, импортом передовых технологий и культурных трансляций в древности. Для выявления, анализа и описания стратегий жизнеобеспечения древних людей и их адаптационных возможностей привлекаются данные естественных наук. Для определения хозяйственно-культурных типов анализируется археологический материал, полученный на памятниках Арктики доисторического времени. Теоретической основой являлись исследования российских и зарубежных археологов, этнологов, антропологов. При анализе археологических источников в работе применялись следующие методы: сравнительно-исторический, аналитико-классификационный, ретроспективный, картографический, а также методы естественных наук.

Ключевые слова: Арктика, охота, рыбалка, ездовые собаки, морская адаптация,

Annotation: *The purpose of this study is to determine the basic life support strategies of ancient people in the Arctic in different eras. To determine the time and places of initial colonization by human of High Latitudes are used an well-known archaeological sites and cultures of the Pleistocene epoch of the Arctic zone of the Earth. Issues related to migration, the import of advanced technologies and cultural transmissions in antiquity are explored. The data of natural sciences are used to identify, analyze, and describe the life support strategies of ancient people and their adaptive capabilities. To determine the economic and cultural types, the archaeological material obtained on the sites of the Arctic of prehistoric time is analyzed. The main life support strategies for a Paleolithic man in the Arctic were is high mobility, hunting for large herd animals, domestication of dogs, import of advanced stone processing technologies. In the Mesolithic, new methods of hunting deer and moose using bows and arrows were mastered. Fisheries begin to play a significant role. High mobility of people was maintained by breeding of sled dogs. In the Neolithic, the refinement of stone processing methods continued, pottery appeared. Gradually begin to spread the strategies of dual use of coastal and continental bioresources. In the Era of Early Metals, cultures adapted for marine hunting and other marine biological resources, as well as cultures of hunters, fishmens and gatherers of tundra, forest-tundra and taiga, are differentiated.*

Keywords: Arctic, hunting, fishing, sled dogs, maritime adaptation,

Новейшие представления о времени инициального освоения человеком арктических областей Земли, основанные на данных археологии, палеогеографии и хроностратиграфии, позволяют утверждать, что эти события происходили в Северной Евразии и относятся, вероятно, ко времени не позднее 47 тыс. л.н. [8]. Твердо установленным фактом присутствия человека в Высоких Широтах является отрезок 35-33 тыс. л.н. – время существенного потепления климата, разделявшего две ледниковые эпохи позднего плейстоцена [5, с. 444]. Из Евразии через существовавший в конце плейстоцена сухопутный перешеек – Берингию первые группы охотников смогли проникнуть в Америку не позднее 24 тыс. л.н. [3, с. 90; 11, р. 50]. Во время смягчения климата в позднеледниковье (16–11 тыс. л.н.) территория расселения человека расширяется.

Если в позднем неоплейстоцене основу хозяйства древних племен Крайнего Севера составляла охота на крупных стадных животных, таких как бизон, лошадь, овцебык, а также мамонт, то в раннем голоцене, когда произошли кардинальные изменения ландшафтно-климатических условий на Земле, человек был вынужден приспосабливаться к охоте на северных оленей (карибу), лосей и более мелкую дичь, включая птиц. По-видимому в этот период существенную роль в экономике древних людей стало играть рыболовство. Главными новациями в культуре мезолитических племен Евразии и северной Америки стало массовое распространение микропластинчатой техники расщепления камня, микролитических индустрий, сложносоставных орудий, внедрение охоты с помощью лука и стрел, изобретение различных способов рыболовства, включая сетевое подледное. Люди раннеголоценового времени смогли эффективно приспособиться к меняющимся природно-климатическим условиям Арктики. Суровые условия Заполярья перестали быть препятствием для активного освоения арктических территорий, происходит дальнейшая дифференциация мест для стоянок и поселений, включавших теперь террасы и водораздельные склоны речных долин, а также озерные и морские побережья и заболоченные территории (торфяниковые памятники). Это определялось разнообразием форм специализированного хозяйства [5, с. 444].

К числу самых северных археологических памятников в мире относится стоянка на острове Жохова в Восточно-Сибирском море, датированная возрастом 8000–7800 л.н. [6]. Изучение фаунистических остатков стоянки позволило реконструировать годовые циклы хозяйственной деятельности ее обитателей, в которых выделены сезоны с преимущественным промыслом северного оленя и белого медведя [9]. Обитатели этой стоянки занимались разведением собак, при этом у них уже прослеживается их селекция, направленная на выведение пород, разводившихся отдельно для транспортных целей и для охоты. На Жоховской стоянке были найдены полозья нарт собачьих упряжек [7]. Доместикация человеком псовых в глубокой древности доказывается фактом погребения собаки в верхнепалеолитическом слое VI стоянки Ушки I на Камчатке [2, с. 55, 57, 60]. Возможно, об очень ранней доместикации свидетельствует находка в Усть-Янском районе Якутии хорошо сохранившейся полной тушки плейстоценовой собаки (*Canis familiaris*) возрастом 12460 ± 50 лет, у которой имеются некоторые признаки, указывающие на принадлежность к домашним животным [10, с. 54]. Проблема происхождения домашних животных имеет важное значение с точки зрения выяснения уровня адаптационных возможностей первобытного человека в освоении Высоких Широт [1, с. 30]. После находок на Жоховской стоянке стало ясно, что по меньшей мере 8000 л.н. в Евразии уже существовало транспортное собаководство, обеспечивавшее высокую мобильность кочевых племен того времени.

Важнейшими темами в изучении истории освоения человеком морских побережий Арктики являются возникновение и развитие приморских эколого-экономических и культурных систем и традиций, формирование приморского типа экономики и появление специализированных

орудий. Спорадическая эксплуатация морских биоресурсов в Северной Пацифике наблюдается уже 8000–6000 л.н. В это время в хозяйстве по-прежнему преобладала охота на оленя и лося, а также речное и озерное рыболовство. В дальнейшем распространяются стратегии двойного природопользования приморских и континентальных биоресурсов [4]. Во II тыс. н.э. на основе древнеберингоморской культуры на Чукотке и Аляске появляются высокоразвитые китобойные культуры типа туле и пунук. При частичном исчезновении китообразных в результате климатических изменений люди охотились на моржей, нерпу и тюленя. Формируется хозяйственно-культурный тип арктических охотников на морского зверя.

Литература

Таким образом, основными стратегиями жизнеобеспечения палеолитического человека в Арктике были высокая мобильность, охота на крупных стадных животных, domestикация собак, импорт передовых технологий камнеобработки. В мезолите осваиваются новые приемы охоты на оленей и лосей с помощью луков и стрел, существенную роль начинает играть рыболовство, высокая мобильность поддерживается транспортным собаководством. В неолите, помимо технологических новаций, таких как распространение гончарства и усложнение способов обработки камня, постепенно начинают распространяться стратегии двойного природопользования приморских и континентальных биоресурсов, а в эпоху ранних металлов – дифференцируются культуры, адаптированные на морской зверобойный промысел и добычу других биоресурсов моря, и культуры охотников, рыболовов и собирателей тундры, лесотундры и тайги.

1. Архипов Н. Д. Древние культуры Якутии. Якутск : Кн. изд-во, 1989. 192 с.
2. Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии (Азия на стыке с Америкой в древности). М. : Наука, 1979. 352 с.
3. Лаухин С. А., Дроздов Н. И. К проблеме древнейших миграций палеолитического человека через Берингию в Северную Америку // Северная Пацифика – культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцене. Материалы международной научной конференции «По следам древних костров...». Магадан : Изд-во СМУ, 2005. 185 с.
4. Орехов А. А. Северная Пацифика в голоцене: проблемы приморской адаптации: Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2001. 152 с.
5. Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды: Атлас-монография ; отв. ред. В. М. Котляков, А. А. Величко, С. А. Васильев. М. : ГЕОС, 2014. 519 с.
6. Питулько В. В. Жоховская стоянка. СПб. : Дмитрий Буланин, 1998. 186 с.
7. Питулько В. В., Каспаров А. К. Костные остатки раннеголоценовых домашних собак из Жоховской стоянки (восточная сибирская Арктика) и проблема достоверности идентификации древних *Canis familiaris* из археологических раскопок // *Stratum plus*. 2016. №1. Р. 171–207.
8. Расселение человека в Сибирской Арктике в позднем неоплейстоцене и голоцене: новые материалы к археологической карте / В. В. Питулько, Е. Ю. Павлова, П. А. Никольский и др. // IV Северный археологический конгресс: доклады. 19–23 октября 2015, г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург, 2015. С. 152–176.
9. Тафономия, пространственное распространение, состав и сезонность фаунистических остатков из раскопок Жоховской стоянки, о-ва Де-Лонга, Восточно-Сибирская Арктика (сезоны 2000–2005 гг. с добавлением материала 1989 и 1990 гг.) / В. В. Питулько, В. В. Иванова, А. К. Каспаров, Е. Ю. Павлова // *Археологические вести*. 2013. № 19. С. 26–74.
10. Туматский хищник: что показало вскрытие? / Федоров С. Е., Григорьев С. Е., Гармаева Д. К., Слепцов И. К. // *Природа*. 2015. №10. С. 54–56.
11. Chlachula J. Chronology and environments of the Pleistocene peopling of North Asia // *Archaeological Research in Asia*. 2017. Vol. 12. P. 33–53.

ГОРОДСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ: СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ДОЛИНЫ ТУЙМААДА

URBAN ARCHEOLOGY: MEDIEVAL MONUMENTS OF THE TUUYMAADA VALLEY

Авторы: Бравина Розалия Иннокентьевна, Соловьева Елена Николаевна

Аннотация: Цель исследования - изучение истории освоения долины Туймаада предками народа саха и русскими землепроходцами и формирования культурного ландшафта города Якутска по материалам археологических памятников эпохи средневековья. Метод исследования. В работе использованы методы междисциплинарных исследований археологических данных, а также сравнительно-исторический и формально-логический методы анализа эволюции культурного ландшафта Якутска.

Ключевые слова: Якутия, археологические памятники, средневековье, кулун-атахская культура, город Якутск, культурный ландшафт.

Annotation: *Archaeological research shows that the valley of Tuymaada was inhabited by people in high antiquity. Thousands of years before the legendary ancestors of the Sakha people settled here, before the Yakutsk city was founded by Russian Cossack explorers, tribes of hunters, fishermen and gatherers had lived in the valley. In the times of the Middle Ages, beginning from the 6th-8th centuries, natives of southern and southeastern Siberia began to penetrate the territory, rich in steppe vegetation abundant with flood-filled fertile meadows. These few subethnic groups of various origins, trickling into the Middle Lena basin for several centuries, gradually mastered the region, cultivating the local landscape for hay and pasture lands, adapting their farms, primarily livestock, to the natural and climatic conditions of the Far North. According to the archaeological data, in the thirteenth and sixteenth centuries, here, the Early Yakut Kulun-Atakhskaya culture is formed, in which the synthesized elements of the local culture of the early Iron Age are observed with a clear predominance of the cattle farming. By the arrival of the Russians, the Yakuts had already been fully formed people with a single culture and language, and therefore the cultural landscape of the future city of Yakutsk, as a historical system of interaction between natural and anthropogenic landscapes, began to take shape as a territory developed and transformed by northern herders. The formation of the socio-economic structure and the adoption of architectural and town-planning decisions due to extreme natural geographic factors were influenced by the cold, which forced newcomers to develop a kind of "survival technology". They took over much of the indigenous peoples that they had accumulated over the centuries-old experience of living in the extreme conditions of the North, including ways of dwelling insulation, the northern (Yakut) version of cattle breeding, traditional methods of hunting and fishing, etc. All this contributed to the emergence and successful development of the northern city, which became the front-rank outpost for the further development of the North from the 17th century.*

Keywords: Yakutia, archaeological monuments, the Middle Ages, Kulun-Atahskaya culture, the city of Yakutsk, cultural landscape.

Цель исследования - изучение истории освоения долины Туймаада предками народа саха и

русскими землепроходцами и формирования культурного ландшафта города Якутска по материалам археологических памятников эпохи средневековья.

Метод исследования. В работе использованы методы междисциплинарных исследований археологических данных, а также сравнительно-исторический и формально-логический методы анализа эволюции культурного ландшафта Якутска.

Описание исследования. Долина Туймаада является одной из наиболее богатых археологическими памятниками местностей Якутии. В ней открыто и исследовано более 200 объектов археологического наследия, датируемых в хронологическом диапазоне палеолит – новое время [2, с. 43]. Памятники раннеякутской кулун-атахской культуры представлены поселениями со смешанным культурным слоем Зерновая II (Уураахы), Орбита-16 км, Владимировка VI, Логовая в центре г. Якутска, а также погребениями Атласовское 1 и 2, Сергеляхское, Ючюгэй Юрюйэ и Владимировка [1]. Часть этих памятников имеет радиоуглеродную датировку, калиброванный календарный возраст которой приходится на интервал XIV– начало XVII в. К ним примыкают железоплавильные мастерские, датированные А.П. Окладниковым I тыс. н.э. и отнесенные им к культуре якутов [3].

К приходу русских якуты представляли собой уже сложившийся народ с единой культурой и языком, хотя в их исторической памяти сохранились следы прежнего этнического разделения, связанного прежде всего с генеалогическими преданиями о прародителях Омогой, Элэй и Улуу Хоро, что подтверждается в частности данными комплексных исследований раннеякутских погребений, в которых отмечается разнообразие форм захоронения. Богатая степной растительностью, изобилующая заливными плодородными лугами долина Туймаада, защищенная с одной стороны сопками Чочур Мураан, с другой – полноводной Леной, принадлежала правящему клану хангаласцев.

Сначала левый берег Лены показался русским землепроходцам «худым» и «не угожим», но затем по причине регулярного затопления вешним половодьем правобережного Ленского острога для переселения и постройки острога был выбран Эюков луг (ныне Зеленый луг). По историческим рассказам, место под острог отвел сам князец Эюк из клана тыгинидов. Обнаруженные недавно в центре города фрагменты кулун-атахской керамики XIV-XVI вв. свидетельствуют о том, что в эпоху средневековья здесь поселились северные скотоводы, которые в процессе освоения и преобразования долины положили начало формированию будущего культурного ландшафта города. Согласно первой переписи населения острога с подгородными поселениями (1641), около половины жителей составляли якуты. Острог имел весьма своеобразный облик, продиктованный Холодом. Наряду с традиционными русскими рубленными избами имелись юрты якутского типа. Многие дома отапливались якутскими каминами [4, с.154, 164, 191 и т.д.]. Якуты в обмен на «русские товары» поставляли городу скот, мясо-молочные продукты, дичь, предметы домашнего обихода, охотничью и рыболовную снасть и кричное железо. Постепенно в острог проникли товарно-денежные отношения, о чем красноречиво свидетельствует собранная в ходе археологических исследований культурного слоя острога и городского посада XVII-XVIII вв. значительная нумизматическая коллекция, самой ранней монетой в которой является серебряная копейка периода правления царя Фёдора Алексеевича Романова.

Якутск изначально был построен как опорный пункт освоения Северо-Востока Азии. В этот многоплановый процесс внесли свой вклад и коренные народы Якутии, которые издавна имели историко-культурный контакты с Приамурьем, о чем свидетельствуют данные раннеякутских погребений.

Результаты исследования. Материалы средневековых памятников долины Туймаада

показывают, что ее естественный ландшафт как природная основа процесса освоения в течение нескольких веков изменялся и окультуривался. Умение приспособить окружающую среду к своим насущным потребностям и самим приспособиться к ней во многом определяло успешность освоения Ленского края предками якутов. В XIV - XVII вв. долина Туймаада стала одним из центров формирования, а затем распространения скотоводческой культуры по огромной территории Лено-Амгинского междуречья и придолинной части Вилюя. Важнейшее значение в развитии культурного ландшафта долины имело освоение ее русскими землепроходцами и построение города, который стал важнейшим опорным пунктом открытия новых земель вплоть до Тихоокеанского побережья.

Литература

1. Бравина Р.И. Раннеякутская кулун-атахская археологическая культура (XIV-XVI вв.) в свете новых данных // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2018. № 2. С. 10-18.
2. Дьяконов В.М. Археологические памятники долины Туймаада // Город Якутск: история, культура, фольклор. Якутск: Бичик, 2007. С. 36-49
3. Окладников А.П. Ленские древности. Вып. 3. М., Л.: Изд-во АН СССР. 1950. 242 с.
4. Сафронов Ф.Г. История Северо-Восточной Азии: XVII - начало XX в. Новосибирск: Наука, 2010. 637 с.

OUT OF THE ICELANDIC COLD MURDER THEY WROTE: THE GUÐMUNDUR- AND GEIRFINNUR CRIMINAL CASE OF 1974

Автори: *Gunnlaugsson Helgi*

Annotation: *The case of Guðmundur and Geirfinnur has become one of the most notorious criminal case in the history of Iceland. Two males disappeared in the mid 1970's and their bodies were never found. A total of six persons were later convicted of murdering the two merely on basis of their confessions. The suspects were held in solitary confinement for a long period of time and subjected to lengthy interrogations and torture. As time passed, cracks started to open up in the court version of the case, slowly starting to crumble. In late September of 2018 the Supreme Court of Iceland acquitted five of the six original suspects.*

Keywords: *Homicide, winter, murder mystery, national hysteria, missing persons.*

Introduction

During winter in Iceland days can be both dark and cold. In December and January daylight only lasts about 4-5 hours a day and the temperature can get nasty including the wind chill factor. In 1974 two young males disappeared during cold and dark winter nights in January and November. The first one, 18 years old, went missing in January after a visit to a nightclub in Hafnarfjörður on a freezing snowy night. Later in November of the same year, a 32 years old family man went missing late at night in Keflavík close to a local café by the docks. The two did not know each other and were not related in any other way.

About two years later six young individuals from Reykjavík were arrested on suspicion of killing these two young males. They were held in solitary confinement for up to two years the longest and suffered various other punitive measures while in custody before being charged and convicted for killing the two males by the Supreme Court in 1980. They received long prison sentences from 3 years up to 17 years and served their prison terms accordingly. Nothing was shown in court that they had known the two missing males in question neither was there any other convincing motive found for the two killings demonstrated in court - and the bodies were never found. The court decision was only based on their confessions but later during custody had been retracted by them.

This case has become one of the most notorious criminal cases in Icelandic history and by now is believed by most to be a total fabrication and a serious miscarriage of justice. In late September of 2018 five of the young persons in question were finally acquitted of the two killings by the Supreme Court of Iceland.

In this paper presentation it is contended that this case could never have happened if not for the cold and dark winter hours in Iceland. Under some circumstances these extreme weather conditions can in a small tightly knit society at social cross roads create a deep national hysteria resulting in this case nothing short of a modern time witch hunting - reflecting fiction more than reality.

Homicide in Iceland

Murders in Iceland were extremely rare in the 1970's, and even still today not an annual matter

(Gunnlaugsson, 2018). There have recently been years in Iceland with zero murders, such as 2008 and 2006. In the new millennium Iceland has experienced on the average of two homicides per year. This rate locates Iceland on the lower end of the spectrum when it comes to murders per capita per year, with 0.6 murders per 100 thousand citizens. There are many nations with a per capita murder rate between 0.9 to 1.5, and United States stands out among Western nations with 4.9. In the 1960's and 1970's serious crimes were practically unheard of, apart from a taxi driver being killed in Reykjavík in 1968, a case still being unsolved.

By far most murders in Iceland occur among those who know each other personally. Usually intoxicated, and killing in the heat of the moment, using knives or bare fists. Rarely planned homicides, and seldom any mysteries. Often those concerned also have a history of prior violence. Does this description of typical homicides in Iceland show any resemblance to the case of the two missing males in question?

Disappearance of Guðmundur Einarsson

In late January of 1974 a young man, 18 years old, by the name of Guðmundur Einarsson, disappeared after he had left a nightclub in Hafnarfjörður, a port town, ten kilometers away from Reykjavík, the capital of Iceland (Adeane, 2018). A few road passengers spotted him after midnight attempting to catch a ride to Reykjavík, apparently very drunk. It was dark, cold, snowy and icy everywhere. Guðmundur has not been found ever since. No credible evidence has been brought forward to what happened to him, despite a thorough search by a great number of people and rescue teams, in the days and weeks following his disappearance.

Leitarflokkar safnast saman til leitarinnar. (Ljós. Mbl. Sv. Þorm.)

Víðtæk leit að 18 ára pilti

FELAGAR í 12 hjörgunarsveitum SVFI og hjálparsveitum skáta á höfuðborgarsvæðinu og af Suðurnesjum leituðu í gær á svæðinu frá Hafnarfirði yfir að Blesugróf í Reykjavík að 18 ára pilti, sem ekkert hefur frétt af frá því aðfararnótt sl. sunnudags. Pilturinn heitir Guðmundur Einarsson, til heimilis að Hraunprýði í Blesugróf.

Hann fór á laugardagskvöldið á dansleik í Alþýðhúsinu í Hafnarfirði og hefur síðast spurzt til hans um kl. 02 um nóttina á Strandgötu í Hafnarfirði. Þar var hann í fylgd með öðrum pilti, sennilega nokkru eldri, sem var dökkskolhærður

og í gulri skyrtu, jakkalaus. Sá piltur er beðinn að hafa samband við lögregluna til að veita henni upplýsingar. Guðmundur var kleddur doppöttum jakka, grænleittum buxum og brúnum skóm. Hann er 180 sm á hæð og samsvarar sér vel, dökkhærður með hár niður á herðar.

Lýst var eftir Guðmundi í útvarpi í gær og um hádegisd hótu leitarflokkar leit og leituðu fram til myrkurs, en án árangurs. Þyrta Landhelgisgæzlunnar og SVFI, TF—GNA, var einnig fengin til leitarinnar.

Leitað var í Hafnarfirði og nágrenni og einnig í Garðahreppi, Kópavogi og nágrenni,

Guðmundur Einarsson.

með það í huga, að Guðmundur kynni að hafa ætlað að ganga heim til sín að dansleiknum loknum. Þá voru fýrur húsa í Hafnarfirði og Garðahreppi beðnir að leita í kringum hús sín.

Photo 1. *Morgunblaðið* newspaper report on the massive search of Guðmundur Einarsson, a couple of days after his disappearance in January of 1974.

Disappearance of Geirfinnur Einarsson

Some ten months later, or in November of 1974, another male of 32 years old, a family man and a construction worker in Keflavik disappeared, Geirfinnur Einarsson. His case bore more the hallmarks of a criminal case than the teenager's case, which in comparison looks more like a tragic accident, less than a year earlier (Adeane, 2018). The two, Guðmundur and Geirfinnur, did not know each other. They lived in two different towns with significant age difference between the two.

Photo 2. Photo of Geirfinnur Einarsson who disappeared in Keflavík November 19, 1974.

Geirfinnur was at his home at night during mid-week with a male friend watching TV (Adeane, 2018). Soon after his wife returned home from the library, Geirfinnur asked his friend for a lift in his car because he had to meet someone - and had to come alone to the meeting. Better be armed he told his friend who took it as a joke. Geirfinnur did not meet anyone there and returned home at 10:15pm.

Then he got a phone call from someone to which his son answered, and Geirfinnur responded, I already came. Then he paused and said he will come. Grabbed his jacket and pipe and headed for the door. The boy asked his father where he was going without any response and then asked if he could come along but his father refused. Geirfinnur then drove his red Ford Cortina to the café and parked nearby.

Like Guðmundur before, Geirfinnur then just vanished, and has not been found or seen ever since. His car was found close to the café the following morning, unlocked, with the keys in the ignition. The café was located close to the Keflavík docks by the cold Atlantic Ocean.

Photo 3. Location of where Geirfinnur's car was found the day after his disappearance.

The circumstances were strange for Geirfinnur's disappearance and many details known and certainly suspicious. Who was the person who called Geirfinnur? Who was he supposed to meet at the café? The police investigated the case intensely in the weeks and months following his disappearance and scrutinized his personal life. It was almost impossible to find anyone who held any grudge against him, described as being somewhat of a loner, and a private person. Not in any financial difficulty but not with enough means to cause any resentment from anyone. A typical Icelandic family man by all accounts.

Therefore, it is no surprise that the disappearance of Geirfinnur created a huge moral fervor in Iceland, and a massive police investigation, given the suspicious circumstances. Not much came out of the initial investigation by police and no arrests were made in the beginning.

Prosecutions and convictions

After nearly two years after the disappearance of the two males and dozens of possible suspects, six young people around 20 years old were eventually arrested in late 1975 and 1976 and kept in isolation for months (Milne, 2016, Finnsson, 2017 and Cox, 2018). One of them was even kept in solitary confinement for more than 600 days. A few of them had been involved in petty crime and therefore known to the police. Early on some of them confessed to the murders even though they had no clear memory of committing the crimes. One suspect, the young woman, said later she had confessed to the crime to be able to get back to her then few months child. She also implicated four other persons to the case who consequently had to sit innocent in solitary confinement for more than

100 days in solitary confinement before being released.

Much later it was revealed that in addition to the psychological stress of the interrogation and isolation, the young suspects had been subjected to sleep deprivation and water torture, particularly the alleged ring leader who had a fear of water. They all later said that they had signed the confessions to put an end to their solitary confinement.

There was a huge pressure on Icelandic officials to solve the case. A case in point is that Icelandic authorities even hired a retired W-German expert cop to lead the investigation. When he had helped solving the case the Justice Minister of Iceland said in a newspaper interview in February of 1977 that a nightmare had been lifted off the nation.

The Icelandic Supreme court finally in 1980 sentenced all six suspects to prison for the murder of Guðmundur and Geirfinnur. The only tangible evidence supporting the decision was their confessions. The young convicts served their sentence accordingly and were later released in the 1980's. This notorious criminal case marked all included in the aftermath, understandably making life in a small society difficult for them. Despite efforts of re-opening the case, mostly through the efforts of the alleged ring leader, Sævar Ciesielski, the case was not re-opened until 2018. Two of the suspects had by then passed away, including the ring leader. In September of 2018 all convicts were acquitted expect the woman due to her perjury apparently.

Photo 4. Geirfinnur's case has been solved: Three males confess to the murder of Geirfinnur. *Morgunblaðið*, February 3, 1977.

Concluding remarks

The disappearance of the two men in 1974 understandably was suspicious and mysterious. No surprise Icelanders were puzzled and curious what had happened to them. Rumors were spreading in society and many tips appeared from the public. Soon after the disappearance of Geirfinnur in

November of 1974 the police was under tremendous pressure of solving the case. They seem to have followed a lead based on nothing but rumors that the young people in question were linked to both cases.

And once the ball started rolling and the young people being held in solitary confinement for months, with confessions early on, it probably became very difficult for the police to rewind and start the case anew. Most likely police investigators were confident that they had apprehended the guilty ones of the two killings. Even though no bodies were found, no connections between the accused and the two missing men in question, and no credible motives, they were still convicted and sentenced to long prison sentences. Just some young people previously linked to petty crime and two missing persons. And the two killings were very different to the characteristics of typical homicides in Iceland. Killings in the heat of the moment usually intoxicated among those who know each other well. Nothing of this type was demonstrated in court.

I personally remember it vividly when the profile photos of the young people accused of the two killings were published in the local media in the mid-70's (photo 4). I was just a teenager and I was confident they were guilty. The police snapshots seemed to prove their guilt, and the leader also had a foreign name, which only added more proof to that they were guilty.

In a way, to my young mind, this was like we had our own local Baader Meinhof terrorist group in Iceland, or some sort of a Manson family. We were facing a criminal gang with intentions of doing harm to society. When the case dragged on, and the young suspects retracted their confessions during their confinement, it only seemed to prove how hard-headed and ruthless these youngsters really were.

Gradually over the years cracks started to build up that the police version of the story was not correct. The police narrative of what had happened simply could not have happened like they had described, was in fact impossible (Dánielsson, 2016). The cars being used in the killing of Geirfinnur did not match, weather conditions made police scenarios impossible, time table of events was not realistic, links to distil alcohol and a night club were dubious to say the least, to name only a few of the apparent inconsistencies in court records. Yet, the system showed no signs of giving up, and the Supreme Court denied the case to be reopened in 1998 due to lack of new evidence. Since 1998 pressure on the court system to re-open the case from different groups in society only became more intense. Articles, books and TV programs increasingly revealed more holes or gaps in the official version of the criminal case urging justice authorities to reopen the case.

Today, Icelanders appear to direct the blame for this whole affair not on the young people anymore as in the 1970's. Now, the police investigative forces and the court system personnel end up as being the guilty ones having made this whole case up out of next to nothing in the 1970's. It is perfectly understandable to focus on the criminal justice system and its responsibility of what eventually came out of the case. They are the ones formally responsible for the genesis of this huge miscarriage of justice. Still, we need to keep in mind they did not have any experience dealing with complex and difficult cases back in the 1970's, and they did not have the skills and training they have today. And the case of Geirfinnur at least appeared on the surface to be a serious crime that certainly needed to be solved by police.

Even though the criminal case in question originated in the criminal justice system, I still think it is premature only accusing the system for this whole unfortunate affair. The entire society was overwhelmed and gripped by the case in the 1970's fueled by sensational news reporting. A moral panic and national hysteria dominated the national psyche, with the local mass media feeding us on all the rumors spreading around. And some of the rumors appear to have implicated the young people in question early on. These youths had in most cases been linked to petty crime by police,

being labelled and stigmatized by society, as being a group of misfits, linked with both drugs and violence. At a time when radical social changes were taking place in Iceland. Rapid urbanization, and the outside world increasingly entering Iceland with influx of drugs, among other things (Gunnlaugsson and Galliher, 2000). This case seems to have symbolized new times for Iceland and a tangible evidence the nation was leaving its innocence behind.

On the surface the young suspects seemed to perfectly match the profile of being the guilty ones of the two killings. In turn keeping them in custody for so long created a huge pressure on the police and the court system to solve the case, tragically ending up in a serious mistrial of justice. After years of custody and solitary confinement it must have felt impossible for the system to let the young just walk out innocent, due to lack of evidence. And the confessions made early on by the suspects, later revealed under tremendous pressure, did not help the suspects when the court proceedings took place.

In late September 2018, five of the six convicts were finally acquitted by the Supreme Court. This was an historic move by the Supreme Court overturning an earlier ruling. However, one of the convicts had been left out by the special prosecutor assigned to re-evaluate the case. The only woman in the case was not acquitted, because of her alleged perjury against innocent men implicated to the case by her, during her custody confinement in the 1970's. This part of the whole case and mistrial of justice has therefore not yet come to an end.

In 2018, we are in fact in the same position as when the two young males disappeared in the mid-1970's. We do not know anything more now what happened to them than in the beginning. No credible or convincing evidence shows any links to the young people sentenced to long prison terms for the two killings - nor to anyone else for that matter.

In my mind, Geirfinnur most likely just walked out into the cold ocean to end his life. Reportedly his marriage was nearing an end (Antonsson, 1991). Walking out like this might have been his response out. As for the teenager, Guðmundur, he most likely died in an accident, probably close to the harbor with his body vanishing into the ocean. Yet the case of the missing two persons remains a complete mystery in Iceland today. Probably we will never know what really happened back in 1974.

References:

Adeane, A. (2018). *Out of Thin Air: A True Story of Impossible Murder in Iceland*. Riverrun: London, UK.

Antonsson, Þ. (1991). *Áminntur um sannsögli* (The Truth Please). Reykjavík: Skjaldborg.

Cox, S. (2018). *The Reykjavik Confessions: The Incredible True Story of Iceland's Most Notorious Murder Case*. London: BBC Books.

Daníelsson, J. (2016). *Sá sem flýr undan dýri* (Those who run from a beast). Reykjavík: Mýrún.

Finsson, G. (2017). Iceland's favourite murder mystery sparks new interest. In *History & Culture, News & Events*. Posted September 22, 2017.

Gunnlaugsson, H. (2018). *Afbrot og íslenskt samfélag* (Crime and Icelandic Society). Reykjavík: University of Iceland Press.

Gunnlaugsson, H. and Galliher, J.F. (2000). *Wayward Icelanders: Punishment, Boundary Maintenance, and the Creation of Crime*. Madison: University of Wisconsin Press.

Milne, R. (2016). Shades of grey: Those who confessed to a crime they don't remember. *The Financial Times*. Accessed November 5, 2018:
<https://www.ft.com/content/4f60adae-6a4c-11e6-ae5b-a7cc5dd5a28c>

МОДЕЛЬ ПОВЕДЕНИЯ АРКТИЧЕСКОГО РУССКОГО СТАРОЖИЛА НА ОБИТАЕМЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

MODEL OF BEHAVIOR OF THE ARCTIC RUSSIAN OLD- TIME ON INHABITED TERRITORIES

Авторы: Бердникова Татьяна Александровна

Annotation: *Russian old-timers call descendants of the ancient population of Siberia (XVI - first half of XVIII centuries). Russian old-timers live now in all parts of Yakutia. The arctic Russian old-timers live in isolation - the Russian Estuary and the Chokurdakhs on the Indigirka and the citizens of the Pokhodsk and the Chersky villages on the Kolyma. The remoteness of the places of residence of arctic old-timers still precludes the constant systematic study of their traditional culture. The problems of reconstruction of the picture of the world of Russians in the North-East remain relevant. Systematization of existing data and the collection of new, unique in nature, are of great value for science, as they allow to describe a large layer of the popular culture of immigrants as part of the Russian national community and the expression of Russian national identity. The peculiarities of behavior of representatives of the Russian subculture, reflected in folk signs. Social changes, universal literacy, the achievements of scientific and technological progress had a minimal impact on the structure of the life of the Russians. The proximity to nature, the orientation to it in everyday life contributed to the development of a whole system will take, which are both rational and irrational. The material for the study was the data from the Manuscript Fund of the Archive of the YANTS SB RAS (Yakutsk), SPBF ARAN (St. Petersburg), ethnographic literature, materials of the Museum of Russian Old-Time Speaking of Yakutia Philology Department of NEFU, personal field records of the author.*

Keywords: *arctic old-timers, dialect, folklore, field research, metalinguistic consciousness, signs, patterns of behavior.*

На территории Якутии в течение четырех столетий постоянно проживает русское старожильческое население, которое является «островками» русской культуры, т.к. переселенцы стремились сохранить традиции своих предков: самобытный язык, культуру, фольклор. Оказавшись на севере, говорящие не испытывали влияния литературного русского языка, что позволило сложиться русским говорам, отличающимся от других как европейской России, так и Сибири в целом. Особенно это ярко выражено среди арктических русских старожилков – русскоустыинцев и походчан. Всего в арктической зоне РФ зафиксировано только 3 места компактного проживания русских, два из которых находятся на территории Якутии.

Специфическое территориальное положение позволило сохранить в языке переселенцев много архаических черт, что сказалось как на речевом поведении, так и поведении старожилков в общем.

Русскоустыинский диалект долгие годы находился практически в изоляции и избежал в 17-19 веках влияния как со стороны литературного русского языка, так и других русских диалектов. В советское время контакты с другими русскими стали более частыми, в лексический состав говора стали все чаще проникать новые слова, отражающие прежде всего общественно-политические реалии и технические новинки. Однако за счет ведения специфических форм

хозяйствования диалект до сих пор остался в сохранности в отличие от других русских диалектов, где смена социального устройства привела практически к полной утрате деревенского быта.

В результате полевых экспедиций в 2014 и 2018 гг. при непосредственном наблюдении и фиксации нами был собран фольклорный и диалектный материал, который позволил выявить некоторые особенности поведения русскоустыинцев в тех или иных повседневных ситуациях. Также в исследовании были использованы архивные, этнографические материалы 19-20 веков, фольклорные материалы, диалектные словари, тексты газетных статей разного периода.

Традиционные промыслы, быт и фольклор русских старожилов Арктики, их взаимодействие с коренными малочисленными народами Северо-Востока не раз становились предметом научного изучения. Работы И.А. Худякова, Ф.П. Врангеля, Г.Ю. Манделя, В.М. Зензинова, В.Г. Богораза, А.Л. Биркенгофа и М.А. Кротова, Т.А. Шуба и Н.А. Габышева и др., экспедиция братьев Н.Д. и Д.Д. Травиных в 1928 году, проф. С.Н. Азбелева в середине 1980-х годов, экспедиция В.И. Зоркиной и В.Д. Осиповой, Н. Вахтина, Е. Головки, П. Швайтера, А.Г. Чикачева тому подтверждение. Данные описания позволяют говорить о наличии у местных жителей уровня метаязыкового сознания, включающего в себя представления о речезыковой действительности, и являющегося частью наивной языковой картины мира и мировоззрения носителей диалекта вообще. Главная черта метаязыкового сознания – это принадлежность к населению всего села, невыделение себя из социума, что характерно для общего поведения русскоустыинца. Поэтому частотны местоимения *Мы* и *НАШИ*. Особенно часто местоимения появляются в контекстах, когда заходит речь об особенностях быта, отражающего общинное устройство жизни русскоустыинца. Коллективное сознание проявляется, в том числе, и в указаниях на приметы, которые выступают как некий знак, моделирующий поведение человека. Приметы регулируют поведение в доме, около дома, в незнакомых местах, в тундре, на реке, на озере, при совершении различных ритуалов.

На основании архивных данных и этнографических материалов нами была составлена и предложена для заполнения анкета, задачей которой было выяснить сохранность примет с одной стороны, и ориентацию на них современного русскоустыинца. Практически все 46 вопросов получили подтверждение. Например, в тундре до сих пор запрещается кричать, громко разговаривать. Женщины и дети не должны брать в руки оружие, можно его испортить. Летом, когда ловля ведется на участках и семьи проживают на реке в небольших домиках, нельзя в изголовье класть сети, потому что «ум будет путаться». Зимой ненастье может остановить тот человек, который родился в тихую погоду. Большинство примет связано с сильным влиянием суровой природы Севера на человека: когда можно/нельзя что-либо делать, как птицы/звери предсказывают погоду. Однако есть и приметы, связанные с религиозными представлениями. Эта группа примет ориентирует говорящих к христианским православным праздникам и связанным с этими датами началом/окончанием сезонных работ, например, к Покрову (14.10) надо последнюю дырку заткнуть, т.е. закончить любое дело. Отметим, что на Севере ориентация на даты православного календаря и связанных с его датами проведение тех или иных действий характерно не только для русских старожилов, но и коренных народов.

АРКТИЧЕСКАЯ ЯКУТИЯ: СЕВЕРНЫЕ ТЕКСТЫ КУЛЬТУРЫ (ЯЗЫКОВЫЕ КОНЦЕПТЫ И ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ОБРАЗЫ)

Авторы: Данилова Наталия Ксенофонтовна

Аннотация: В статье рассматриваются семантические репрезентации концепта «Север», которые позволяют увидеть отражение ментальных представлений у этнолокальной группы северных якутов. Концепт «Север» как сочетание вербальных характеристик и мифологических образов, «север» в визуальном наследии, «север» в геопоэтике и как вектор промышленно-географических открытий и пр. – представляет собой пространственную картину мира, сформировавшуюся на протяжении нескольких веков на базе культурных и ментальных моделей различных этнических групп. В связи с чем анализируется смысловой контекст слова «хоту», в котором проецированы как когнитивные образы с отрицательной характеристикой, так и признаки консолидирующего элемента у северных якутов в формировании «территории идентичности». Северный текст культуры репрезентирует особый локальный вариант картины мира. Таким образом, выявляются языковые концепты и географические образы, в которых отражены древние пласты архетипического сознания связанных с метафорой Юга и новые концептуальные образы, сформировавшиеся в результате смешения разных культур: пришлых (южных) и коренных (северных). Совокупность мифов и этнокультурных представлений, связанных с мотивом север/холод, рассматриваются как один из инструментов конструирования бренда Якутского края.

Ключевые слова: Якутский север, северные якуты, территориальная идентичность, ресурсы холода, концепт Север/Хоту, языковой концепт, образы и символы, бренд.

Северный менталитет и образы северных территорий, освоение Севера и сохранение его самобытности, – на рубеже XX-XXI столетий стали социокультурными доминантами в изучении современного общества.

Целью нашего исследования становится историко-когнитивный анализ ментального восприятия и осмысления мира в его пространственных координатах, образах и языковых концептах, насыщенных архетипическими, сакральными, символическими смыслами, на материале этнолокальных групп северных якутов. В плане исследовательской стратегии, нам наиболее близка концепция имагинальной географии и методы спатального анализа, используемые для изучения локальных общностей, как социальные и культурные практики влияют на пространство, и наоборот, как пространство, место влияют на человека, его самосознание, сферу символических представлений и т.д. [Замятин, 2003, 2004].

Движение на север якутских племен, носителей южной номадической культуры, смоделировало новое географическое пространство «Якутский Север/Арктическая Якутия» с его природным рельефом, животным и растительным миром, этнокультурными и социальными связями, своеобразной и самобытной духовной культурой. Следует отметить, что у народа саха «арктическое пространство» обозначается термином «Крайний Север» (Уһук хоту дойду). Если «Арктика» есть конкретное географическое пространство, то «Север» – это направление света и обозначает периферию освоенного пространства (Север Якутии, Русский Север, Северная Азия и т.д.).

«Север» как географическое пространство в общей картине мира народа саха воспринимается как «чужой» локус, поскольку в символической топографии, именно там находится мир мертвых. Между тем концепт «Север» также выступает и как маркер территориальной идентичности. У северных якутов, существует своя легендарная версия, согласно которой именно их территория является той ойкуменой, где проживают потомки «настоящих якутов» (дьин сахалар), а потому, является центром основного ядра культурной модели народа саха. Так, на пограничье центра и периферии сформировались локальные картины мира. Ментальный ландшафт пограничной культуры северной зоны репрезентировал свою мировоззренческую систему. Таким образом, духовный универсум концепта «Север» как особый текст культуры, где каждый ее элемент (язык, фольклор, мифология и ритуал) организует свое знаковое пространство.

Любопытно, что у коренных северных народов в мифоритуальном пространстве не зафиксировано направление света «Хоту/Север» (дртюркс. Ходы – вниз, внизу), а мифологический Нижний мир находится под «Муустаах байгал» - Северным Ледовитым океаном^[1]. В смысловой контекст слова «холод» проецируются когнитивные образы с отрицательной символикой и негативной характеристикой. Так, например, про заболевшего человека говорят: «тымныйбыт» (букв: 'похолодел'); про умершего – «сойбут» ('остыл' умер); «тымны холумтаннаах ыал» (букв.: 'семья с холодным очагом' негостеприимная семья) и т.д. Следовательно, отрицательным ореолом нагружен когнитивный образ Северного Ледовитого океана, поэтому концепт «холод» имеет в своем смысловом контексте негативные характеристики. Термин «хоту» используется также и в следующих значениях: «сюрюк хоту» - 'движение, совпадающее с направлением течения реки'; «кини ыйаагын хоту» - 'поступок, совершенный согласно его указу'; «багам хоту, санаам хоту» - 'по своему желанию'. Т.е. в смысловую нагрузку термина «хоту» включены сквозные значения, на котором эксплицируются представления об освоении северных территорий (добровольное освоение, а не бегство от служилых людей).

Концепт «холод» в последнее время как метафорический образ переживает второе рождение. Действительно, холодный климат воспринимается как источник дополнительных благ и возможностей для человечества. Ресурсы холода издревле использовались при хранении продуктов питания. Считается, что именно холод является основным фактором долголетия у северных жителей, а также выступает индикатором естественного выживания.

Одним из наиболее ярких примеров ребрендинга концепта «холода» является продвижение бренда «Полюса холода» и выдвигание на арену имиджевого пространства символов-образов, связанных с северными культурными текстами «Якутского Севера». Это – якутский конь и северные коневоды – как символ южной культуры; гнездящийся в тундровом ландшафте белый журавль стерх – как символ красоты северной природы и человека в целом; алмаз – собранный образ, олицетворяющий природные богатства Якутии, мамонт – как символ вечной мерзлоты и олень – олицетворяющий красоту и мужество северных людей в целом.

В последнее время, концепт «холод» становится главным брендом Якутии, привлекающим туристов со всего мира. На этом фоне, активно развивается бизнес-кластер как у местных, так и у китайских производителей. При этом обязательным трендом выступает использование в товарной марке слова «Хоту - Север» и «Таба - Олень»: Хотугу танас, Хоту ас, Хоту-тент, Таба танас, Таба-пант и т.д. При этом, экстремальные условия севера и его метафорические образы репрезентируются как показатель высшего качества и особой надежности.

Таким образом, в системе ребрендинга «Якутия - страна вечной мерзлоты», в котором природно-климатические условия становятся одним из основных инструментов конструирования образно-географических моделей. Так, если у наших предков зима - холод -

север ассоциировались с отрицательно-негативными представлениями, то сейчас в массовом сознании они дают рефлектируемое представление о ландшафте Якутского края.

Использованная литература:

1. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003
2. Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004

[1] ПМА. Е.П. Тимофеева-Терешкина. 1952 г./р. г. Якутск, уроженка Анабарского р-на (зап.от 2013 г.); М.П. Атласова-Таас кыыһа. 1943 г.р. с. Табалах, Верхоянского р-на (зап. от 2014 г.); устное сообщение Е.К. Алексеевой, г. Якутск (2018 г.).

COLD AND ITS ESTHETICS IN CULTURAL AREA OF THE NORTHERN CITIES: THE CASE OF YAKUTSK

Авторы: Сидорова Лена Алексеевна, Фергюсон Дженан

This presentation considers the cultural area of the city of Yakutsk. Cold and permafrost, differences of summer and winter temperatures create the unique identity of Yakutsk as a northern city on permafrost. Sounds, smells, proportions, communications and symbols - this semiosphere forms a special cultural space of the northern city.

Yakutsk was founded as a fort in the middle of the 17th century. Yakutsk is older than St. Petersburg, the Northern Capital of the European part of Russia. This comparison with the capital may be considered as flattering in a way; it actually illustrates a relativity of the "northern city" concept, that varies depending on a cultural and historical context.

The northern identity of the settlement reflected its genesis - from the Cossack fort and a point of territorial expansion in the northeast of Russia to transport hub and the capital of the Republic. During the different periods of history the image of Yakutsk has changed, from the Russian orthodox city to the Soviet city with industrial zones, the Center and slums.

Lifelessness, emptiness, an icy cold, silence - for a long time, these were the main metaphors and descriptors of the "northern-ness" of Yakutsk. Stone civil engineering created the new image of the city. Yakutsk's winters with low temperatures have always created technological challenges. The antithesis of Cold is Heat, and so the ways of heat transfer generate a special technological landscape: pile houses, elevated communications, wires - all of this industrial furniture of the city is now its hallmark.

Permafrost and cold led to the formation of special types of communication, which were stretched out in physical space of the city as symbols of a special form of social cooperation. Cold and permafrost also created a dramatic urban esthetics through the collision of natural and the artificial or industrial.

This paper considers cold and permafrost as the source of development of cultural space of the city. The unique space of the city is created by its architecture, elements of technological communications and the linguistic landscape (the concept of "North" in names of hotels, banks and jewelry stores).

The paper is based on a research of cultural space of the city, its linguistic landscape that has been conducted since 2013 in Central federal district of Yakutsk. Methods of a research were observation, interviewing, methods of fixing of objects ; the results of this research regarding the analysis of a linguistic landscape were published in the Language Policy magazine, Springer in 2016.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ ЯКУТСКА

Авторы: Радченко Наталья Николаевна

Аннотация: В статье рассматриваются дореволюционный, советский и современный этапы истории формирования городской среды Якутска. Отмечается, что городская среда Якутска формировалась в условиях суровых природно-климатических условий. Город вначале формировался, как город – острог, крепость. Со временем инфраструктура города развивалась. В XIX веке в Якутске строились каменные церкви, открывались школы, социальные учреждения, культурная жизнь города развивалась. Самые большие изменения в истории городской среды произошли в XX веке, численность населения увеличилась в 20 раз, расширились границы города, было построено много жилых благоустроенных домов. Социальная инфраструктура города в советский период стала крайне разнообразной, были построены административные здания, детские сады, школы, вузы, медицинские и культурные учреждения. На современном этапе развития городской среды Якутска сохраняется ряд проблем: невысокий уровень благоустройства, плохое состояние дорог, недостаточный уровень комфорта, неразвитая инфраструктура досуговых учреждений. Муниципальным органам власти следует продолжить целенаправленную деятельность по развитию комфортной городской среды Якутска.

Ключевые слова: история, городская среда, Якутск, острог, каркасная инфраструктура.

Annotation: *The article discusses the pre-revolutionary, Soviet and modern stages of the history of the formation of the urban environment of Yakutsk. It is noted that the urban environment of Yakutsk was formed in the conditions of harsh natural and climatic conditions. The city was first formed as a city - fortress. Over time, the infrastructure of the city developed. In the 19th century, stone churches were built in Yakutsk, schools, social institutions opened, and the cultural life of the city developed. The biggest changes in the history of the urban environment occurred in the twentieth century, the population increased by a factor of 20, the boundaries of the city expanded, and many comfortable houses were built. The social infrastructure of the city during the Soviet period became extremely diverse; administrative buildings, kindergartens, schools, universities, medical and cultural institutions were built. At the present stage of development of the urban environment of Yakutsk, a number of problems remain: a low level of improvement, poor road conditions, insufficient comfort, poor infrastructure of leisure establishments. Municipal authorities should continue targeted activities to develop a comfortable urban environment in Yakutsk.*

Keywords: *history, urban environment, Yakutsk, prison, frame infrastructure*

Городская среда Якутска формировалась с момента основания города в 1632 году под воздействием исторического, политического, географического, природно-климатического, социально-экономического факторов. Природно-климатические особенности края, удаленность от центра, неразвитость транспортной инфраструктуры определили условия формирования городской среды.

В ходе истории развития города формируется его материальная основа, или т.н. «каркасная

инфраструктура». [1] Предназначение города, состав населения и его занятость, местоположение во многом определяют городскую среду.

Город Якутск был основан в 1632 году Петром Бекетовым на пути продвижения России в Сибирь, как форпост освоения Северо-Востока страны. Поэтому город в начале своей истории формировался, как город – острог, место пребывания царской администрации, казаков, центр христианизации народов Якутии. Основным объектом городской среды был деревянный острог. Со временем оборонительное значение острога падало, в Якутске стал формироваться посад, росло торгово-промышленное население города, строились церкви, жилые дома. Якутск стал и местом ссылки.

В XVIII веке городская среда Якутска, хоть и крайне медленно, но развивалась. В городе появились первые каменные здания. В 1707 году по указу Петра I строилось каменное здание воеводской канцелярии, положив начало возведению каменных сооружений на вечной мерзлоте. ([2] Были построены каменные Троицкий собор и Богородицкая церковь.

Структурные изменения в городской среде Якутска происходили в XIX веке. С ростом численности населения города, развивались жилищный, социальный, культурный каркасы города. Якутск получил статус центра области, росло его значение в качестве центра торговли. В городе действовала ярмарка с 1768 года, в самом центре Якутска был построен Гостиный двор, снесенный только в 1957 году. Городская инфраструктура Якутска развивалась и расширялась, были открыты медицинские, образовательные учреждения, в конце XIX века активизировалась культурная жизнь, начала работу типография, издавались «Якутские епархиальные ведомости», открылись музей и библиотека, стали ставить любительские спектакли. Доминантами Якутска оставались церкви, город простирался вдоль набережной от Богородицкой церкви до комплекса сооружений мужского Спасского монастыря, был застроен, в основном, одноэтажными деревянными домами. В целом, в XIX веке Якутск представлял собой тихий провинциальный город, находившийся на самой периферии Российской империи.

Наиболее интенсивные изменения городской среды Якутска произошли в XX веке. В начале века якутский губернатор И.И.Крафт внес большой вклад в развитие города, при нем развивалось городское благоустройство, появились телефон, телеграф, построены каменные здания музея-библиотеки, казначейства, увеличилось число учебных заведений.

Революция 1917 года, установление Советской власти, создание ЯАССР придали Якутску статус административного центра автономной республики. Уже в 1920-1930-е гг. городская среда стала меняться. Коммунистическая идеология оказывала влияние и на жизнь города, закрывались церкви, переименовывались улицы, стали проводиться советские праздники, развивалась социальная инфраструктура, строились школы, больницы, было открыто первое высшее учебное заведение – Якутский педагогический институт. В городе стали строить каменные дома. В ходе сталинской модернизации экономики, индустриализации промышленности численность городского населения выросла практически в 4 раза, с 15,1 тысячи в 1926 г. до 60,2 тысяч в 1939 г.

С конца 1950-х гг. городская среда Якутска интенсивно развивалась, возросла численность населения с 86,4 тысяч в 1959 г. до 219,5 тысяч в 1991 г. [3] Такой резкий прирост населения привел к инфраструктурным изменениям городской среды. В годы пятилеток велось интенсивное жилищное строительство. Город застраивался по типовым проектам, формировались новые городские кварталы. Строились административные здания, дороги, детские сады, школы, больницы, культурные учреждения, проводилось озеленение города. В Якутске сложилась сеть площадей, памятников и памятных мест, связанных с выдающимися историческими деятелями и событиями. Центр города формировался вокруг площадей Ленина,

Орджоникидзе, Дружбы народов.

Природно-климатические особенности региона определяют ритм жизни горожан. Повседневная жизнь якутян зависит от чередования сезонов. Практически с ноября по март горожане живут в условиях суровой зимы, что предопределяет их потребности в теплой верхней одежде, обуви, особенности досуга, который в зимнее время может быть организован только в помещении.

В советский период городская среда Якутска активно развивалась, ее структура должна была отвечать потребностям растущего населения, однако в условиях плановой экономики рост населения как правило опережал развитие городской инфраструктуры. Уровень городского благоустройства оставался недостаточным, в Якутске в советский период продолжали строить деревянные жилые дома, значительная часть горожан проживало в неблагоустроенных домах, в том числе с печным отоплением.

На современном этапе в городской среде Якутска произошли значительные изменения. Каркасная структура городской среды Якутска развивается в условиях рыночных отношений. С отказом от плановой экономики развитие городского хозяйства стало строиться на новых принципах. Почти прекратилось строительство однотипного жилья по советским проектам. Расширилась социальная инфраструктура города. С начала 2000-х развернулось широкое жилищное строительство, которое ведётся теперь частными строительными компаниями.

Городская среда Якутска нуждается в дальнейшем развитии и совершенствовании, не все ее элементы соответствуют реалиям современности. На наш взгляд, развитие городской среды Якутска должно стать более продуманным, комплексным и планируемым процессом, а не хаотичным и зависимым от различных обстоятельств.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ильина И.Н. Качество городской среды как фактор устойчивого развития муниципальных образований//Имущественные отношения в Российской Федерации. 2015. № 5 (164). С.69-82. <https://elibrary.ru/item.asp?id=23438512>.
2. Якутия. Историко-культурный атлас. – М., 2007. С. 780.
3. История города Якутска//Город Якутск. Официальный сайт//<https://якутск.рф/cityes/>. Дата обращения 19.11.2018.

ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Авторы: Прокопьева Наталья Юрьевна

Annotation: *The study of the spatial behavior of a person is an integral part of the study of everyday behavior. The behavior in space depends on many factors of social, psychological and cultural factors. As a cultural factor, the article discusses representation subjective experience is focused, which can influence the characteristics of spatial behavior. The purpose of the conducted study was to describe the features of the spatial behavior of a person in a situation of interaction with different people, as well as the role of cultural factors in the formation of strategies of spatial behavior. During the conducted study, the following features of the spatial behavior of people in extreme climatic conditions were identified. First, the boundaries between the personal and social zones of the personal space were erased, the public zone is not observed at all. Secondly, the distances of the personal space were greatly reduced. Thirdly, spatial concepts that exist in a given culture have a strong influence on spatial behavior. Thus, representatives of Western culture are dominated by the idea of space being linear, from point to point. But there is another idea of space, where the basis is the center, which has strategic importance, and the periphery, margins, with less delineated boundaries.*

Keywords: *space, proxemics, behavior, personal space, representation*

Повседневная активность человека проявляется в его поведении, совершаемом в определенном пространственно-временном континууме. На организацию самого континуума и особенности поведения человека в нем оказывают влияние не только социальные, психологические, ландшафтные факторы, но и культурные. Интерес к особенностям пространственного поведения возник давно, существует целое научное направление «проксемика». Термин, введенный Э. Холлом, означающий изучение личного и общественного пространства и восприятие его человеком, и то, каким образом человек бессознательно структурирует свое микропространство, поддерживая дистанцию с другим человеком в процессе повседневных взаимодействий. [1]

Целью проведенного проксемического исследования являлось описание особенностей пространственного поведения человека в ситуации взаимодействия с разными людьми, а также роли культурных факторов в формировании стратегий пространственного поведения. На первом этапе исследования был проведен ассоциативный эксперимент. На стимул «холод» было получено 52 ассоциативных реакции, которые условно можно поделить на 2 большие группы: «физиологические реакции» (дрожь, стучат зубы, красные руки и т.п.) и «смысловые реакции» (низкая температура, мерзлота, скученность и т.п.). Интересным, на наш взгляд, является ассоциация «скученность», которая отражает представление о том, что чем ближе люди находятся друг к другу на морозе, тем теплее, тем больше шансов выжить. Такая ассоциация находит свое отражение и в поведении, о чем будет сказано ниже. На втором этапе было проведено собственно проксемическое исследование по изучению персонального пространства, т.е. дистанции, на которую индивид допускает к себе человека во время общения. В качестве метода использовалась шкала Дьюка и Новицки (1972). Человеку предлагается достаточно большой однородно окрашенный квадрат и несколько небольших бумажных кружков другого цвета. Соотношение размеров стороны квадрата и диаметра кружка примерно 10:1. Кружки символизируют самого испытуемого и каких-либо других людей, отношение к которым он выражает, располагая кружки-людей на квадрате-комнате. [2]

В качестве стимулов были использованы такие понятия как «родственник», «знакомый», «малознакомый», «незнакомый человек». В исследовании приняли участие 50 испытуемых якутской национальности. Э.Холл в персональном пространстве выделял 4 зоны: интимная зона имеет размеры примерно от 0 до 45 см, персональная зона - расстояние от 45 до 120 см, социальная зона - интервал от 1,20 до 3,65 м, публичная зона имеет протяжение от 3,60 м и далее. В результате проведенного исследования нами были получены следующие результаты: интимная зона уменьшилась и составила от 37 до 40 см, это есть та зона, куда мы допускаем близких родственников и тех, кому доверяем. Персональная и личная зоны оказались объединенными, без ярко выраженных границ. Если знакомого человека допускают на расстояние от 40 до 60 см (в среднем), то малознакомого человека на 90 см (в среднем), а незнакомца на 1,3 м (в среднем). Публичной зоны не наблюдается вообще. Персональная, социальная, публичная зоны оказались «сжатыми», с уменьшенными расстояниями и без четко выраженных границ (высокая вариативность). Таким образом, можно констатировать, что наблюдается существование внутреннего, интимного пространства и внешнего, и между ними имеется граница, которая разделяет пространство на внутреннее, имеющая свою структуру и внешнее, которая строится по другим законам. В этой связи можно провести некоторую историческую аналогию. Р.Маак писал, что якуты не любят селиться обществами и предпочитают жизнь уединенную, жилища их обыкновенно расположены особняками, обнесенные изгородью и в весьма немногих местах можно встретить более скученные урочища, например, около рыбных озер. В тоже время организация пространства внутри юрты дает совершенно другую картину. Согласно описанию Р.Маака, вдоль передней и левой от входа стен находятся несколько углублений вроде лежанок, служащих спальнями членов семейства, и все такие углубления имеют свои названия, все перечисленные лежанки отделяются друг от друга или тонкими досками или просто шкурами.[3] Получается, что внешняя граница определяется четко, а внутренняя граница смазана, стерта. Аналогичная картина наблюдается и в пространственном поведении, где четко определена граница «свой»-«чужой». Кроме того, как показало проведенное исследование сама дистанция между общающимися очень невелика, по сравнению с данными Э.Холла. С чем связана такая особенность пространственного поведения? В проксемических исследованиях была выявлена закономерность согласно которой плотность населения на определенной территории влияет на персональное пространство. Чем выше плотность, тем меньше расстояния персонального пространства. В нашем исследовании расстояния персонального пространства соответствуют культурам с высокой плотностью населения. Почему? Позволим себе высказать предположение, что такое положение дел обусловлено, в первую очередь, экстремальными климатическими условиями. Территория большая, а население проживает достаточно компактно, что увеличивает плотность, т.е. территория заселена неравномерно, поэтому демонстрируемому пространственному поведению свойственны черты культур с высокой плотностью населения.

На пространственное поведение оказывают влияние те представления о пространстве, существующие в данной культуре. Так у представителей западной культуры преобладает представление о пространстве линейное, от точки к точке, такому принципу построены все современные города. Но есть и другое представление о пространстве, где основой является центр, имеющий стратегическое значение, и периферия, окраины, с менее очерченными границами. Такое представление больше характерно для азиатских культур. Как нам кажется, в культуре якутского народа центр имеет важное значение. Если рассматривать обустройство юрты, то центральное место занимает очаг, камелек. В городах сакраментальное значение приобретают площади. При разделении пространства на внутреннее и внешнее, внутреннее пространство («Я») есть центр, точка отсчета для совершаемых дальнейших действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Холл Э. Как понять иностранца без слов. - М: Вече, 1997.
2. Плюсин Ю. Пространственное поведение. - Новосибирск: Институт философии и права, 1990.-42 с.
3. Маак Р. Виллюйский округ. - М: Яна, 1994.-589 с.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «СЕВЕРНЫЙ ГОРОД» В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF "NORTHERN CITY" IN SCIENTIFIC DISCOURSE

Авторы: Кузин Вадим Юрьевич, Михайлова Виктория Власьевна

Annotation: *The study is devoted to the analysis of topics of northern cities in the Russian scientific discourse. The method of research is the content analysis of scientific databases RISC and Scopus for the period 2000-2018. The definition of "northern city" is analyzed, specific characteristics of northern cities are noted. A total of 434 sources of different scientific fields were studied. Additionally highlighted topics within each of the areas. Researches of the following sciences are allocated: geography (106 materials): 12 subjects; sociology (74): 33 subjects; biology and medicine (65): 21 subjects; pedagogy and education (45): 14 subjects; economy (35): 12 topics; cultural studies (24): 15 topics; history (17): 6 topics; social management (17): 9 topics; climatology (13): 3 subjects; equipment (10): 7 topics; sustainable development (10): 3 topics; Policy (9): 6 topics; philology (4): 1 subjects; psychology (3): 3 subjects; jurisprudence (1): 1 subject; philosophy (1): 1 subject. The leading position of geography, sociology, biology and medicine is explained by the actualization of the social aspects of the urban theme of the northern urban settlements. In this case, questions remain unexplored or unexplored. Among them: issues of humanitarian geography (geobrending, geopoetics, "genius of the place", etc.); anthropology of the northern city; subjective perception of the climate of the northern city and its changes; study of local history issues; coverage of the specifics of social problems (poverty, alcoholism, suicides, unemployment, etc.).*

Keywords: *northern city, scientific discourse, climate, content analysis, topics.*

Города всегда являлись важнейшими центрами, концентраторами экономики и человеческого капитала. Постепенно от понимания города как локальной точки произошёл переход к их системам – агломерациям, конурбациям, мегалополисам, городам-регионам. Но, несмотря на эту трансформацию, продолжают влиять факторы геоположения, климата, культурных особенностей. В век глобальных трансформаций «особость» городов остаётся актуальной тематикой исследования, привлекая специалистов широкого спектра наук.

В полной мере это относится и к тематике северных городов. Однако, прежде всего, необходимо проанализировать специфическую дефиницию – «северный город». Анализировались материалы российских авторов за 2000-2018 гг. с использованием научных баз РИНЦ и Scopus по методу контент-анализа. Он позволяет анализировать выбранные массивы информации, переводя её из вербальной информации в более объективные невербальные формы, которые затем анализируются [4].

В результате проведённого исследования обнаружено, что общепринятого научным сообществом понятия «северный город» нет. Но можно отметить следующие: города, находящиеся севернее 60⁰ с.ш., характеризующиеся крайне дискомфортными природно-географическими условиями жизни; город, жизнедеятельность которого детерминирована природными рамками зимнего периода, что напрямую влияет как на экономику, так и на

жителей города и связи между ними; город, динамика развития которого характеризуется коммуникативными и инфраструктурными изменениями, заключающимися в перестройке города от ресурсного к многопрофильному центру [1]; город, обладающей выраженной специфической северной идентичностью, заключающейся в устойчивом функционировании паттернов поведения несевверных территорий в условиях быстрого формирования городского социума [5].

Как видно из краткого обзора, важнейшим сущностным признаком северного города являются его природно-климатические условия. Однако для полноты понимая северного города как специфичной категории необходимо отметить и другие признаки. Среди них: удалённость от крупных экономических центров; возникновение как ресурсных центров, «очагов» индустриального освоения территории; быстрое формирование самого города и придание городского статуса; формирование специфических городских идентичностей; слабая внутренняя структурированность городской территории (особенно это касается городов в АЗРФ); высокие темпы миграционного притока и оттока (что поддерживает высокий уровень развития человеческого капитала этих городов [3]).

Сложность и специфичность северных городов определяют исследование их различными науками. Нами были отмечены 434 исследования следующих наук (дополнительно с выделением внутри каждой из них тематик): география (106 материалов): 12 тематик; социология (74): 33 тематика; биология и медицина (65): 21 тематика; педагогика и образование (45): 14 тематик; экономика (35): 12 тематик; культурология (24): 15 тематик; история (17): 6 тематик; социальное управление (17): 9 тематик; климатология (13): 3 тематика; техника (10): 7 тематик; устойчивое развитие (10): 3 тематика; политика (9): 6 тематик; филология (4): 1 тематика; психология (3): 3 тематика; юриспруденция (1): 1 тематика; философия (1): 1 тематика.

Таким образом, тематика северных городов исследуется различными науками, что демонстрирует актуальность выделения такого концепта как «северный город». При этом, лидирующими научными направлениями выступают география, социология, биология и медицина. В совокупности это указывает на актуализацию социальных аспектов урбанистической тематики северных городских поселений [2].

Однако, несмотря на широкий научный охват исследуемой проблематики остаются вопросы малоисследованные или неисследованные вообще. Среди них можно отметить:

- вопросы гуманитарной географии (геобрэиндинг, геопоэтика, «гений места» и т.д.);
- антропологию северного города;
- субъективное восприятие климата северного города и его изменения;
- исследование краеведческих вопросов;
- освещение специфики социальных проблем (бедности, алкоголизма, суицидов, безработицы и т.д.).

Литература

1 – Волосникова Е.А. «Северный город»: новая трактовка понятия / Е.А. Волосникова // Социум и власть. – 2011. – № 2 (30). – С. 19-23.

- 2 – Кузин В.Ю., Михайлова В.В. К вопросу об урбанистическом развитии Республики Саха (Якутия): на примере контент-анализа информационных источников // [Мозаика городских пространств: экономические, социальные, культурные и экологические процессы](#): сборник материалов всероссийской научной конференции. – М.: МГУ, 2016. – С. – 115-120.
- 3 – Мартьянов В.С. Трансформация факторов развития северных городов России: внутренние миграции и диверсификация ресурсов / В.С. Мартьянов // Дискурс-Пи. – 2013. - № 3 (13). – С. 66-73.
- 4 - Пашина И.А. Контент-анализ как метод исследования: достоинства и ограничения / И.А. Пашина // Научная периодика: проблемы и решения. - 2012. - № 3 (9). - С. 13-18.
- 5 – Российская Арктика в поисках интегральной идентичности / отв. ред. О. Б. Подвинцев – М.: Новый хронограф, 2016. – 208 с.

ХОЛОД В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

COLD AS THE FORMATION OF THE IMAGE OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

Авторы: Николаев Данил Анатольевич

Ключевые слова: имидж, регион, холод, Республика Саха (Якутия), туризм.

Annotation: *In a thesis features of climatic conditions of the Republic Sakha (Yakutia) are considered; representations and assessment of representatives of other countries about cold of the Republic Sakha (Yakutia); the factors influencing the status of cold as a brand; and development of tourism of the Republic Sakha (Yakutia). The Republic Sakha (Yakutia) is the coldest region in the Russian Federation. The climate is sharply continental, differs long winter and short summer in the periods., therefore the summer for the Yakut people is the most anticipated period. If in other countries, October is autumn month, and April spring month, and then in Yakutia these months are winter. The absolute minimum of temperature practically everywhere in the republic is below-50 degrees Celsius. In addition, we will note that the coldest place on Earth is called «cold poles», and in the Northern hemisphere such place is the settlement of Oimyakon in the east of Yakutia. In Oimyakon the most minimum temperature among all settlements on our planet – minus of 71 degrees Celsius is registered. Nothing grows in the settlement, and planes fly only in the summer and that once a week. Under such circumstances in Oimyakon and in the republic in general, people do not suppress the cars, as there is a probability that the car back will not be started. The Republic Sakha (Yakutia) is known to the world as the coldest place on Earth as the diamond field and as the place of production of a tusk of a mammoth. Recently tourists are attracted by cold of Yakutia. This factor is the main motivation for tourists. The tourist wants to be influenced by extreme climatic conditions of the Yakut people, to thereby check the character and will power on the Yakut earth.*

Keywords: *image, region, cold, Republic Sakha (Yakutia), tourism.*

Цель исследования – выявить факторы, влияющие на имидж Республики Саха (Якутия).

Методы исследования – наблюдение, анализ литературы.

Описание исследования. В ходе исследования мы рассмотрели упоминания о «Полюсе холода» в различных российских новостных сайтах.

Как пример можно привести тур иностранцев на Полюсе холода в январе 2018 года. По словам краеведа Тамары Васильевой, туристов из Индии, Вьетнама, Швейцарии и Австралии интересовали экстремально низкие температуры и быт местного населения. Туристам показали подледную рыбалку, фольклорные концерты и коневодство. Кульминационным моментом было купание съемочной группы из Японии на реке Индигирка при температуре минус 58 градусов, которые делали фильм о Полюсе холода. Помимо этого, российские туристы в рамках экспедиции, приезжали в Полюс холода на внедорожниках, продолжительность которого составляет примерно 8 дней. Туристы были удивлены якутским народом, а именно, тем как они живут в таких экстремальных климатических

условиях.

Также в 2012 году в Оймяконе побывал известный голливудский актер Том Харди с съемочной группой телеканала «Discovery». Актер почти голышом искупался в проруби, прокатился в оленьей упряжке, подоил корову, попробовал местного деликатеса, попарился в сауне, научился менять колеса при – 37 градусах, провел мастер-классы по борьбе, но и представить свой фильм в кинотеатре «Лена». Его тур является самым масштабным информационным поводом в последние годы, что естественно, отразилось на повышении имиджа Республики Саха (Якутия). Также во время визита в Москву этим летом, он признался, что до сих пор помнит Оймякон и не снимает амулет, который ему подарила шаманка. Также он упомянул, что он никогда не забудет свой визит в Якутию. Данная информация была упомянута в интернет-портале Первого канала.

Результаты исследования.

Таким образом, количество туристов увеличивается с каждым годом. Туризм Республики Саха (Якутия) обращает особое внимание на свои климатические условия, тем самым позиционирует свой холод как уникальное свойство республики среди иностранных туристов. На этой основе можно считать, что холод считается брендом Республики Саха (Якутия). Исходя из этого, данный сформировавшийся бренд можно использовать для развития якутского бренда на мировой рынок туризма.

Литература:

1. Информационное агенство России. Иностраных туристов не напугали шестидесятиградусные морозы в Якутии на полюсе холода. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.google.ru/amp/s/tass.ru/obshchestvo/4880409/amp>
2. Левиева К. Голливудская звезда Том Харди посетил «Зарядье» и дал эксклюзивное интервью программе «Время». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.1tv.ru/news/2018-09-22>
3. Самый холодный город на Земле. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.loveopium.ru/recordy-i-rejtingi/samyj-xolodnyj-gorod-na-zemle.html>
4. Якутия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Якутия>

ХОЛОДОВАЯ СЕМАНТИКА ЛАНДШАФТОВ ЯКУТИИ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛЮСОВ ХОЛОДА "ВЕРХОЯНСК" И "ОЙМЯКОН")

Авторы: *Филиппова Виктория Викторовна, Саввинова Антонина Николаевна*

Авторами статьи с применением картографического метода исследования на основе анализа топонимов, содержащих холодовые семантики, предпринята попытка обоснования местонахождения полюса холода Северного полушария. Территорией исследования выбраны два района Республики Саха (Якутия) Оймяконский и Верхоянский районы, где расположены город Верхоянск и поселок Оймякон, оспаривающие право именоваться «Полюсом холода» Северного полушария. Выдвинута гипотеза, что по наличию (количеству, частоте встречаемости, языку) топонимов холодной семантики можно обосновать местонахождение полюса холода. Изучены топонимы «холодовой» семантики, относящиеся к понятию «холод» к которым отнесены географические названия, содержащие слова «лед» и «снег» а также слова, означающие природные явления и процессы, происхождение которых связано с холодом. Из двух изученных районов, претендующих на звание «Полюс холода» топонимы холодной семантики, отражающие природные условия региона и характеризующие местные природные особенности – продолжительное залегание снежного покрова, длительный ледостав на реках, широкое распространение наледей, активный метелевый перенос больше встречаются в Оймяконском районе. Соответственно, можно предположить, что Оймяконский район характеризуется более холодными температурами воздуха и связанными с ними суровыми климатическими условиями проживания населения. Исторически сложившиеся географические названия объектов соответствуют природным условиям их расположения и отражают пространственное распределение климатических особенностей территории, географические условия отражаются в топонимах не случайно, а являются доказательством экстремальности климата

ЯКУТСКИЙ ТАНЦЕВАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Авторы: Стручкова Наталья Анатольевна

Культура повседневности – одна из популярных областей современного гуманитарного знания. Объектом изучения стали обыденные вещи, связанные с повседневной практикой человеческой жизни. Изучая объекты культуры в контексте повседневности, мы получаем возможность изучить их с точки зрения их целесообразности, нужности и важности для обыденной жизни человека. Безусловно, для каждого гуманитарного направления в науке обыденность разная и выражается по-разному. В частности для антрополога, повседневность выражается в виде типичных действий и повторяющихся ежедневных ритуалов. Для исследователя важно понять мотивы и механизмы типичных действий, которые тесно связаны с ценностными установками и потребностями общества в целом. Именно поэтому история повседневности формируется в рамках исторической науки, где история ежедневного быта рассматривается как отражение больших исторических событий. Каждый человек – участник и деятель истории. К одним из важных повседневных практик относится телесная практика. С древнейших времен она играла значительную роль в процессе адаптации человека к окружающей среде. Как известно в основе мира повседневности играет большую роль возможность соотнести любой объект среды с каким либо типически соотнесенным явлением, вещью, названием и т.д. Ведущую роль при этом выполняли телесные практики, связанные со стереотипом поведения. В свою очередь поведенческий стереотип имел целью достижение наилучших комфортных для жизнедеятельности человека условий. Так, как известно, возникает и развивается этикетное поведение, в основе которого лежит стремление установления коммуникативных отношений, как между членами сообщества, так и коммуникации с окружающей средой. Ярким выражением телесной практики в этом плане является ритуальное поведение, регламентированное мифологическим содержанием и ценностными установками древнего общества. Первоначальный синкретизм духовной культуры трансформировался в отдельные виды искусства, в частности элементы невербального ритуального поведения становятся частью танцевальной культуры. В силу исторически сложившихся условий в современных этнических культурах различают традиционную часть, сохраняющие основные ценностные установки центрального ядра этнической культуры, и ту часть, которая динамично развивается, видоизменяется и трансформируется. Якутский танцевальный фольклор представляет для исследователей весьма интересный объект изучения как феномен хорошо сохранившейся архаической культуры древних скотоводов, наиболее далеко в географическом плане распространивших свою культуру в Северной Азии. На протяжении длительного времени танцевальные традиции древних якутов были неразрывно связаны с процессом адаптации к северным условиям территории проживания. Без практики такой формы поведения как исполнение кругового хороводного танца осуохай, исполнения шаманских мистерий в виде танца удаганок, шаманской пляски и танца его ритуальных помощников – танцоров-битиситов, исполнения многочисленных поклонов и жестов с ритуальными атрибутами трудно представить сохранение этнической идентичности и презентацию этнической культуры якутов. Развитие традиционной танцевальной кинесики было тесно связано с хозяйственно-культурным типом этноса. Основное содержание традиционных танцев якутов составляют традиционные элементы, связанные с этнической картиной мира якутов, магическими функциями установления коммуникации (испрашивания плодородия, лечения, благодарения и очищения). Шаманские пляски и мистерии являются ключевыми фольклорными танцами в современной

танцевальной культуре якутов. Общеизвестно, что в якутских камланиях шаман олицетворяет себя с конем. Его путешествие в сакральный мир изображается в виде движения лошади. Конской пляской, представляющей из себя подражание дорожной хлыни верхового коня, шаманы добираются до верхнего мира. Мотив возникающих с восходом солнца небесных дорог, сверкающих белых перевалов является одним из главных в текстах хороводных песен. По ним приходят, спускаются добрые божества Айыы. Данный сюжет стал мифологическим сюжетом круговых хороводных танцев якутов во время проведения ритуального праздника Ысыах. Особое место в якутском танцевальном фольклоре занимает танец битиситов (битии – топтание) – непорочных молодых танцоров, помогающих белому шаману в обрядах, связанных с божествами Айыысыт (испрашивания душ детей), Ынахсыт хотун (посвящение жертвенных животных), Исэгэй Айыысыт (обращение к духу-хозяину скота). В ритуальных действиях на Ысыахе битиситы обеспечивали с помощью повторения движений и заклинательных текстов функцию усиления и помощи магического воздействия белого шамана на жертвенное животное и благодарения божеств Айыы. Характерное название битии - топтание и исполнение его в виде танцевальной формы магического воздействия подразумевает главный образ – лошадь. Начиная с 1936г. танцевальный фольклор якутов представлен сценическими танцами, в которых нашли отражение народные образы и почти все аспекты жизнедеятельности якутов. Сценический репертуар ансамблей советского периода связан с формированием первых «брендовых» образов Севера («Танец оленей», «Ягодки», «Северные танцы», «Приветственный танец», детский танец «Диеренкей», «Танец воинов»). В дальнейшем наблюдается рост этнических образов – «Кыталык ункуутэ» (танец стерхов), «Алгыс ункуутэ» (танец благопожелания), «Мунха» (танец рыбаков), «Сайылык оголоро» (дети сайылыка), «Ус ункуутэ» (танец мастеров), «Дэгэрэн ункуутэ» (танец дэгэрэн), «Кылыыы ункуутэ» (танец с движением кылыыы), «Чохчохой» (танец вприсядку), «Оччуттар» (танец сенокосчиков), «Чорон ункутэ» (танец с чороном), «Кымыс ункутэ» (кумысный танец), «Салама ункутэ» (танец с саламой), «Кыыс суктэр» (танец свадебного обряда), «Хомус ункутэ» (танец с хомусом) и др. Появились различные сценические варианты круговых хороводных танцев – янский осуохай, вилюйский, сунтарский, олекминский осуохай. В 80-х годах на основе традиционной пластики впервые создаются одноактные хореографические композиции. Они появляются в результате творческого поиска более зрелищных форм воздействия на зрителя. Рамки отдельных танцевальных номеров стали узкими для целостного восприятия танцевальных образов. В 1986г. руководителем фольклорного танцевального ансамбля «Эрэл» (г. Якутск) осуществлена постановка хореографической композиции «Свадебный ысыах», в которой воссоздавались старинные ритуалы соответствующие свадебной обрядности, в 1987г. появился одноактный спектакль “Легенда о хосуе” по мотивам произведения Далана “Глухой Вилюй”. Героическое время “кыргыз” предстало перед зрителями в танцевальных мужественных образах хосуев (воинов) и их предводителей. В 90-х годах появляются танцевальные постановки, воссоздающие древние ритуалы якутов – «Анахсыт тардыыта» (призывание плодородия), «Танец воинов», «Арчы ункуутэ» (танец обряда очищения), «Ситим ункуутэ» (танец обряда развешивания священных веревок-ситим), «Уот ункуутэ» (танец обряда поклонения огню) и др. Используя свободную пластику, в сочетании с традиционными движениями были созданы неповторимые танцевальные образы якутского эпоса - героев Верхнего, Среднего и Нижнего миров в этно-балетах “Ахсым Бэргэн” (автор либретто Иван Семенов), “Айгыр уонна Уолумар икки” (автор либретто и научный консультант - к.ф.н. А.Е.Захарова), “Кун уола” (научный консультант А.А.Кардашевская - Кубэйэ). Хореографические композиции “Хара саһыл” (по материалам С.А.Зверева) и “Сон шамана” были приурочены к празднованию юбилейных дат творчества и жизни великих представителей якутской культуры. Приоритетным моментом в определении роли танца в жизни якутов является не столько механическое сохранение формы и манеры исполнения танцевального фольклора, сколько – понимание содержания – семантического смысла исполнения. Именно это дает возможность новым поколениям «признавать» и считать

танцевальный фольклор «своим». Именно это дает возможность его сохранять и развивать последующим исполнителям. Наиболее ярко современный якутский танцевальный фольклор представлен в нескольких пространствах повседневности: - в приватном пространстве - пространстве самореализации - повседневной досуговой части жизнедеятельности вне дома - в самодеятельном танцевальном искусстве, - в публичном пространстве - в пространстве профессиональной деятельности - в артистической деятельности танцора, - в личном пространстве - регламентированной событиями жизненного цикла. В настоящее время, благодаря научной деятельности этнохореологов, искусствоведов, фольклористов, историков, этнологов, культурологов, изменился фонд танцевальных элементов, терминов национального танца. Музыкальное сопровождение постановок включает в себя много песенного фольклора и национальных музыкальных инструментов. Исследуя пространства повседневности, можно констатировать, что якутский танцевальный фольклор сохраняется и активно используется для развития этнической культуры.

СПЕЦИФИКА ПРОЦЕССА УРБАНИЗАЦИИ В СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ КАНАДЫ

Авторы: Башкиров Михаил Борисович

Города в северных территориях Канады были образованы сравнительно недавно: город Йеллоунайф был основан в 1970 году, Икалуит получил статус города в 2001 году, г. Уйатхорс был основан в 1950 году и г. Черчилл – в 1942 году. Традиционно урбанизация на Севере Канады была связана с изменениями экономического характера и промышленным освоением региона. Другим импульсом к процессу урбанизации стало улучшение транспортного сообщения на Севере, совершенствование транспортной инфраструктуру. Несмотря на то, что на Севере темпы миграции коренного населения страны из сельской местности в город постоянно растут, уровень урбанизации в этом регионе некоренного населения Канады все еще превышает уровень урбанизации коренного. Кроме того, в северных городах Канады происходят важные социальные трансформации такие как: появление широкого доступа к ряду различных услуг, разнообразие для места трудоустройства, доступ к образовательным и здравоохранительным услугам более высокого качества, повышается уровень социальной мобильности населения. К культурным последствиям относятся: проблема утраты родного языка и культуры, а также исчезновение самобытности коренных народов.

Образ холода в гуманитарном измерении: концепт, символ, идентичность

LES BEAUTÉS DU FROID : L'ESTHÉTIQUE DES PAYSAGES GLACÉS À TRAVERS LES RÉCITS DE QUELQUES VOYAGEURS DE LA MOSCOVIE À LA YAKOUTIE (18E-19E S.)

Авторы: *Guyot Alain*

Si les pays froids et leurs paysages hivernaux sont connus de très longue date, il faut, à la notable exception de quelques tableaux de Brueghel, attendre longtemps avant qu'il ne leur soit trouvé un intérêt esthétique quelconque : jusqu'au 18e siècle, les voyageurs en montagne, dans le Grand Nord ou en Eurasie continentale n'expriment que répulsion face aux « horreurs » de ces contrées glacées, dans lesquelles la survie reste la préoccupation principale. Cela est encore plus vrai pour ceux qui parcourent la Russie, à travers la Moscovie, la Sibérie, la Yakoutie, le Kamtchatka ou la région d'Okhotsk, qui ne bénéficient même pas des formes spectaculaires offertes par les hautes montagnes ou les icebergs. L'ennui devant la monotonie des paysages n'est que le moindre des maux qui les gagnent[1] : le pire, c'est bien entendu le froid qu'ils éprouvent et dont, au fil du 18e siècle et de l'évolution de la sensibilité, ils décrivent toujours plus précisément les effets sur leur corps : j'ai récemment évoqué cette question dans un article de la revue *Viatica*[2]. Je me contenterai de rappeler ici la mention de « l'horrible froid, presque incroyable » ressenti par Chappe d'Hauteroche dans les environs de Tobolsk en 1761[3] ou l'effroi de Lesseps face aux tempêtes de blizzard qu'il essuie en traversant le Kamchatka et la Sibérie orientale[4]. L'opinion des voyageurs sur ces contrées glaciales est fort bien résumée par Benyovzsky à propos de la province d'Okhotsk, qu'il considère comme « l'un des lieux les plus désagréables qui soient sur la surface de la terre », avec sa couverture de neige et de glace perpétuelle et son absence de végétation[5]. Au tout début du 20e siècle, l'ingénieur Edgar Boulanger, qui travaille à la construction du Transsibérien, dressera encore un tableau apocalyptique des paysages de l'Oural du Nord et de la Sibérie septentrionale[6].

Les avantages que ces voyageurs fort divers trouvent au froid se limitent souvent aux facilités de circulation qu'il autorise sur les terres durcies et les fleuves gelés de la Sibérie, comme le constatent, dans les années 1690, l'ambassadeur Isbrandt Ides[7] et le missionnaire Philippe Avril. Ce dernier note même qu'« on y voyage avec autant de facilité qu'on peut faire dans toute l'Europe[8] », en ayant parfois recours à une voiture traînée par « une espèce de cerf que je crois assez probablement être une de ces rennes, dont se servent les Samoyèdes » ou par « un grand chien », ou bien poussée en alternance par le vent « sur la terre couverte de neige, ou sur les rivières glacées, à peu près comme font nos vaisseaux sur la mer[9]. » On voit bien là que le père Avril ne connaissait la Sibérie que par ouï-dire !

Ailleurs, les voyageurs et les explorateurs se contentent de noter l'abondance des fourrures[10], de relever les températures inouïes, à l'instar de Gmelin, fameux explorateur de la Sibérie, au cours de son hivernage à Ienisseïsk en 1734-1735[11]. Il se borne à constater que

l'air était comme gelé ; il ressemblait à un brouillard, quoique le temps fût extrêmement clair. Cette espèce de brume ou plutôt cet air extrêmement condensé empêchait la fumée des cheminées de s'élever ; les moineaux et les pies tombaient et mouraient glacés, lorsqu'on ne les portait pas dans un endroit chaud. [...] Tant que durait le jour qui pour lors était très court, on voyait des halos ou couronnes et des parhélies, et pendant la nuit des parasélènes [...][12].

Le constat sera assez similaire pendant son hivernage - on devrait presque dire son hibernation - à Yakutsk l'année suivante : se limitant à observer les effets du froid sur les membres gelés, il se réfugie à l'intérieur pour se livrer à l'étude (des marmottes, entre autres) et offre aux lecteurs quelques considérations sur les habitudes alimentaires des Yakoutes[13]. Seules les aurores boréales, avec leurs couleurs chatoyantes, paraissent l'émerveiller :

[Elles] sont de deux espèces principales toujours uniformes. Dans l'une on voit entre nord-ouest et ouest un arc lumineux, duquel sortent plusieurs colonnes ou rayons de lumière qui ne s'élèvent pas très haut, et ne s'étendent jamais vers plusieurs parties du ciel. Sous l'arc le ciel est extrêmement obscur, cependant à travers cette noirceur on voit briller les étoiles. [...] L'autre espèce commence par quelques rayons qui paraissent vers le nord, et, presque en même temps, il s'en élève au nord-est ; les uns et les autres sont isolés. Ils augmentent peu à peu, occupent dans le ciel un grand espace, s'étendent avec une vitesse incroyable, et couvrent enfin presque tout le ciel depuis l'horizon jusqu'au zénith. On les y voit se réunir, et pour lors il semble que le ciel soit couvert d'un voile de lumière parsemé de rubis, de saphirs et d'or. Rien n'est plus beau que ce spectacle ; mais lorsqu'on ne l'a jamais vu, il imprime quelque frayeur : les rayons ne se déploient qu'en pétillant, sifflant et faisant le bruit du plus grand feu d'artifice.[14].

L'évolution des sensibilités, au tournant des 18e et 19e siècles, modifie toutefois quelque peu la donne. Lesseps, l'un des lieutenants de La Pérouse débarqué à Petropavlovsk en 1787 pour aller porter les nouvelles de l'expédition à Versailles après avoir traversé de part en part le continent eurasiatique (ce qui lui prendra au total 18 mois !), se montre charmé par l'effet « vraiment pittoresque » et cristallin des arbres pris par le gel :

[...] tous les sapins qui bordent en grand nombre ces rivières, y paraissaient des arbres de glace : un givre très épais, produit peut-être par l'humidité du lieu, s'était attaché à chaque rameau et en blanchissait toute la superficie[15].

Une vingtaine d'années auparavant, Bernardin de Saint-Pierre, alors officier du génie au service de l'impératrice de toutes les Russies, avait été l'un des premiers à entrevoir dans les tableaux offerts par les paysages glacés une ressource féconde pour l'imagination et la rêverie de ce qui ne s'appelait pas encore le romantisme :

Bientôt le ciel, dégagé de vapeurs, devient serein. La neige brille comme un sable de diamants ; l'air est rempli d'une poussière étincelante que le soleil tient dans un mouvement continu [...]. L'éclat de ces feux, joint à la lumière tremblante de la lune, rend les nuits d'une magnificence singulière ; le paysage est éclairé d'un jour sombre et doux. Les sapins en pyramides à différents étages, les

bouleaux en masse plus étendue, les villages, semblables à des terrasses, sont couverts de neige qui réfléchit la lumière, et présentent aux yeux mille objets fantastiques. On croirait voir des forêts, des colonnes, de vastes portiques, des sphinx, des avenues entières d'obélisques et de majestueux palais d'albâtre. Si l'on marche, la scène s'anime : ce sont des centaures, des harpies, des monstres hideux ; puis des tours crénelées, une forteresse inexpugnable, le dieu Thor et sa massue, enfin toute la mythologie du nord et du midi. On n'est point le maître de son imagination, et ces jeux de la vision st quelquefois aussi frappants que si ces objets étaient véritables[16].

Les voyageurs romantiques allaient-ils donc finir par reconnaître « les beautés du froid » ? On pourrait l'espérer à la lecture du récit enthousiaste que fait le major écossais Cochrane de sa traversée à pied du continent eurasiatique entre 1820 et 1823, de Dieppe jusqu'au Kamtchatka. Mais s'il se réjouit à mainte reprise des splendeurs romantiques de l'Asie centrale et du printemps sibérien, il ne parvient jamais à se libérer complètement de l'impression lugubre qu'il ressent à son arrivée à Yakutsk au mois d'octobre 1820 :

Mais qu'est-ce qui peut ne pas être triste en Sibérie en hiver[17] ?

[...] le paysage est triste et désolé car il n'y a pas d'habitation dans toute la région [sur] une distance qui équivalait à la moitié de l'Angleterre[18].

Sa première vraie manifestation d'enthousiasme pour les pays froids, on la trouve dans le récit de son arrivée au Kamtchatka en novembre, qu'il considère comme « une des régions les plus magnifiques » :

De grands sapins droits et fiers bordaient le côté droit de la vallée alors que des mélèzes nains, des aulnes et des bouleaux avec des formes arquées et tordues se trouvaient sur le côté gauche. Le contraste était extrêmement plaisant alors que nous glissions rapidement le long des vallées laiteuses[19].

Mais il reste attristé par la désolation de la route qui le reconduit d'Okhotsk à Yakutsk, sur laquelle il découvre Outchakan, « un des endroits les plus retirés et les plus désolés que j'aie jamais vus » :

Je n'avais jamais aperçu autant de beaux arbres dans une région aussi froide. Il est rare qu'un paysage soit aussi beau à une telle altitude. Le calme plat, à part le murmure des eaux et des arbres. On n'entendait pas une voix, on n'apercevait personne en-dehors des membres de notre propre groupe. Pas un feu, pas même une yourte de charité – en bref, rien pour accueillir le voyageur épuisé dans un endroit où règne l'hiver éternel. Un vent d'hiver glacial balayait la vallée en permanence en détruisant presque toute la végétation[20].

On sent la difficulté éprouvée par le voyageur à reconnaître une forme de sublime dans ces paysages uniformes et marqués par l'absence - de couleur, de bruit, de végétation, d'animaux ou d'êtres humains. Ce sublime « négatif » de la nature glacée, il faudra attendre encore quelques années pour en trouver toute la mesure, sous la plume de Théophile Gautier voyageant en train entre Saint-Pétersbourg et Moscou au cours de l'hiver 1859 :

Autant que la vue pouvait s'étendre, la neige couvrait la terre de sa froide draperie, laissant deviner à travers ses plis blancs la forme vague des objets, à peu près comme un suaire l cadavre qu'il déroberait aux regards. [...] On ne saurait imaginer la grandeur étrange et triste de cet immense paysage blanc, offrant l'aspect que présente au télescope la lune en son plein. Il semble qu'on soit dans une planète morte et saisie à jamais par le froid éternel. (233)

On le voit : il est encore loin, le temps où les beautés du froid finiront par toucher le grand public, où la féerie de la maison givrée de Varykino fera le succès du film tiré du *Docteur Jivago* de Pasternak et où les enfants se mettront à adorer *La Princesse des Glaces* !

[1] Voir encore chez Bourdier, au début du 20e s. : « C'est la même nature, inculte et sauvage, le même froid, la même neige, la même manière de voyager et le plus souvent aussi les mêmes mœurs, les mêmes habitudes, et je dirai presque les mêmes habitants. » (521)

[2] *Viatka*

[3] 315-316 ; voir aussi Thesby 85-86, 181

[4] 26, 48, 107

[5] 221-224

[6] Oural du Nord = « région sauvage, glacée, presque inhabitable » -> « regard triste et hargneux sur la plaine basse et déserte qui l'environne. Tout ce qui est vivant fuit cet empire de la glace, et même les roches insensibles, dures comme de l'acier trempé, s'effritent et se transforment en sable que les vents impétueux étendent çà et là. » -> quasi-absence de végétation, aspect « lugubre », exploration très difficile (lacs, fondrières, froid glacial) [3] -> limite sud = bois de sapins « affreux, presque impénétrables », troncs pourrissants creux et couverts de mousse de fougères et de champignons, ravins et rochers abrupts, arbres ressemblant à des ours, marais, fossés, chemins qu'il ne faut surtout pas quitter sous peine de s'engloutir (4), silence de mort : « Ce silence, ainsi que le crépuscule perpétuel qui règne sous les vastes branchages, remplit l'âme d'une sorte de terreur » (6) / Sibérie septentrionale = toundra : « Des herbes, des mousses et des lichens composent toute la végétation de ces solitudes glacées, ternes, silencieuses. » (93)

[7] 10, 53, 55-56

[8] 166

[9] 203-206 + ILLUSTRATION

[10] Benyovzsky 224

[11] I 183

[12] I 181-182 ; voir aussi II 247-248 ; Cochrane 146, 221 / constat du pergélisol à Yakutsk par Wagner (188) et Cochrane (113)

[13] I 377 sq

[14] II 31-32 ; cf. aussi 190-191 ; Cochrane : « Elles ressemblent à « une tente illuminée, avec dans le bas des guirlandes ou des franges léchées par des flammes venant partout du fond de la tente. » (144) ; Bourdier : Aurore boréale au cap Chelagsk : « De ce point élevé que j'étais venu chercher jusqu'aux extrémités de la terre, je vis s'étendre devant moi un horizon immense. Parties des vagues confins de (519) cet horizon, de majestueuses colonnes de feu montaient dans le ciel, tantôt en le parcourant lentement, tantôt, au contraire, en le traversant avec la rapidité de l'éclair. De grands faisceaux lumineux se suspendaient à la voûte céleste comme autant de lustres éclatants décorant un pavillon sans bornes ; de ces centres de lumières s'élançaient de temps à autre dans l'espace d'immenses jets de flamme qui, semblables à de rapides fusées, s'élevaient jusqu'au zénith, pour éclater ensuite comme des bombes d'artifice, et laisser tomber des hauteurs du ciel une magique cataracte de feux éblouissants. Tout cela n'était pourtant que la décoration du spectacle plus imposant encore qui se déroulait à mes pieds : car là de vastes champs de glace s'élevaient comme des îles lumineuses au sommet des vagues, et s'y heurtaient avec un fracas épouvantable, pour disparaître dans l'abîme couvert d'écume et reparaître ensuite sur le sommet de quelque nouvelle vague, mais ternies, souillées et couvertes de limon et de sable. De tous les points de l'horizon, la glace, jusqu'alors morte et immobile, s'ébranlait et se rompait en faisant entendre un craquement formidable dont le bruit se mêlait au grondement des vagues en courroux et aux sifflements des vents qui, semblables au souffle de Dieu, passait sur cette scène de sublime chaos pour lui donner à la fois le mouvement et la vie. » (520)

[15] 62

[16] BdSP, VRus, 354-355

[17] 117 ; cf. aussi 213-214 ; Bourdier 481-482

[18] 121

[19] 195-196

[20]

ЯКУТИЯ КАК ВЫЗОВ (МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ В.М.ЗЕНЗИНОВА)

YAKOUTIA AS A CHALLENGE (MATERIALS FOR THE BIOGRAPHY OF V.M.ZENZINOV)

Авторы: Кузьменко Ольга Николаевна

Аннотация: Статья посвящена писателю, журналисту, этнографу, профессиональному революционеру В.М.Зензинову (1880-1953), который дважды был сослан в Восточную Сибирь и четыре года прожил в самых отдаленных районах Якутии, в том числе в сельской местности Русское Устье (расположенной в дельте реки Индигирка).

Ключевые слова: В.М. Зензинов, сибирская ссылка, северный город, духовный опыт

Annotation: *The article is dedicated to the writer, journalist, ethnographer, professional revolutionary V.M.Zenzinov (1880-1953) who was twice exiled in the Est Siberia and passed four years in the farthest regions of Yakutia including the rural locality Russkoye Ustye (located in the delta of the Indigirka River) . The aim of our article is to reveal multiple and not always evident relations between V.M.Zenzinov and the Siberia (historical and cultural nordicity study) in four aspects: 1. Relations with the political regime: the mode of compelled stay in Siberia reveals the indispensable social component of the northern political discourse as well as searching for symbols and affirmation of spiritual ancestry. 2. Relations with local people: firstly impersonal environment is individualized, alienation gives way to interest and sympathy for those who are close. 3. Relationship with nature: the landscape in his texts is transformed from a restrained and external into an increasingly emotionally saturated one. 4. Attitude towards himself: the struggle with external circumstances turned out to be turned inward. The survival strategy to which Zenzinov ultimately comes: close contact with nature, focusing on his inner life, preserving the presence of the spirit. So, the physical circumstances of Zenzinov's life in Yakutia (forced long-term stay in unusual northern conditions) were transformed gradually and imperceptibly for Zenzinov himself, into acquisitions of a different order (research discoveries, fruitful solitary reflections, affirmation of spiritual ancestry, a victory not only over external forces, but above all over himself, the acquisition of new values). The challenge posed to him by Yakutia turned into an invaluable spiritual experience, and the expected losses into unexpected gains.*

Keywords: *V.M.Zenzinov, Siberian exile, nordicity, challenge, spiritual experience*

Владимир Михайлович Зензинов (1880-1953) – писатель, журналист, этнограф, социолог, профессиональный революционер, член партии эсеров. В политическую ссылку в Сибирь при царском режиме В.М. Зензинов направлялся трижды: в 1905 г. (сибирская ссылка заменена ссылкой в Архангельск, откуда он сбежал в самый день прибытия на место); в 1907 г. (по прибытии в Якутск Зензинов вновь бежит и со знакомым политссылным и нанятым ими местным проводником совершает тысячекилометровый переход от Якутска до Охотска, откуда на японской шхуне доплывает до Японии, а затем через Гонконг, Сингапур, Цейлон и Суэц добирается до Франции); в 1910 г., когда местом ссылки ему назначат Русское Устье – поселение в «шесть дымов» в 1 500 км от Якутска, где он окажется первым и единственным за все время царского режима политссылным.

Чем явилась Сибирь для Зензинова? Какие вызовы она ему уготовила? Повлияла ли она на формирование его личности? Изменила ли его предвзятые суждения и установки? На эти и другие вопросы мы попытаемся дать ответы в нашей статье, основываясь на дискурс-анализе этнографических, мемуарных и художественных текстов В.М.Зензинова в методологической оптике «северности», в ее культурно-историческом аспекте. Здесь необходимо выделить несколько важных сторон:

1. Отношения с политическим режимом. Модус принуждения, недобровольности, вынужденности пребывания в Сибири выявляет неприменную социальную составляющую северного дискурса политссылных. Сибирская ссылка – это важный и почти неизбежный ингредиент судьбы любого профессионального революционера. Это значимый факт его биографии, необходимый этап в его curriculum vitae. Сибирь оказывается для Зензинова символом стремления к свободе, символом протеста против существующего режима, важным звеном духовной родословной бунтарей разных времен. Это революционное генеалогическое древо выстраивается в текстах Зензинова исподволь: в начале своих воспоминаний «Пережитое» (1953) он ссылается на семейную легенду о том, что предками его матери Марии Алексеевны Корякиной были сосланные при Петре Великом в Сибирь буйные стрельцы [6, с.4], затем он неоднократно апеллирует к судьбам декабристов и, наконец, оказавшись в ссылке в Русском Устье и изучая его историю, обнаруживает, что его односельчане – это потомки тех, кто, спасаясь от тягостей ратной службы, еще при Иване Грозном на ботах вышли из России морем и двинулись на восток, осев в устье реки Индигирки среди местного населения [2, с.11], это те, кто, несмотря на полное тягот морское путешествие, предпочел остаться не порабощенным.
2. Отношения с местным населением. Если изначально автохтонные народы, с которыми приходится иметь дело Зензинову, обозначаются через родовые имена (якуты, ламуты, юкагиры), а их отдельные представители либо остаются безымянными, либо получают привнесенные европейские наименования (так, якута-проводника он прозвал "Менелаем" за то, что тот своим лицом напомнил ему одного актера из оперетки "Прекрасная Елена" [6, с. 223]), то со временем появляются индивидуальные имена (Марья-эмяксин [4, с. 82], «Мой ящик, тунгус Тута» [5, с. 72]), а отношения становятся личными («мои друзья юкагиры» [6, с. 223]). Любопытно, что свою первую якутскую собаку он назвал по-английски «Бой», а последнюю – на языке эвенов «Нена». Обезличенное окружение индивидуализируется, отчуждение уступает место интересу и симпатии к тем, кто рядом.
3. Отношения с природой. Настоящая встреча Зензинова с якутской природой состоится во время второй ссылки (1910-1914) в Русское Устье. Зензиновым это поселение воспринимается как северная граница ойкумены: «оно <...> лежит на пределе человеческого жительство вообще — дальше идет ледяная пустыня Северного океана» [2, с.7] Здесь он сталкивается с природными испытаниями, характерными для этого края (холод, ветер, жестокие пурги, снежные завалы; печальное однообразие зимнего пейзажа, трудно переносимое в своей тоскливости темное время) [2, сс.9-10] Пейзаж в его текстах из сдержанно-овнешненного превращается во все более эмоционально насыщенный.
4. Отношения с самим собой. Вместе с тем суровые климатические условия как таковые не оказались, как это можно было бы ожидать, для Зензинова тяжелым испытанием: борьба с внешними обстоятельствами оказалась развернутой внутрь. Вот это перемещение борьбы из внешнего плана во внутренний и оказывается для Зензинова самым ценным опытом, вынесенным из Сибири, а победа над собой – его главным якутским достоянием.

Подлинным испытанием для Зензинова оказывается одиночество: отсутствие культурного и

духовно близкого ему окружения, невозможность поддерживать регулярное письменное общение с семьей и друзьями, оторванность от мира. Свою жизнь в Русском Устье Зензинов сравнивает с жизнью Робинзона Крузо [7, с. 705] И хотя он находился не на необитаемом острове, а среди людей, но, как пишет в своей рецензии на его книгу Е.Бакунина, «ощущение одиночества ими не разрешалось» [1, с. 271] Стратегия выживания, к которой в итоге приходит Зензинов: близкий контакт с природой, сосредоточение на своей внутренней жизни, сохранение присутствия духа [8, сс. 244-245]

Подводя итог, можно сказать, что физические обстоятельства жизни Зензинова в Якутии (вынужденное долговременное пребывание в непривычных северных условиях, суровость климата и природы, изоляция и одиночество) трансформировались исподволь и подчас незаметно для самого Зензинова, в приобретения иного порядка (исследовательские открытия, плодотворные уединенные размышления, поиски символов, утверждение духовной родословной, победа не только над внешними силами, но прежде всего над самим собой, обретение новых ценностей). Вызов, брошенный ему Якутией, обернулся бесценным духовным опытом, а ожидаемые потери – неожиданными обретениями.

Литература

1. Бакунина Е. Владимир Зензинов. *Le Chemin de l'Oubli*. Paris, 1932. Иллюстрирован 18-ю фотогр. СС. 270-272. Числа – Р., 1933, №№7-8. – Сс. 270-272.
2. Зензинов В. Старинные люди у холодного океана. – М.,
3. Зензинов В. Из жизни революционера. – Париж, 1919.
4. Зензинов В. Русское Устье (Изъ дневника ссыльного) // *Современные записки*, 1920, № 2. – Сс. 56-90.
5. Зензинов В. Нена. (Из воспоминаний) // *Современные записки*, 1922, №12. – Сс. 69-101.
6. Зензинов В. *Пережитое*. – Нью-Йорк: изд-во им. А.П.Чехова, 1953
7. Zenzinov V. With an exile in Arctic Siberia. The narrative of a Russian who was compelled to turn polar explorer for two years // *The National Geographic Magazine*. Washington, December 1924. Vol XLVI, N 6/ - Pp. 695-
8. Zenzinov V. (en collaboration avec Isaac Don Lévine) . *Le Chemin de l'Oubli*. - Paris, 1932.

LE NORD QUI SAUVE

Авторы: Durand Monique

« *L'avantage de l'hiver* »? C'est le thème principal de ce colloque. Mais surtout ce moment à nul autre pareil où j'écris ces mots. C'est ce matin de neige douce à ma fenêtre. Ma petite ville, Sept-Îles, au bord du Saint-Laurent, qui ici est davantage la mer que le fleuve, bat calmement au rythme des flocons qui tombent comme un gros cœur qui pulse au ralenti. Jour blanc, soleil blanc, néant tranquille pour regarder, pour réfléchir. Neige recouvrant le monde, cachant ses aspérités, ses laideurs. Aucun bruit, le silence mât de la neige.

Certains jours, regarder l'hiver à sa fenêtre est l'acte le plus rassérénant qui soit, le plus libérateur, un acte qui parfois même nous sauve.

En cette ère de vitesse et de surchauffe du climat, le Nord, le froid et l'hiver sont de plus en plus prisés. Avec eux, on recouvre la lenteur et la fraîcheur. En cette époque de cyberspace et de mondes virtuels, le Nord, le froid et l'hiver sont de plus en plus recherchés. Avec eux, on recouvre la présence au monde réel et à ses beautés palpables. Les touristes européens s'intéressent de plus en plus, par exemple, au nord québécois et au Labrador. Outre qu'ils soient des lieux physiques toujours plus fréquentés, le Nord, le froid et l'hiver ouvrent des perspectives nouvelles.

-

La littérature n'est pas étrangère à cette réhabilitation du froid et à la valorisation de ses vertus, de ses avantages. Ma conférence s'intéressera tout particulièrement à quatre écrivains qui ont contribué par leur œuvre à forger une nouvelle identité du froid, rassérénante et salvatrice. Une mystique du Nord, ni plus ni moins. La poète innue Rita Mestokosho. La romancière canadienne-française Gabrielle Roy. Le poète écossais Kenneth White. Enfin, l'écrivain français Sylvain Tesson.

-

- Rita Mestokosho : du temps pour se reposer

« *Je deviens l'hiver pour me reposer* », écrit Rita Mestokosho. Sous la plume de la poète innue de Mingan/Ekuanitshit, au bord du golfe Saint-Laurent, l'hiver se fait apaisement, lieu pour se poser, se déposer. Que de flocons à penser. Enfin, entrer en hibernation comme les ours et les belettes.

La littérature écrite à propos du Nord et du froid est depuis toujours traversée de cette idée que ces grandes étendues gelées sont celles d'où les humains s'élèvent et touchent à ce qui leur semble être un peu d'infini. Moment de contemplation, de rentrée en soi, d'introspection. À nouveau la poète innue Rita Mestokosho: « *Je marche à travers les lunes nordiques et les espaces colorés de lichens. (...) Je suis un petit souffle parmi cette respiration mystique.* »

C'est bien de cela dont il est question : cette respiration mystique qui baigne tous ceux et celles qui ont écrit au Nord ou à propos du Nord. Pour le philosophe français Michel Hulin, la mystique réfère

à un état modifié de la conscience qui fait en sorte que l'on éprouve, écrit-il, « *l'impression de s'éveiller à une réalité plus haute, (...) de vivre par anticipation quelque chose comme un salut.* »

Le poète écossais Kenneth White ne dit pas autrement quand il écrit dans *La route bleue*, qui le mène à l'Ungava : « *Quitter la conscience pour accéder à une sensation d'existence immédiate.* »

- Gabrielle Roy et *La montagne secrète* : du temps pour réfléchir

Oui, il existe bien une mystique du Nord, autrement dit une sorte de dévotion autour de l'idée du Nord, comme il en existe une autour de l'idée du désert ou de la mer.

Avec son roman, *La montagne secrète*, Gabrielle Roy, écrivaine-phare du 20e siècle au Québec et au Canada français, a contribué par le retentissement de son œuvre à construire dans nos imaginaires cette mystique du Nord. Par la médiation de son personnage principal, artiste-peintre, elle décrit, transportée, le grand nord du Canada et, singulièrement, l'Ungava, région la plus septentrionale du Québec. Elle a des pages éblouissantes parlant de son personnage avançant dans la toundra. « *Le soleil bas allumait une douce lueur bleu-vert. Des perspectives nouvelles s'ouvraient à ses yeux.* » (...) « *Sa pensée lui semblait sur le point de monter, toute brillante, à l'horizon de sa conscience.* »

Pour elle, le Nord sauve les humains d'eux-mêmes et les rapproche des mystères de l'existence humaine. Il devient un principe de rédemption. Une sorte de réponse aux grandes questions existentielles qui taraudent les hommes et les femmes depuis que le monde est monde. La vie. La mort. L'amour. La descendance. Le Nord est un baume jeté sur l'absurdité de notre finitude, comblant « *l'espérance infinie, l'infinie attente des hommes* », écrit-elle. Gabrielle Roy poursuit : « *La nuit si étrange du Nord, palpitante d'étoiles, est comme nulle autre prête à expliquer aux hommes leur propre désir, à eux-mêmes si souvent incompréhensible.* »

- Sylvain Tesson : espace, silence, solitude, liberté, temps retrouvé

En 2010, l'écrivain et aventurier français Sylvain Tesson passe six mois, seul, dans une cabane, au bord du lac Baïkal, en Sibérie. Avec pour compagnons, les oiseaux, ceux qui volettent à sa fenêtre mais surtout dans sa tête, quelques livres de chevet et quelques bonnes bouteilles de vodka. Il consigne ses pensées dans un cahier, qui a été publié sous le titre *Dans les forêts de Sibérie*.

Les jours blancs, pour lui, sont synonymes d'espace, de silence et de solitude, des denrées qui se raréfient et deviennent d'autant précieuses dans notre monde de bruit et de fureur. Ils sont synonymes de liberté aussi. « *Je suis libre parce que mes jours le sont* », écrit-il.

Je ne peux m'empêcher de penser ici à la poète innue Joséphine Bacon qui, s'adressant directement à sa terre du Nord, écrit : « *Je te suis redevable pour ma liberté.* »

Et je ne peux m'empêcher de penser aussi au grand géographe québécois, Louis-Edmond Hamelin, qui associe la liberté au Nord et à son espace sans fin. C'est l'irrépressible désir de liberté, prétend-il, qui poussait les coureurs des bois toujours plus au Nord, avec leurs raquettes et leurs lignes de trappage. « *Allons plus loin, là-bas, voir si c'est mieux, nous y serons plus libres* », leur fait-il dire. Louis-Edmond Hamelin, dans un entretien publié récemment par l'Université du Québec à Montréal, voit dans le coureur des bois l'archétype de l'homme libre.

Mais revenons à l'écrivain français Sylvain Tesson. Au bord du lac Baïkal, il expérimente l'espace, le silence, la solitude, mais peut-être davantage le temps retrouvé, le temps qui lui est redonné « *Au fond de la taïga, écrit-il, je me suis métamorphosé. L'immobilité m'a apporté ce que le voyage ne me procurait plus. Le génie du lieu m'a aidé à apprivoiser le temps.* »

Oui, il est encore des contrées inentamées, où le temps s'attrape au collet et se pêche au filet. Et ces contrées sont souvent nordiques.

Je cite à nouveau Tesson :

« *Au carreau, ce soir, la mésange, mon ange.* »

« *Vivre en cabane, c'est avoir le temps de s'intéresser à des choses pareilles, le temps de les écrire, le temps de se relire. Et le comble, c'est qu'une fois tout cela accompli, il reste encore du temps.* » (P. 86)

- Kenneth White : du temps pour échapper à soi

Enfin du temps pour soi, oui, du temps en soi. Et, paradoxalement, du temps pour échapper à soi.

Échapper à lui-même dans l'immaculée blancheur d'un monde nouveau, telle est la quête de l'auteur écossais Kenneth White, dans son livre intitulé *La route bleue*, publié en 1983, réédité en 2013. Carnet d'un voyage que l'auteur a fait de Montréal au Labrador, en longeant le Saint-Laurent jusqu'à Sept-Îles, puis en poussant jusqu'à Schefferville en train, avant d'atteindre l'Ungava.

Trouver ce qu'il appelle son « *visage originel* », se rendre jusqu'au Labrador pour « *avalier sa naissance* », selon ses mots.

L'écrivain veut rompre avec le gâchis de l'existence, sa véhémence, ses artifices, ses discours, il veut se détacher de lui-même pour entrer dans la présence au monde. « *Pénétrer dans le clair, écrit-il, au-delà du fatras.* »

Il croira y parvenir dans les échancrures de la côte labradorienne, là où se tapit le Tamanika des Inuits. Tamanika, c'est-à-dire nulle part. Nulle part, où pourtant se trouve la totalité. Moments de fulgurance et de sublime : l'Ungava. « *Ici, la terre a réalisé son destin* », écrit Kenneth White. « *Je vis et marche comme jamais encore.* »

L'écrivain y découvre ce qu'assoiffé, il cherche depuis ses commencements. Se fondre dans la nature, relié à l'univers sans autre médiation - il cite ici le chef amérindien Seattle - que « *l'aiguille de pin qui scintille, un rivage sablonneux, une brume légère, la sève qui monte dans l'arbre.* »

« *Comment entrer dans cette nudité, dans cette vacuité?* », demande-t-il, sinon par le poème?

Conclusion

Je vais conclure justement sur quelques fragments de poésie des quatre écrivains dont je vous ai parlé aujourd'hui.

Peut-être le poème est-il seul capable de rendre ce « nulle part » associé au Nord, à l'hiver et au froid, ce « nulle part » pourtant doté d'une si puissante identité. Cette vacuité à la fois rassérénante et salvatrice, cette nudité exultante et consolatrice.

Sylvain Tesson devant le lac Baïkal :

« La glace craque. Des plaques compressées par les mouvements du manteau explosent. Des lignes de faille zèbrent la plaine mercurielle, crachant des chaos de cristal. Un sang bleu coule d'une blessure de verre. » (P. 25)

Gabrielle Roy devant sa montagne secrète au nord du Canada :

« Il y avait dans cette eau du ciel une couleur à laquelle n'eût pu convenir aucun nom connu. La lumière qui allait disparaître jetait de l'or, des glacis de rouge, des carmin, des verts acide, des jaunes ensoleillés » (...) « Dans ce jeu de miroitements et d'irisations, d'un coup jaillissait le vrai ».

Rita Mestokosho dans la forêt, juste derrière sa maison :

Je voudrais être vieille et avoir voyagé sur des terres de plénitude.

Comme la toundra, la montagne, la rivière et tous ces petits sentiers où j'ai marché pour être caribou.

Quand je me penche pour me nourrir de la terre,

je me tiens toujours droite,

le regard levé vers le ciel.

Je disparais pour la nuit et j'enlace les étoiles.

Kenneth White dans l'Ungava :

L'aube point

Dans le cri de l'oie sauvage

(...)

Je sors saluer le matin et le monde.

Et le vent m'apporte un poème, comme un grand rêve éveillé.

MERCI.

MD/17 novembre 2018

L'EXPÉRIENCE DU FROID DANS L'ÉCRITURE DU ROMAN LES GRANDS ESPACES

Авторы: *Perreault Annie*

Afin de contribuer à la réflexion sur le froid dans les arts, la littérature, les langues, les concepts et la vision du monde, je présenterai comment l'idée de « grand froid » rapproche deux cultures, soit les cultures québécoise et russe, en agissant comme point de départ dans mon projet doctoral de recherche-crédation *Les grands espaces*, dont le pari artistique est d'écrire un roman géographique explorant les lieux de l'immensité et les paysages hivernaux comme constructions identitaires.

En guise d'introduction, si vous me le permettez, j'aimerais d'abord vous lire un extrait dans ma langue. Il s'agit d'un passage qui décrit un phénomène de neige en mouvement à la surface d'un lac gelé et qui, comme vous avez sans doute eu la chance de l'observer par un beau jour d'hiver, a un fort potentiel hypnotique :

« Du blanc. On dit du blanc, mais en fait, l'œil est ébloui par des lacérations de rose et de bleu délavés, de l'orangé clinquant au crépuscule, des zones de gris. On imagine que ce sera lisse et égal, une vraie patinoire. Mais non, de la texture partout. Des crêtes de croûte dure, des amoncellements de glace brisée et de neige chassée au gré du vent, des fissures comme des balafres forment de loin en loin un relief. Ça scintille, ça aveugle, ça vous blesse la rétine si on ne pense pas à se protéger. Ça froufroute aussi sur le lac Baïkal. Des filaments poudreux glissent à la surface, dispersés par les bourrasques. On dirait des robes de mariées en décomposition avec leurs longues traînes de dentelle en lambeaux qui s'éparpillent sur la glace, se déchirent comme des bouts de papier passés à la déchiqueteuse.

L'Ours appuie son front sur la vitre du wagon-restaurant, et ce sont ces images de fausse blancheur obsédante qui apparaissent quand il ferme les yeux. Comme si c'était désormais son seul horizon. Il presse ses paupières. Toujours ces phosphènes de paysage d'hiver aveuglant, paysage qu'il a hâte de retrouver. L'Ours, c'est son surnom depuis qu'il s'est établi en Sibérie. Il ouvre les yeux et c'est là qu'il la voit.

Anna. Une apparition, billet du Transsibérien à la main, dans l'embrasement de la porte à coulisse. Parfaitement immobile, elle paraît hésitante comme cela arrive parfois lorsqu'on doit franchir un seuil.

Moscou-Vladivostok? dit-il après un moment, se retournant pour lui faire face. »

Le roman *Les grands espaces* naît du désir de travailler sur le paysage et le déplacement en écrivant le récit fictif du parcours d'un personnage qui entreprend de traverser à pied le lac Baïkal en hiver. Le paysage en mouvement, propice à la divagation — d'abord contemplé et décrit le long des rails du Transsibérien puis lors de la traversée du lac gelé — est un élément important de ce roman géographique. Ce récit met en scène une femme désorientée qui a une obsession, une idée fixe de mouvement alors qu'elle traverse en train le plus vaste pays du monde, qu'elle franchit à pied le lac le plus profond de la Terre sans savoir si la couche de glace peut supporter cette traversée. La

double question qui me guide dans l'écriture de ce roman est : comment traverse-t-on un territoire, un paysage; comment est-on traversé par un territoire, un paysage?

Le roman explore une géographie marquée par le vide, la fragmentation et le passage. Il s'articule autour de la traversée comme une mise en péril. Mon intention est également de développer l'idée du froid et de la froideur dans les relations humaines en mettant face à face un personnage de femme et d'homme qui semblent d'abord caractérisés par leurs différences : ils ont grandi dans des systèmes politiques opposés; elle a beaucoup voyagé, il n'a jamais quitté son pays; Anna est une femme en mouvement constant, se déplaçant sur de longues distances tandis que L'Ours a choisi de *s'encabaner*, de se couper du monde. Malgré ces différences, le roman fait le récit d'un rapprochement, d'une rencontre qui s'opère grâce à une sensibilité similaire face au paysage nordique. Il est étrange de résumer voire même de parler d'un roman qui est en train de s'écrire, mais je pourrais résumer *Les grands espaces* ainsi :

En plein hiver sibérien, une femme marche sur le lac Baïkal. « Je vais traverser ce lac », se répète-t-elle. Quelques mètres derrière elle, un homme la suit, veillant à ne pas la perdre de vue. Dans la région, on le surnomme L'Ours. Entre ces deux êtres mélancoliques et sauvages va se tisser une étrange histoire, un mélange de méfiance et de silence qui finira, à la faveur de la pureté du paysage nordique, par les rapprocher. De confiance en confiance, on assiste au récit de vies marquées par la perte de repères et la chute d'un régime politique, où le désir de liberté et l'ambiguïté des sentiments s'entrechoquent comme des plaques de glace à la dérive. Roman de la désorientation, *Les grands espaces* interrogera avec humour et poésie les relations conflictuelles d'une époque désillusionnée.

Mon projet de recherche-crédation implique, par ailleurs, de m'exposer en tant que créatrice à l'expérience du froid et de la traversée comme mise en péril en courant le marathon du lac Baïkal en mars 2019. Influencée par l'artiste Sophie Calle qui, dans *Douleur exquise* (Actes Sud, 2003), demande à des amis ou rencontres de fortune de lui raconter le moment où ils ont le plus souffert pour conjurer la douleur causée par une rupture amoureuse, j'ai demandé à des proches, des collègues ou des connaissances de me faire une confiance. Afin de me préparer à cette expérience nordique et pour alimenter ma recherche artistique en marge de l'écriture du roman, je leur ai demandé de me raconter le plus grand froid, la plus atroce froideur qu'ils ont connu(e) dans leur vie. Un froid météorologique, physiologique, humain, esthétique, psychique.

L'appel à tous succédait à la parution de mon premier roman, *La femme de Valence*, qui tire son inspiration d'un des moments les plus glaçants de ma vie : avoir été témoin du suicide d'une femme sur le toit-terrasse d'un hôtel espagnol. Encore secouée par l'écriture de ce roman, je ressentais le besoin d'être accompagnée par les « froids des autres » avant de me lancer dans mon projet d'écrire sur le froid et la froideur.

J'ai reçu une trentaine de « confidences de froid », à la fois glaçantes et touchantes, la plupart relatant un moment très intime : deuil, conflits, désarroi, perte, sensation d'effroi. Par exemple, cette confiance d'une auteure québécoise :

« C'était un appel téléphonique.

La sonnerie à mon travail. Devant un mur jaune, un bureau de mélamine et sous un néon trop clair. Le médecin qui demande si je suis à un endroit propice, si je suis entourée, elle veut me rencontrer demain... Aussitôt tout s'arrête. Froideur extrême qui me traverse le corps. Vide. Je sais ce qu'elle veut m'annoncer. Je n'ai plus aucune émotion. Rien. Pas de tristesse.

Seulement l'effort ultime pour ne pas laisser toute cette glace me tuer. Ne pas dériver avec la

banquise, moi aussi. Elle m'annonce que l'échographie montre clairement que le bébé n'a pas de cerveau gauche. J'utilise un vocabulaire sans chaleur, le plus technique possible. Surtout ne rien humaniser. Rester froide. De glace.

Ça veut dire quoi? Quel genre de vie pour lui? Je demande s'il est trop tard pour un avortement. Non. Mais il faudra d'abord « tuer » le bébé dans l'utérus. Et ensuite accoucher de ce petit enfant mort que je pourrai tout de même bercer l'instant d'une nuit.

Pendant qu'il est encore chaud.

OK, merci. À demain. Bye. J'ai raccroché. J'ai écrit un texto froid à mon amoureux. Je suis allée nager avec ma sœur sans rien dire. Je suis allée au cinéma avec ma mère sans écouter le film. Je suis allée souper en silence chez mes parents.

Soirée de juin où il semblait pourtant faire -40 degrés.

Tout cela avec les petits coups de pieds d'un enfant qui n'existerait bientôt plus dans le ventre. Et un iceberg à la place du cœur. »

Ce qui devait être un simple exercice en marge de ma recherche et de mon exploration de l'idée de froid a fini par constituer une collection de courts récits, tous écrits dans une langue précise et évocatrice que je n'ai pas osé, pour l'instant, retoucher. Il s'en dégage une certaine forme de détachement, de vérité troublante et de beauté qui m'ont grandement donné envie de travailler à partir de ces récits, d'explorer comment je pourrais les « intégrer » dans une œuvre plus complexe. À partir de ces confidences de froid, j'ai donc écrit une nouvelle littéraire, *Un grand froid*, dont je vous ai lu un extrait en ouverture et qui paraîtra en 2019 dans le numéro spécial que la revue française *L'encrier renversé* consacrera aux nouvellistes québécois. Cette nouvelle, dont l'action se déroule dans le Transsibérien entre deux personnages — L'ours et Anna qui récolte des confidences de froid —, est ainsi une première tentative d'exploration en marge de l'univers du roman à écrire.

À ce stade du projet de création, j'ai une intuition artistique quant aux matériaux d'écriture que je compte utiliser pour explorer le paysage hivernal, la froideur dans les rapports humains ainsi que la notion de péril impliqué dans l'expérience de la traversée d'un lac gelé. Ainsi, je m'intéresse au *Glossaire des glaces* d'Environnement et Changement Climatiques Canada^[1], une liste de termes de glace accompagnée de définitions dans lesquelles je vois une certaine poésie. Des extraits du *Glossaire des glaces* pourraient être intégrés au récit, en exergue des chapitres, ou serviront peut-être seulement de point de départ ou d'ancrage à l'écriture.

À titre d'exemple, les définitions de *brèche de séparation* :

« Étroite zone de séparation entre la banquise et une banquise côtière où les morceaux de glace sont dans un état chaotique; elle se forme quand la banquise subit un cisaillement le long de la ligne de démarcation de la banquise côtière sous l'effet d'un vent ou d'un courant fort. »

de *ciel d'eau* :

« Bandes sombres sur le dessous de nuages bas indiquant la présence d'eau dans le voisinage de la glace. »

de *glace vitrée* :

« Croûte de glace brillante et cassante formée sur la surface calme d'une eau habituellement peu saline, par congélation directe ou à partir de sorbet. Son épaisseur peut atteindre environ 5 cm. Elle se casse facilement sous l'action du vent ou de la houle, le plus souvent en morceaux rectangulaires. »

et de *nilas* :

« Couche de glace mince et élastique, ondulant facilement sous les vagues et la houle et formant, sous la pression, des avancées en forme de « doigts » entrecroisés. Cette couche a une surface mate et peut atteindre 10 cm d'épaisseur. On distingue le nilas sombre et le nilas clair. »

Ce qui m'importe en tant qu'écrivaine est d'écrire ce roman selon une démarche intuitive qui prend la forme d'une exploration et répond à mon désir d'être en mouvement, de progresser par élans, de laisser la place aux détours, à l'errance, à la possibilité d'être déroutée par ce projet de création, de me mettre en danger. Écrire comme on avance sur des glaces minces.

[1] En ligne :

<https://ec.gc.ca/glaces-ice/default.asp?lang=Fr&n=501D72C1-1&def=show0D4DF9FEC>

СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СУБКОНЦЕПТА «СНЕЖНОСТЬ» В ЯЗЫКЕ ТУНДРОВЫХ ЮКАГИРОВ

Авторы: Курилова Самона Николаевна

Аннотация: Изучение взаимоотношений языка и культуры приобретает все большую актуальность, что находит отражение в многочисленных работах, посвященных исследованию языковой картины мира в курсе развития когнитивной парадигмы в современном языкознании. Изучение концептов как "культурных сгустков" ментальной репрезентации позволяет раскрыть менталитет, образ мышления и картину миру конкретного народа. Снег являющегося значимым национально-маркированным концептом в языковой картине мира юкагиров, что обусловлено природно-климатическими условиями мест их проживания.

Ключевые слова: тундровые юкагиры, юкагирский язык, лингвоконцептология, языковая картина мира, снег, субконцепт, ядро, периферия, вербализация, языковая единица, структура.

Цель исследования – когнитивно-ориентированный анализ смыслового наполнения и когнитивных признаков универсального концепта СНЕЖНОСТЬ по данным различных источников на языке тундровых юкагиров (далее ТЮ) – лексикографические и фольклорные тексты, а также материалы, опубликованные носителями юкагирского языка и культуры. Объект исследования субконцепт СНЕЖНОСТЬ соотносится, по нашему мнению, с главным или т.н. кластерным концептом ХОЛОД и является одним из его ключевых элементов.

Исследование базируется на теоретических принципах анализа культурно-значимой информации, сформулированных в трудах Ю.С. Степанова, Р. Джакендоффа, Дж. Лакоффа, и др. Определение когнитивного подхода как преобладающего в современном языкознании обусловил обращение к трудам З.Д. Поповой, И.А. Стернина, Е.С. Кубряковой и др.

Концепт СНЕЖНОСТЬ, базирующийся на объективном явлении природы, в юкагирском языке вербализуется посредством нейтральной единицы эримэ, которое, помимо прямого значения 'снег', имеет также переносное для обозначения холодного времени года – 'зима'.

На основании анализа имеющихся источников на языке ТЮ мы составили глоссарий вербализованного субконцепта СНЕЖНОСТЬ. Собранные в глоссарии единицы называют:

(1) признаки: белый, свежий, мокрый, ослепительный, бесконечный, полезный/бесполезный; Так, с одной стороны снег в утилитарной зоне интерпретационного поля необходим для уточнения направления света, а с другой – напр, в загадках снег представлен как бесполезный, который невозможно выпить, поскольку не жидкий, нельзя согреться, потому что холодный, хотя и защищает от метелей и вьюг [Курилов 2007: 90]. Другой пример, снег – известная причина снежной офтальмии (слепоты) у многих арктических народов. Это, когда отраженный солнечный свет, содержащий повышенное количество ультрафиолетовых лучей, попадая в глаза, вызывает ожог сетчатки. Поэтому и у юкагиров довольно много разнообразных наказов (утилитарная зона), запрещающих смотреть на снег без специальных очков или не опустив на глаза опушку шапки [Курилов 2007: 71,75]. То есть предметное ядро субконцепта СНЕЖНОСТЬ характеризуется набором перцептивных характеристик образа – визуальных, тактильных и слуховым: *пойнэ* = 'быть белым', *йэруол* = 'быть неглубоким', *молдэ* =

‘стать рыхлым’, перен. ‘сгнить’, *эриньэ*= ‘быть мокрым’.

(2) слова называют носителей этих признаков, которые могут быть словами или словосочетаниями.

Например, для обозначения снега употребляется лексема *эримэ*, которая имеет основное значение ‘снег’ и более широкое значение ‘зима’ как время года, характеризующееся наличием снега.

К терминам слоев и частей естественного снежного покрова относятся *чаахийэ* ‘наст (оленденелая корка на поверхности снежного покрова)’, *угудуул* ‘снежная целина, глубокий нетронутый снег’, *чава* или ‘сугроб (как отложение снега под воздействием ветра)’, *чаван худуодьэ* ‘снежный занос’, *эримэн пураҕа* ‘верхняя часть снежного покрова’, *самнэйдаримэ* ‘ровный широкий участок снега’. Сугробы и заносы образуются под воздействием низовых метелей, называемых в ТЮ *эримэдэвдийэ* ‘снежная пурга, вьюга’.

У слова *сиарул* более широкий спектр обозначений: оно переводится как ‘град’ для обозначения вида атмосферных осадков, ‘снежинка’, как составляющая массу снега, а также может употребляться для обозначения ‘оленденелого, плотного нижнего слоя снежного покрова над землей’. Снег может выпасть в виде снежного дождя – *эримэдиwэ* – в летнее и осеннее время.

Снег, лежащий на ветках тальников, называют *саадэримэ* ‘снег на ветках’ (букв. снег деревьев). Время, в которое происходит оттаивание, и состояние снега в результате воздействия ветром и оттаивания также имеют свои обозначения: *эрил* ‘время весеннего снега’, *йэруойэ* ‘место, где снег сдуло ветром’, *эримэн лавийэ* ‘лужица на холме после таяния снега’.

Среди обозначений для искусственно сформированной части снежного покрова мы находим термин *пуорчиэ* ‘снежный заслон у очага от ветра’, производное от *пуор* ‘правый от входа угол; правая сторона яранги’.

Также имеются названия, связанные с (1) расчисткой снега (*эримэдавийэ* ‘лопата для сгребания снега из цельного куска дерева’, *эримэгэwрии* ‘снегосбиватель из оленьих рогов’), (2) с домашними животными, а именно оленеводством (*эримэн чамчэ* ‘снежная пыль, поднимающаяся под ногами бегущих оленей’), (3) с фауной в целом (*эримэн кичиэ* ‘беловатый комар, появляющийся перед комариным сезоном’, *эримэн чирэмэдиэ* ‘снегирь’).

(3) действия, выполняемые собственно носителями признаков (напр., *эримэ эйич* ‘снег идет’, *эримэ чихабач* ‘снег скрипит’, *эримэ мэ пукирэй* ‘снег метёт’ снег может идти, падать хлопьями, скрипеть, ослеплять, защищать и др.) или выполняемые по отношению к этим носителям (напр., *өктэ*= пробить снежный занос, разгрести снег, провалиться в снег, *ньигэдэ*= ‘встряхиваться, чтобы сбросить с себя снег (об олене)’). Выводятся действия также из следующих примеров – нельзя оставлять рисунки на снегу (т.е. на снегу рисуют), нельзя есть снег (т.е. снег едят; в ТЮ при этом встречаются такие понятия как *эримэ лэwкиэ* ‘едок снега’, *сирин-йарха-лэwкиэ* ‘едок льда у основания яранги’ и др.).

Глоссарий позволил нам выявить основы, обозначающие процесс и результат выпадения снега как атмосферного осадка, интенсивности и объема его выпадения: *эйуу*= ‘идти, падать (о дожде, снеге)’, *лэнмугэ*= ‘падать большими, густыми хлопьями’, *кэриэ*= ‘упасть, свалиться; выпасть’, *пукирээ*= ‘заметать’, *лалwэй*= ‘занестись, покрыться (песком, снегом)’ (ср. *лалwии*= ‘давить; притеснять’), *өктэ*= ‘проколоть; проложить (дорогу); пробить (снежный занос)’,

савасэ= '(раз)делить; распределить; расчистить (снег)', *чирэй*= 'утонуть; провалиться (в снег)', *йара*= идти по воде / глубокому снегу'.

Говоря о глаголах, соотносимых со снегом, важно отметить образно-тропеическую парадигму "снег – водное пространство". Снег и его "гладь" или "волнистость", создаваемая застругами, отождествляются с водным пространством, о чем свидетельствует применимость одной и той же глагольной основы как к воде, так и снегу (можно сказать *тиwэ эйич* 'дождь идет' или *эримэ эйич* 'снег идет', *киилэ чирэйни* 'оба утонули / оба провалились в снег', *көнмэльэ мэ йараануни* 'остальные идут по воду / остальные идут по глубокому снегу'; *эйуу*=, *чирэй*= и *йара*=). Напр.:

Тiwэ ладьинэн эйич, хуодиик читниирэн иитнэн эйуутэй. 'Дождь тихо падает (идет), наверное, долго будет идти' [Курилов 2001: 590]

Эримэлэн эйикиэл. 'Снег пошел' [Там же: 588]

Киилэ чирэйни. 'Оба утонули=они' [Там же: 552]

Чирууйир сахсэйнундэли. 'Утопая в снегу, падали=они' [Там же: 424]

Көнмэльэ мэ йараануни, энубан. 'Остальные идут по воде, по реке' [Там же: 115]

Угудуулбан йаранаайэли. 'По глубокому снегу стали=они идти' [Там же: 114]

В ТЮ номинативное поля субконцепта СНЕЖНОСТЬ составляет ряд лексических единиц и их сочетаний.

Лексемы: *эримэ* 'снег; зима', *сиарул* 'снежинка; град; наст', *чава* 'сугроб (снежный занос)', *чаахийэ* 'наст; ледяная корка на снегу', *угудуул* 'снежная целина, глубокий нетронутый снег', *ньяаwэйрукун* 'снег (букв. нечто белое)', *эрил* 'время весеннего снега', *пуорчиэ* 'снежный заслон у очага от ветра', *йэруойэ* 'место, где снег сдуло ветром'.

Словосочетания: *самнэйдаримэ* 'ровный широкий участок снега', *эримэдиwэ* 'снежный дождь', *эримэдэwдийэ* 'снежная пурга, вьюга', *саадэримэ* 'снег на ветках', *эримэн пураба* 'поверхность снега', *эримэдаwйэ* 'лопата для сгребания снега из цельного куска дерева', *эримэгэwрии* 'снегосбиватель из оленьих рогов', *эримэн чирэмэдиэ* 'снегирь', *эримэн лавийэ* 'лужица на холме после таяния снега', *чаван худуодьэ* 'снежный занос'.

Словообразовательные парадигмы, вербализующие субконцепт СНЕЖНОСТЬ, имеют интерес в плане указания на ценностную направленность процесса номинации. Словообразовательные гнезда осмысливаются как "разные способы хранения ментальных моделей, как "хранилища" неких предельно обобщенных представлений, образов [Крючкова 2003].

Субконцепт СНЕЖНОСТЬ актуализируется в большинстве случаев аффиксами -рэй- и -с-. Аффикс -рэй- обладает видовым значением в соединении в мотивирующей основе. Образуются непереходные глаголы, называющие становление признака или качества, приписываемого другому объекту: *эри-рэй*= 'стать мокрым, превратиться в кашлицу', *чаварэй*= 'становиться сугробистым, засугробиться', *чаахийэ-рэй*= 'похолодать, намерзнуть'. Каузативный аффикс -с- образует переходные глаголы действия, направленного на объект со значением "сделать что-либо каким-либо" (*эримэс*= 'занести/наполнить снегом', *чаахийэс*= 'заморозить').

Наиболее обширное номинативное пространство формирует словообразовательное гнездо с вершиной *эри*.

Эри

- **эри-л** *сущ.* таяние снега, время, превращения снега в кашицу; оттепель
- **эри-л-дигил-иэ** *нареч.* во время оттепели
- **эри-ньэ** = *неперех.* быть мокрым (о снеге); быть теплым (об оттепели)
- **эри-рэй** = *неперех.* стать мокрым, превратиться в кашицу (о снеге)
- **эри-рэй-н-аа** = *неперех.* начать становиться мокрым, превращаться в кашицу (о снеге)
- **эри-рэй-нун** = *неперех.* по обыкновению становиться мокрым, превращаться в кашицу (о снеге)
- **эри-рэй-л** *и.д.* превращение в кашицу (о снеге)
- **эри-мэ** *сущ.* 1) снег → **эри-л** *сущ.* таяние снега; 2) зима
- **эримэ-нь** = *неперех.* иметь снег; быть со снегом; быть заснеженным
- **эримэ-н-чии** = *неперех.* иметь немного снега; быть слегка заснеженным
- **эримэ-н-тэги** = *неперех.* иметь много снега; быть сильно заснеженным
- **эримэ-р** = *неперех.* заиметь снег, покрыться снегом, стать заснеженным
- **эримэ-р-н-аа** = *неперех.* начинать покрываться снегом, начинать становиться заснеженным
- **эримэ-р-у-л** *имя действия* занесение снегом
- **эримэ-с** = *перех.* занести/наполнить снегом
- **эримэ-с-чии** = *перех.* заносить/наполнить снегом многократно / множество объектов
- **эримэ-с-чии-нун** = *перех.* по обыкновению заносить/наполнить снегом многократно / множество объектов
- **эримэ-сии-чэ** = *перех.* идти заносить/наполнить снегом

Менее лексически наполнены словообразовательные гнезда с мотивирующими словами *чава* 'сугроб', *чаахийэ* 'наст' и *пуорчиэ* 'снежный заслон у очага от ветра'.

Чава 'сугроб'

- **чава-рэй** = *неперех.* стать сугробистым, засугробиться
- **чава-рэй-нун** = *неперех.* по обыкновению стать сугробистым, засугробиться

Чаахийэ 'наст; ледяная корка на снегу'

- **чаахийэ-рэй** = *неперех.* похолодать, намерзнуть

→ **чаахийэ-рэй-чии** = *неперех.* слегка похолодать, подморозить

→ **чаахийэ-с** = *перех.* заморозить

Пуорчиэ 'снежный заслон у очага от ветра'

→ **пуорчиэ** = *перех.* 1) сделать снежный заслон у очага от ветра; 2) перен. относиться как к кровно-родственному (не родному) человеку

→ **пуорчиэ-нун** = *перех.* по обыкновению делать снежный заслон у очага от ветра

Наличие производных с аффиксами -рэй- и -с- свидетельствует о восприятии юкагирами снега в первую очередь визуально, поскольку наблюдая за снегом можно спрогнозировать погоду или сориентироваться в пространстве. Это крайне важно, особенно в таких суровых климатических условиях, в которых живут, бытуют юкагиры.

Интерпретационное поле субконцепта СНЕЖНОСТЬ составляют фразеологизмы, наказания, загадки, толкования снов и др. (*йуорумурги ньяаавэй чавадиэк* 'его лоб словно белый сугробчик'; *угудуулэ йара* = 'прививать' (букв. ходить по глубокому снегу); увидеть во сне падающий снег – к хорошему; волна снежных заструг лежит острием на южную сторону; нельзя есть снег, иначе болячки вокруг рта появятся; со звезд падают и землю освежают (загадка о снежинке)); нарисовал что-то на снегу или на земле, потом сотри, приговаривая: «Это сделала птичка!» и др.).

Информация ядерной части и интерпретационного поля субконцепта СНЕЖНОСТЬ дает представление не только о перцептивных образах в его структуре, но и когнитивные образы. Если перцептивный образ – результат воспроизведения денотат через органы чувств, то когнитивный показывает связи объема смыслов в структуре концепта с содержаниями других концептов.

В образном компоненте субконцепта СНЕЖНОСТЬ выявляются дифференциальные когнитивные признаки ('ориентирует в пространстве', 'защищает от непогоды', 'характеризует кого-что-либо', 'предвещает (изменения погоды, хорошего/плохого)').

Таким образом, выявляется ассоциативно-символический слой рассматриваемого субконцепта, реконструируемый на основе ассоциаций. К положительным традиционным признакам, свойственным народному сознанию относятся:

- Снег – ориентир (выявление географической локации)
- Снег – предвестник (изменений в погоде, хорошего/плохого)
- Снег – защита (он помогает выжить в непогоду, сохранить теплым очаг)
- Снег – водное пространство (имеет те же характеристики движения, что и вода – глубина, волнистость, мокрое состояние; глаголы движения применяются те же, что и для воды)
- Снег – радость, обновление, свежесть

Отрицательные признаки актуализируются реже.

- Снег – нужда (напр., о человек, испытывающем нужду, говорят: словно олененок родившийся на снегу)
- Снег – бесполезность / бесконечность (загадка)
- Снег – ложь (падая, снег как бы скрывает под собой все, на земле; отсюда выражение в

ТЮ говорить под снегом, ходить по глубокому снегу, т.е. врать, обманывать, говорить неправду)

Несмотря на это, субконцепт СНЕЖНОСТЬ в юкагирской языковой картине мира однозначен, с существенным преобладанием положительной оценки. Снег - это обновление, восторг, эйфория. Я хотела бы представить одну из песен моего отца, носителя культуры и языка тундровых юкагиров - Николая Николаевича Курилова. В ней как никогда мы можем почувствовать состояние, которое охватывает юкагира при звонком скрипе снега под ногами.

Литература

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы: монография. - Новосибирск: Наука, 2005б. - 675 с.

Крючкова О.Ю. Когнитивно-дискурсивная парадигма и словообразование // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: материалы Междунар. Науч. Конф. Волгоград, 2003. Ч.1. - С. 201-207. Ссылка:

https://www.sgu.ru/archive/old.sgu.ru/files/kruchkova_paradigma.docx

Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. - М.: Наука, 1988. - С. 141-172.

Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. - Новосибирск: Наука, 2001. - 608с.

Курилов Н.Н. Тидаанэ титэ моннунги (Раньше так говорили): пословицы, загадки, образные выражения, сравнения. - Якутск: Дани Алмас, 2007. - 152с.

Попова З.Д., Стернин А.И. Общее языкознание. - М.: Парадигма, 2007. - 400 с.

Степанов Ю.С. «Понятие», «концепт», «антиконцепт». Векторные явления в семантике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. тр. - М., Калуга: Эйдос, 2007. - С. 19-26.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. - Chicago, L.: University of Chicago Press, 1980. - 242 p.

Jackendoff R. Languages of the mind: Essays on Mental Representation. - Cambridge, MA: MIT Press, 1992. - 200 p.

THE IMAGE OF WINTER IN THE EVEN PEOPLE'S POETRY

Авторы: *Винокурова Антонина Афанасьевна*

Annotation: *The presented article gives an overview description of the image of winter in the creative writing of an Even poet, Vasily Dmitrievich Lebedev. The seasons descriptions are largely represented in the poet's poetry devoted to nature description. It is worth noting that there are six seasons of the year in the Even people's world perception. Lebedev's poetry devoted to nature has its own distinctive features and they are written in the most original manner imaginable. Winter in Lebedev's poetry is metaphorical. The poet gives a unique imagery description of the winter landscape. In many of his works, Lebedev describes the beauty of the cold land in wintertime. In his poem *Ingen tor (E. North)*, the poet is mesmerized by the beauty of the northern land in the wintertime, which *ujun byagu chotere ingensi torengu/Munrukas hulradu deschidden* – during the nine months is covered with hare fur-skin; *tar kadar himngendun/chachaskan bukchengchin* – bundled up into a ball, in the shadows of the rocky mountains sits a snow fox. In the description of stars shining in the wintery night, the author uses a metaphor for the personification of nature: *nolten otel beriptidi* – the sun had set long ago, *hatarsinat hinkucha* – darkness gained its bravery, *torengendet nebati/Bulatmiyi nyodacha* – our land is white/ it wrapped itself in a white kerchief, *Osikatal myalridyur* – the stars had awoken. Vasily Lebedev not only depicts the winter landscape, but also reproduces the sound image: *kinginiri ineng* – a day tinkling from the cold, *kingiri tugeni* – winter tinkling with frost. The winter image is used by the author only when he addresses the people of the north and calls upon them to be strong despite the cold wind and snowfall: *imananga, hugi tikreken/mangchinikan ilatli* – even in the snowfall or snowstorm/ you should stand your ground.*

Keywords: *landscape, winter, tinkling frost, first half of winter, second half of winter, tugeni, white snow, snowfall, the stars have awoken.*

Цель исследования: анализ пейзажной лирики в творчестве В. Лебедева.

Методы исследования: метод Б.В. Томашевского, В.Е. Хализева для выявления изобразительных средств В.Д. Лебедева

Описание исследования: В процессе исследования впервые проанализированы изобразительные средства языка в лирике В.Д. Лебедева, исследованы лексические пласты, используемые при описании зимнего пейзажа поэзии В. Лебедева.

Результаты исследования: Результаты исследования могут способствовать дальнейшему изучению эвенской поэзии, а в более широком плане - исследованию лирики оследующих поэтов.

Значительное место в пейзажной лирике поэта занимает описание времён года. Надо отметить, что в мировоззрении эвенов существует 6 времён года: *тугэни* - зима, *нэлкэни* – первая половина весны, *нэгни* – вторая половина весны, после появления зелени, *дюгани* - лето, *мэнтэлсэ* – первая половина осени, *болани* – вторая половина осени, после выпадения снега. Василий Лебедев красочно и образно представляет в своей поэзии необычный, снежный, яркий и своеобразный мир природы северного края в разное время года. Во многих произведениях В. Лебедева описывается зимняя красота снежного края. В стихотворении

«Ицэнь төр» (Север) поэт восхищается красотой северной земли в зимнее время, который *уюн бягу чөптэрэ ицэньси төрэнү/ Мунрукас хулраду дэсчиддэн* - в течение девяти месяцев одет заячьей дохой; *тар кадар химцэндун/ чачаскан букчэңчин* - в тени скал, сжавшись сидит песок.

Самобытно интерпретируется поэтом зимний пейзаж. Во многих произведениях В. Лебедева описывается зимняя красота снежного края. В стихотворении «Ицэнь төр» (Север) поэт восхищается красотой северной земли в зимнее время, который *уюн бягу чөптэрэ ицэньси төрэнү/ Мунрукас хулраду дэсчиддэн* - в течение девяти месяцев одет заячьей дохой; *тар кадар химцэндун/ чачаскан букчэңчин* - в тени скал, сжавшись сидит песок; *хуги тикрэкэн чонир один,/ Мэрэңтэч нэнми элээн бидин* - когда утихнет буря, землю накроет снежный навес, и тогда можно пройти на охотничьих лыжах; *эрэли хякитал хэгтэтэн ургэлчэ* - ветвями деревьев, ставшими тяжелыми.

Василий Лебедев не только изображает зимний пейзаж, но и воссоздает звуковой образ: *киңири инэң* – звенящий от стужи день, *киңири тугэни* – звенящая от мороза зима.

Снег для поэта является не только положительным началом, но иногда он вызывает отрицательные эмоции; так, снег укрывает следы зверей - *делгэнкэ цэндэңцон хотарман нипкэнри*.

Зимний пейзаж автор использует и тогда, когда обращается к людям севера, и зовёт их быть стойким, и вопреки холодному ветру, и снегопаду: *имананца, хуги тикрэкэн/ маңчиникан илатли* – и в снегопад, и в вьюгу/ ты должен стоять твердо.

Таким образом, зимний пейзаж у Василия Лебедева создается на основе самобытного, национального и своеобразного осмысления природы. Поэт перед читателями открывает уникальные образы зимнего мира: звенящую от холода стужу, блестящий от солнца снег, сияющее огнем на небе северное сияние, которое способствует созданию в стихотворении жизнеутверждающего пафоса.

ОБРАЗ РЕКИ И ЛОДКИ У СЕВЕРНЫХ ТЮРКОВ

THE IMAGE OF THE RIVER AND BOAT IN THE NORTHERN TURKS

Авторы: Хохолова Ирина Семеновна

Аннотация: Выявлены концептуальные области «пространственная ориентация» и «типология по местоположению» на изображениях реки и ручьев, которые указывают на то, что ручьи и река были основными ориентирами в пространстве северных тюрков. Названия рек Аллах и Кенкеме символически обеспечивают космическое ключевое оправдание якутов - северных турок в долине Эркени в бассейне Средней Лены, основанных на модели вселенной «Верхний мир - Средний мир - Нижний мир».

Ключевые слова: малые реки, якутский камелек (камин), изображение лодки, языковая картина мира, символы, пейзаж, топонимы, пространственная ориентация, верхний мир, средний мир, нижний мир, амбивалентность

Annotation: *This article was written under the Russian scientific foundation project No. 15-18-20047 "Landscape Ontology: semantics, semiotics and geographical modelling" (2015-2017). The etymological and semantic components of the toponymy demonstrate that the toponymy of the Khangalas ulus has the most ancient layer in the formation of the toponymy of Yakutia. Yakut ethnic group was formed in the basin of the Middle Lena river, on the valleys of Erkeni and Samartaj in 14-15 centuries. At this stage in the formation of toponymization of the Khangalas ulus the main role was played by the Lena river, and the surrounding rivers, streams, the names of which we find in the Turkic linguistic and cultural layer. The images of the river and adjacent rivers and the image of the boat among the Turks living in the basin of the Central Lena river are revealed. The names of streams and rivers in the Turkic population of Yakutia, where their perception and a special attitude to the river beds and rivers on the quality and characteristics are revealed, are studied. The conceptual areas of "spatial orientation" and "typology by location" in the images of the river and streams are revealed, which indicate that the streams and the river were the main landmarks in the space of the Northern Turks. The names of the rivers Allah and Kenkeme symbolically provide the space key justification of Yakut people - northern Turks in the valley Erkeni in the basin of the Middle Lena, based on the model of the universe "Upper world - Middle world - Lower world."*

Keywords: *river, small rivers, Yakut kamelek (fireplace), image of a boat, language picture of the world, symbols, landscape, toponyms, spatial orientation, Upper world, Middle world, Lower world, ambivalence*

Цель исследования: выявление пространственной ориентации у северных тюрков, проживающих в бассейне Средней Лены на основе моделирования образов реки и прилегающих к ней речек (Аллах и Кенкеме) и образа лодки.

Методами исследования послужили: наблюдение (полевые исследования), сравнительно-исторический метод, метод моделирования, метод свободного ассоциирования, метод семантического гештальта.

Изучены значения и этимология наименований ручьев и рек Центральной Якутии, на основе базы данных топонимии Хангаласского улуса. Выявлены концептуальные области «пространственная ориентация» и «типология по местоположению» в образах реки и ручьев, которые свидетельствуют о том, что ручьи и река выступали основными ориентирами в пространстве у северных тюрков [1]. Изучен (ассоциативный) образ реки в языковом сознании современных якутов на основе якутского ассоциативного словаря [2]. На основе изучения этимологии наименования ручьев Аллах и Кенкеме, и их моделирования, выявлены: символика пространственной ориентации якутов, во-первых, и во-вторых, предпосылка обоснования северных тюрков на данной территории.

Результаты исследования. В формировании топонимизации Хангаласского улуса основную роль сыграла река Лена, и прилегающие к ней реки, ручьи. Наименования рек Аллах и Кенкеме символически формируют пространственный ключ обоснования якутов – северных тюрков на долине Эркэни в бассейне Средней Лены на основе модели мироздания «Верхний мир - Средний мир - Нижний мир».

Образ рек Аллах, Кенкеме и в лингвистическом, и в геопропространственном плане представлен в виде лодки. Этимология наименований Аллах и Кенкеме, восходит к тюркским языкам [3], в которых обозначают: 1) лодку или очаг; 2) лодку, служившей очагом (печкой). Образы печи (камелька) и лодки-долбленки (хаьы тыы) нами структурно представляются в ключе модели мироздания у якутов «Верхний мир - Средний мир - Нижний мир». Ориентиром к представлению о мироздании, является модель очага (камелька), очерчивающая «границы порогового порубежного действия в закрытом и открытом пространстве» [4], где проходит пересечение вертикального и горизонтального пространства. Следовательно, при сопоставлении модели очага (аал уот)-лодки, мы можем получить следующую картину. Нос лодки (*тыы тумса*) и дымовое отверстие (*уелэс*) символизируют проход в иной – Верхний мир. Корма лодки (*кутурук, куорума*), шесток печи (*холумтан*) и задняя часть камелька (*кэтэгириин*), соответствуют Нижнему миру. Если рассмотреть функционально-символическую составляющую камелька, *кэтэгириин* задняя часть камелька считалась левой стороной (северная половина) – женской, которая в основном предназначалась для хранения домашней утвари. На линии разделяющей мужскую/правую и женские/ левую стороны, находился камелек (если встать к нему лицом к выходу). «Южная часть считалась мужской половиной жилища и представляла собой сакрально возвышенный локус» [4].

Наименования дополняющих (визуально) друг друга рек Аллах, как юг, вертикально (*нос лодки*) и Кенкеме, как север, горизонтально (*хвост, корму лодки*), устремленные к реке Лена, «сверху» формируют графически «Т» - образную лодку (плот). Расположение образа лодки, представленного реками Аллах и Кенкеме, соответствующего локусу долины *Эркэни* на среднем течении реки Лена, является символическим в пространственном ключе для обустройства домашнего очага у северных тюрков – якутов.

Ассоциативный образ реки у современных якутов связан, прежде всего, с ее признаками: величию и мощью, геоландшафтными и климатическими особенностями региона. У якутов, река, являясь главным ориентиром в пространстве характеризует не только особенности рельефа, но и ее динамику во времени и в пространстве. Динамика во времени и в пространстве имеет общее представление с жизнью, дорогой, устремленностью в даль, или со смертью. Особое отношение якутов к пониманию жизни-смерти, можно обозначить как этнические константы, вытекающие из древних верований якутов на бессознательном уровне.

Литература

1. Khokholova, I.S., Zamorshchikova, L.S., Filippova, V.V. Indigenous place names: cognitive-matrix analysis // *XLinguae* 11 (2), 2018, pp. 275-291.
2. Хохолова, И.С., Пестерева, К.А., Иконникова А.Н. Образ реки и ледохода в языковой картине мира жителей Центральной Якутии // *Общество: философия, история, культура*. Издательский дом «ХОРС», № 5, 2018, С. 37-42.
3. Хохолова, И.С., Пестерева, К.А. Исторические и лингвистические аспекты формирования топонимов как показателей освоения ландшафта (на примере Хангаласского улуса РС(Я) // [ОБЩЕСТВО: ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА](#). Издательство: [Издательский дом "ХОРС"](#) (Краснодар), 2018, № 1, С. 49-54.
4. Якуты (Саха) / отв.ред Н.А. Алексеев, Е.Н. Романова, З.П. Соколова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Ин-т гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. – М., Наука, 2012. 559 с.
5. Санжеев, Г.Д., Орловская, М.Н., Шевернина, З.В. Этимологический словарь монгольских языков : в 3 т. / гл. ред. Г.Д. Санжеев ; ред. Л.Р. Концевич, В.И. Рассадин, Я.Д. Леман. Т. I. А–Е. М., 2015. 224 с.; Т. II.Г–Р. М., 2016. 232 с.;
6. Севортян Э.В. [Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы 'К', 'Қ'](#) / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М., 1997; (pdf, 19Mb) <http://altaica.ru/LIBRARY/ESTJA/estja5k.pdf>.

СЕВЕРНЫЙ ТЕКСТ ЛИТЕРАТУРЫ ЯКУТИИ: ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ СЕВЕРА ПРИЗНАКИ СВЕРХТЕКСТА

NORTH TEXT LITERATURE OF YAKUTIA: SPATIAL MODEL OF THE NORTH SIGNS OF SUPERTEXT

Авторы: Бурцева Жанна Валерьевна

Аннотация: В исследовании описаны критерии и признаки выделения северного текста на материале литературы Якутии, на основании которого доказано, что его можно отнести к типологическому варианту северного супертекста. Выявлена хронотопическая модель образа Севера и проанализированы основные концепции ее концептуальной сферы. В литературе коренных народов Севера Якутии в качестве полной символической последовательности значимо хронотопное изображение Крайнего Севера, имеющее свою пространственную характеристику, которая формируется как во времени, так и в процессе истории.

Ключевые слова: северный текст, региональный текст, супертекст, литература коренных народов Севера Якутии, пространство Севера, художественная картина мира.

Annotation: *The study describes the criteria and signs of the selection of the northern text on the material of the literature of Yakutia, on the basis of which it is proved that it can be classified as a typological variant of the northern supertext. The chronotopic model of the image of the North is revealed and the main concepts of its concept sphere are analyzed. In the literature of the of Indigenous peoples of the North of Yakutia, as a complete symbolic sequence, the chronotopic image of the Extreme North, having its own spatial characteristic, which is formed both in time and in the process of history, is meaningfully. The North is interpreted as a single concept and extra-textual reality, which generates and generates this regional text. At the same time, the opposition is your own / alien, structuring other binary oppositions (north / civilization, nature / civilization, life / death, severe / fragile, freedom / non-freedom, good / evil, citizens / northerners, past / present and others) is dominant for characterizing North. The border nature of the Northern space is revealed, a combination of opposing features, contrasting spatial characteristics, a description of the motifs and images with the semantics of transitivity and the boundary, the horizontal and vertical measurement of the topos of the tundra as the boundaries of the earth and sky, day and night in the pore of white nights. The characteristics that characterize the geopoetic image of the North as a special geographical area are analyzed. The toponyms and anthroponyms here appear in two aspects, on the one hand, define the text as terrain, territory, territorial and cultural landscape, on the other hand, are the core of the toponymic field of the text, making it voluminous, increasing additional meanings, for example, conceptual and psychological perception, expressed as special attitude and as a special point of view on the terrain, in general, on the world.*

Keywords: *northern text, regional text, supertext, literature of Indigenous peoples of the North of Yakutia, space of the North, artistic picture of the world.*

Цель исследования: выявить признаки, позволяющие выделить и описать северный текст литературы Якутии, смысловым ядром которого является северная литература Якутии.

Методы исследования: Исследование северного текста основывается на базовых методах изучения городских текстов, которые опираются на концептуальные семиотико-культурологические принципы анализа (В.Н. Топоров, Ю.М. Лотман, Н.П. Анциферов и др.), выявляющие культурные коды топосных сверхтекстов. Наиболее продуктивным методом исследования Севера как текста выступает комплексный подход, а именно концептуальный, культурно-исторический, биографический, интертекстуальный методы, а также геопоэтический подход. В этом плане художественная картина мира включает в себя совокупность ландшафтных характеристик, образов природы, пространства, времени, движения.

В ходе исследования разработаны критерии выделения северного текста на материале литературы Якутии, смысловым ядром которого является литература малочисленных народов Севера (эвенов, эвенков, юкагиров), наиболее ярко отражающая национальную картину мира северного человека.

1) Арктическая зона Якутии, так называемый Север, в художественных текстах представлен как образно и тематически обозначенный центр, единый концепт и конкретный локус, имеет свои географические, историко-культурные характеристики, а также субъективный образ восприятия и интерпретации реального пространства. Север как внетекстовая реалья является генеративным порождающим явлением или фактором данного регионального текста. **2)** Существует определенный круг текстов, наиболее репрезентативный для данного локального текста в целом, определяющий законы формирования его художественного языка и тенденции его развития. **3)** Литература народов Севера Якутии как отдельная художественная система с архаичными формами культуры прошла своеобразный путь своего становления, начиная с 1930-х гг., и синхронность развития в общем историко-литературном процессе XX в. Все этапы формирования этой литературы связаны с желанием авторов осознать собственную историю и традиционную культуру, и это следует характеризовать как черту регионального художественного сознания. **4)** Литературу народов Севера Якутии можно представить как сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой цельностью в месте встречи текста и внетекстовой реальности. **5)** Общность художественного и культурного кода к пониманию данного типа культуры, который определяет набор образов, связанных с каким-либо комплексом стереотипов в сознании. **6)** Устойчивость и одновременно подвижность динамичность границ данного локального текста. **7)** Образ Севера образует дополнительные смыслы, связанные с его мифологической культурологической метафорой.

Система текстов, несмотря на то, что создана различными авторами, обнаруживает общность в существовании единой модели мира и мифотектонике, т.е. культурном коде, присутствующим в сознании большинства носителей культуры и так или иначе проявляющимся в текстах. Сам факт образования сверхтекста говорит о культурной значимости внетекстовых реалий, с которыми данный сверхтекст связан. Для определения составляющих сверхтекста, реализующих общие культурные смыслы, необходимо выявить его концептосферу. В концептосферах системы текстов, образующих единую мифотектоническую парадигму и сходную модальную установку, проявляется общая сверхтекстовая картина мира. Все авторы-северяне, начиная с творчества основоположников и далее, юкагиров Н.И. Спиридонова - Тэки Одулока, С.Н. Курилова, Н.Н. Курилова, Г. Дьячкова, эвенов Н.С. Тарабукина, П. Ламутского, В. Лебедева, А. Кривошапкина, В. Кейметинова-Баргачана, В. Белолобской-Аркук, эвенков Д. Апросимова, Н. Калитина, Г. Кэптукэ, пытаются осмыслить Север как историческое, ландшафтное, социально-культурное пространство.

Таким образом, концепт «Север» выражается абсолютно различными метафорическими представлениями, такими как «Север - это судьба народа», «Север - это земля сородичей», «Север - это человек», «Север - это кочевье», «Север - это дом», «Север - это противоречивый географический образ», «Север - это край земли», «Север - это природа и стихия», «Север - это пограничье, граница, рубеж», «Север - это борьба за выживание и труд», «Север - это боль» и другими, характеризующимися природно-климатическими и исторически сложившимися условиями, особенностями мировоззрения и традиционной жизни людей, проживающих на данной территории. Мы пришли к выводу, что данный региональный северный текст обладает всеми признаками сверхтекста и может быть классифицирован как типологический вариант северного сверхтекста.

Список источников:

1. Антология художественных концептов русской литературы XX века [Электронный ресурс] / Ред. и авт.-сост. Т. И. Васильева, Н. Л. Карпичева, В. В. Цуркан. М.: Флинта, 2013. 356 с. (дата обращения 21.04.2018).
2. Галимова Е. Ш. Северный текст в системе локальных (городских и региональных) сверхтекстов русской литературы. URL: http://narfu.ru/ifmk/cen_lab/ntext/files/galimova.pdf (дата обращения 25.04.2018).
3. Головнёв А. В. Кочевье, путешествие и нео-номадизм// Уральский исторический вестник, 2014. № 4(45). С. 121-126.
4. Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (утв. распоряжением Правительства РФ от 4 февраля 2009 г. № 132-р).
5. Лагунова О. К. Научные версии литературного творчества коренных малочисленных народов Севера и западной Сибири// Вестник Тюменского государственного университета. 2011. №1. С. 60-68.
6. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: Изд-во ННРУ, 2003. 169 с.
7. Попков Д.В., Тюгашев Е.А. Философия Севера: коренные малочисленные народы Севера в сценариях мироустройства. Новосибирск: Сибирское научное изд-во. 2006. 376 с.

МЕТАФОРА ХОЛОДА В ЯКУТСКОМ ЭПОСЕ ОЛОНХО

THE METAPHOR OF THE COLD IN THE SAKHA EPIC OLONKHO

Авторы: Находкина Алина Александровна

Аннотация: Статья знакомит с новым подходом к стилистическим и символическим особенностям героического эпоса саха олонхо «Нюргун Ботур Стремительный» Платона Ойунского с учетом метафоры холода. Эпос Олонхо недавно был переведена на английский язык, что позволяет проводить как межъязыковые, так и межкультурные сравнения. Автор предлагает анализ словесных средств, изображающих явление холода, его пространство и его основные характеристики.

Ключевые слова: Холод, север, эпопея, пейзаж, космос, Абаасы, демоны, женщина, опасность, Тунгус.

Annotation: *The article introduces a new approach to the stylistic and symbolic features of the Sakha heroic epic Olonkho "Nurgun Botur the Swift" by Platon Oyunsky considering the metaphor of the Cold. The epic Olonkho has been recently translated into English, which allows both interlingual and intercultural comparison. The author suggests an analysis of the verbal means depicting the Cold phenomenon, its space and its main characteristics. This hostile and dangerous environment is seen in the light of the three level world like in some other Turkic epics. The description of the ominous Under World reproduces typical natural phenomena of the Arctic region such as hoarfrost, drifting snow, fog, polar night, landscape, pits, woods, mountains, lakes, rivers, etc. The epic space in olonkho is based on the traditional semantic opposition «north-south». According to this correlation epic quest starts in the south and leads to the north imitating the model of the Sakha migration to northeastern Siberia. The animosity of some landscape elements of the Cold reflects in their demonic feminine origin. These peripheral objects with negative symbolism are mostly situated in the west and north unfavourable directions. The metaphor of the Cold is unfolding in antagonists - demons and monsters Abaahys and Ajarais. The traditional image of enemy assumes new elements that reflect a historical fate of the Sakha.*

Keywords: *Cold, north, epic, landscape, space, Abaahy, demons, female, danger, Tungus.*

The aim of the thesis deals with the research how metaphor of the Cold is unfolding in the Sakha heroic epic olonkho. The subject of the research is examined with the methods of stylistic, literary and culturological analyses.

The Sakha heroic epic olonkho «Nurgun Botur the Swift» by Platon Oyunsky evolves the metaphor of the Cold as a multidimensional one that is developing in space orientation, setting, landscape, characters, plot, etc. The setting of the epic represents a hostile northern land full of danger to newcomers who migrated there from the southern territories. The hostility of the north in the epic space proves to have its traditional negative space orientation semantics. The epic space in the olonkho is based on the semantic opposition «north-south». It functions as the vertical opposition of «down-up» realized in the epic olonkho as antagonism between the Upper World and the Under World, i.e. the antagonism of good deities Aiyi [a'ji:] and demons Abaahy [aba:'hi], which is

understood as a contradiction of «good/bad».

The epic quest starts in the south and leads to the north, imitating the model of the Sakha (Yakuts) migration from the south of Asia to northeastern Siberia. A protagonist faces the obstacles on his way like his ancestors while migrating. Space in the epic is described fragmentarily: landscape is represented in outline. Elements of the landscape such as woods, rivers, mountains, oceans, and valleys are also not the object of priority description. Wood is a place of epic hero travelling, while mountain or seashore is a place of battle. Conventionally mountains serve as passages to the Under World.

The description of the ominous Under World reproduces typical natural phenomena of the Arctic region such as eternal cold, ice, fog, darkness, polar night season, the lack of fresh air, the absence of vegetation but at the same time presence of ugly insects and reptiles, which is an allusion to the southern experience of the Sakha. The northern territories are described as a dangerous hostile environment, cold badlands with specific fauna and scanty flora. Tundra and permafrost become an objectification of the Under World - the land of demons and monsters Abaahys/Ajarais [a'djaraiz]. The low dark-red skies, fog, blue and green fire of stinky swamps or oceans burning with volcanic fire, and stench of rotten blood and corpses in the Under World worsen the whole picture and make it fantastic. The idea of the underworld in the mythology of the Sakha is almost merged with the idea of the north, while the Middle World is described as a blessed sunny land left behind - a reminiscence to the former Sakha homeland in the south. That is why the Abaahys bring not only diseases but also cold, winds and bad weather. Now it can be seen that in epic tradition, mostly the physical aspects of setting are emphasized. The setting of the Cold frames and encompasses the events of the epic narrative.

The central theme in the Sakha olonkho is the struggle with demons and monsters - Abaahys/Ajarais. Abaahys in shaman mythology are evil spirits devouring human souls and bringing diseases. Yet epic Abaahys are not just mythological creatures but, first of all, warriors of the alien tribe, enemies. In these very complicated images, there are interwoven or still not differentiated the ideas of natural forces and hostile tribes with whom the Sakha came across and fought with during their advance to the north. Thus, male antagonists represent the mythologized syncretic images of enemies that, however, evolve in the course of the narrative. The inhuman feminine antagonists also embody the females of hostile tribes - warrior-women; this explains their supernatural power, zoo- and anthropomorphic monstrosity, animosity, warlike attitude, repulsive appearance, bad temper, and infectious diseases, no matter how discriminating. The demonic feminine origin of certain landscape objects is reflected in a traditional rather flattering addition 'khotun-ebeh' to all large place names, either ground (valley) or water (river, lake) that reveal an instinctive fear and respect of the natural forces. ('Khotun' [ho'tun] is a title of an honoured woman; a wife. 'Ebeh' - Yakut. 'эбэ' (e'beh) - 'grandmother').

A careful study of the Sakha epic olonkho reveals certain similarities with folklore of the indigenous peoples of the North: in some motifs or plots, e.g. the scene of a protagonist sister's kidnapping by a Tungus hero riding a fast-moving reindeer sled. With a lapse of time enemy-monsters are displaced by the Tungus inhabited northern territories where the Sakha tribes migrated. The new antagonists are still hyperbolized but they gradually lose their mythologization and become closer to real human beings. Moreover, the negative impact of the Tungus is reduced to an unsuccessful attempt to capture a woman (sister or bride of the protagonist), often this hero performs a comic role in the epic and ceases to frighten. The image of enemy, mostly mythological and fantastic, is found in the most ancient Turkic-Mongol epics of Siberia, its plot and style. But to this ancient basis new elements are added - the elements that reflected further historical fates of the Sakha people.

The metaphor of the Cold in the Yakut heroic epic olonkho still can be interpreted as a metaphor of

hostile natural force to human beings. The external conflicts depicted in the epic reflect a basic opposition between man and nature; they may also take the form of an opposition between the protagonist and a human adversary, which is symbolically shown in the space orientation semantics "north-south". The metaphor of the Cold is also unfolding in antagonists - demons and monsters. The traditional image of enemy assumes new elements that reflect a historical fate of the Sakha. Thus, the metaphor of the Cold in the Sakha epic olonkho is a metaphor of human survival and adaptation in unfriendly cold conditions.

САКРАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ДОЛИНЫ ТУЙМААДА В ЛИТЕРАТУРЕ

SACRAL STRUCTURE OF THE TUUYMAADA VALLEY IN THE LITERATURE

Авторы: Румянцева Лена Иннокентьевна

Аннотация: Долина Уймаада - одна из трех Среднеленских долин, центральное расположение между долинами Эркеени и Энгсели, определяющая ее доминирование в природном ландшафте и в культурно-сакральной сфере. Поэтому фольклорная традиция передает нам образ «счастливого», «обильного», «плодородного» Туймаада, наиболее адекватно реализованного в исторической диологии якутского писателя Яковлева-Далана. В своих романах «Глухой Вилуй» и «Тыгын Дархан».

Annotation: Tuymaada Valley is one of the three Srednelensky valleys, the central location between the valleys of Erkeeni and Engsieli, determined its dominance in the natural landscape and in the cultural, sacral sphere. Therefore, the folklore tradition conveys to us the image of the "happy", "abundant", "fertile" Tuymaada, most adequately implemented in the historical diology of the Yakut writer Yakovlev-Dalan. In his novels "Deaf Vilyuy" and "Tygyn Darkhan". Tuymaada Valley is a natural phenomenon possessing the properties of a protected, enclosed space. The plot pressure of the novels essentially repeats the spatial trajectory of the legendary Elya Er Sogotokh (The Lonely). The sacred function of Tuymaada is that this is the place where unhappy fate and loneliness is overcome, this is the place of salvation, the accumulation of forces, the realization of creative and vital potential. In the Russian literary tradition, the sacred structure of Yakutsk is represented by images of Orthodox church as a sacred center, a paling, as a sign of a developed cultural space that opposes the chaotic elemental world. In the romantic context of Rolyev's poem "Voinarovsky", perceived as a profoundly innovative work precisely due to the reproduction of a concrete picture of the Yakut life and landscape, a historically accurate motivation of alienation and loneliness of the hero, the motives of "harsh, wild, sullen nature", "dull, deaf city" were fixed in which the "resident wild" drags dreary existence.

Keywords: Tuymaada Valley, the sacred structure, sacred function, the plot, Yakut literature, Yakovlev-Dalan, Russian literary tradition.

Цель исследования связана с выявлением особенностей воплощения пространственной парадигмы долины Туймаады в значимых текстах русской и якутской литературы путем реконструкции сакральной структуры Якутска.

Исследование особенностей пространственной поэтики текста на современном этапе предполагает обращение к фундаментальным трудам по специальной поэтике М. М. Бахтина, Вяч. Вс. Иванова, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, З.Г. Минц, Б. А. Успенского, В.Н. Топорова с учетом новейших междисциплинарных исследований художественного пространства Д.Л. Спивака по метафизике города, Д.Н. Замятина, О.А. Лавреновой по геокультурному моделированию и др.

Долина Туймаада является одной из трех Среднеленских долин, центральное расположение между долинами Эркеэни и Энгсиэли, обусловило ее доминирование в естественном

природном ландшафте и в культурной, сакральной сфере. Поэтому фольклорная традиция доносит до нас образ “счастливой”, “изобильной”, “благодатной” Туймаады, наиболее адекватно реализованный в исторической диалогии якутского прозаика В.С. Яковлева-Далана. В его романах «Глухой Вилюй» и “Тыгын Дархан” долина Туймаада – природный феномен, обладающий свойствами защищенного, огороженного пространства. Идею изобилия и процветания актуализирует оппозиция полнота / незаполненность, которая является определяющей в противопоставлении культурно освоенной долины *Туймаады* и *Улуу Маган Дуол* (Великий белый простор - тундра), *Муус Кудулу Далай* (Великий Ледовитый океан). Великая госпожа Бабушка Туймаада в романе не просто пространственный образ, с ним ассоциирован и временной аспект – с Туймаадой связаны счастливая пора жизни героев, время и место достижения успеха, расцвета жизненных сил и др. В то время как испытания, посланные героям на земле Туймаады, становятся залогом их дальнейшего успеха и процветания. Сюжетное движение романов в сущности повторяет пространственную траекторию легендарного первопредка якутов *Эллия Эр Соготох* (Одинокий), который, прибыв по реке в Туймааду, становится прародителем якутов. Сакральная функция Туймаады заключается в том, что это место, в котором преодолевается несчастливая судьба и одиночество; это – место спасения, накопления сил, реализации творческого и жизненного потенциала. Таким образом, романы воссоздают закрепленное в традиционном сознании представление о *Туймааде* как центре, средоточии срединного мира, благословенном месте, где вершится личная и общая судьба.

Глобальное противопоставление сакрального в культурном пространстве происходит на перекрестке “православия” и “язычества”. В русской литературной традиции сакральная структура Якутска представлена образами православного храма, креста, как сакрального центра, частокола, как знака освоенного культурного пространства, противостоящего стихийному хаотическому миру. Тексты художественной литературы запечатлели ландшафт, символику пространства, топосы и локусы Якутска и его окрестностей, в результате возникает впечатляющая картина особой “цивилизации” маркерами которой выступают, с одной стороны, “холод”, “отдаленность”, “лишения”, “одиночество”, с другой – “дружелюбие”, “взаимовыручка”. В романтическом контексте поэмы К.Рылеева “Войнаровский” были закреплены мотивы “суровой, дикой, угрюмой природы”, “унылого, глухого города”, в котором “житель одичалый” влачит тоскливое существование. Однако в поэме впервые возникает описание Якутска как места согласного сосуществования разных народов. И.А. Гончаров уже говорит об особом “сибирском отпечатке”, который отличает “природного” якутянина: оригинальный свободный взгляд на мир, независимый характер, физическое здоровье. На фоне описаний многочисленных обедов и ужинов, носящих подчеркнuto бытовой характер, выделяется эпизод с архиереем Вениаминовым. В очерках И.А. Гончарова возникает своеобразное сращивание бытового и сакрального.

Литература

Далан. Глухой Вилюй. Якутск: Бичик. 1993. 336 с.

Далан. Тыгын Дархан. Якутск: Бичик. 1994. 432 с.

Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак. 2006. 488 с.

Лавренова О.А. Семантика культурного ландшафта: автореф. диссертации доктора философских наук: 24.00.01. М, 2010. 30 с.

Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.

Ноева С.Е. Особенности национального психологоса в романах В.С. Яковлева- Далана //Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2012. Т. 9. № 2. С. 117-122;

Ноева С.Е. Мотив поиска в романах якутского писателя В. С. Яковлева - Далана (на примере сравнительного анализа романов "Глухой Вилюй", "Тыгын Дархан") // Современные гуманитарные исследования. 2013. № 6 (55). С. 54-56.

Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исслед. в обл. мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс: Культура, 1994. 624 с.

Успенский Б.А. Семиотика искусства. М.: Школа"Языки русской культуры", июль 1995. 360 с.

Спивак Д.Л. Метафизика Санкт-Петербурга: начало и основание. СПб.: Алетейя, 2003. 480 с.

ХОЛОД КАК МЕТАФОРА

COLD AS METAPHOR

Авторы: Андросова Фекла Семеновна

Аннотация: В данной статье исследуется образ холода в дискурсе фильма на материале фильма «Урун кун» режиссера М. Лукачевского. В этом фильме выделяются две метафорические модели: холод как испытание, холод как смерть. Две модели холода тесно переплетены: испытание холода проходит не только главный герой, Сарьял, но и его родители, которые заставили холод таять в их сердцах - они спасли своего сына от смерти.

Ключевые слова: cold, metaphor, cold as test, cold as death, film discourse

Annotation: In this article the image of cold in the film discourse is studied on the material of the film "Урун кун" directed by M. Lukachevsky. Two metaphorical models stand out in this film: cold as test, cold as death. Two models of cold are closely intertwined: the cold test is passed not only by the main character, Saryal, but also by his parents, who forced the cold to melt in their hearts - they saved their son from death.

Keywords: cold, metaphor, cold as test, cold as death, film discourse.

Целью данной статьи является изучение образа холода в кинодискурсе.

Методы исследования: основными методами являются семиотический и интерпретационный методы анализа.

В современной науке холод рассматривается не только как природное явление, вокруг которого строится и от которого зависит образ жизни людей, проживающих в холодных регионах, но холод является объектом изучения и гуманитарных дисциплин. В этом случае все чаще говорят о метафоричности понятия «холод». В качестве материала для анализа была избрана драма молодого якутского режиссера Михаила Лукачевского «Урун кун» (Белый день). В контексте изучаемого произведения можно выделить две метафорические модели: холод как испытание, холод как смерть.

Рассмотрим первую модель: холод как испытание. В якутской народной песне «Аан-даан ырыата» (песня про зимнюю стужу) говорится о хозяйке Ледовитого океана - чудище госпоже-бабушке Кыыс Чангыйдаан (Муустаах муорам иччитэ буолбут Кыыс Чаңыйдаан Хотун эбэ обургу), которая в гневе разгоняет-рассылает крепкие заморозки с резкими ветрами [4: 64-65]. Холодные месяцы зимы ассоциируются у якутов с испытаниями: природа будто испытывает их на прочность. Так, персонажи кинокартины ощущают холод не только физически, но холод воспринимается ими как конец жизнедеятельности: телефонной сети (связи) нет, музыка глохнет, транспорт выходит из строя. Люди и стихия остаются лицом к лицу.

По представлениям якутов, ничего в жизни просто так не бывает: все имеет свою причину. Жизненный опыт, наблюдательность и тесная связь с природой помогли им правильно трактовать знаки. Кувшин с молоком, который мама главного персонажа фильма прижимает к животу, выпадает из ее рук и падает на пол: кувшин разбит, молоко пролито. Общеизвестно, что чрево (живот) является символом плодородия и жизненной энергии. А случайно пролитое

на землю (пол) молоко – к несчастью. Первый знак того, что с ее ребенком должно случиться что-то страшное.

Своего рода предзнаменованием опасности выступает и седая старуха в белом одеянии, возникшая на дороге, мимо которой проезжает автомобиль с героями картины. Неоднозначное толкование образа старухи вызвано контаминацией. Одевание, ее внешний вид наводят на мысль, что перед нами иччи (духи, хозяева местности). По указаниям А.Е. Кулаковского, иччи могут творить и доброе, и злое, в зависимости от того, как к ним относится человек. Сами они являются чем-то средним между «айыы» и «абааы» и живут в среднем мире. Так, в преданиях якутов упоминается Аартык иччитэ (Мосол тойон) и его жена Буомча хотун. Эти иччи были злые и ставили путнику всевозможные препоны, которых устраняли только тогда, когда получали подарки. Второй образ – Суол иччитэ (Хозяйка дороги). О ней упоминает мужчина-спутник, отправляя мальчика Сарыала за помощью: – Эйиэхэ Суол иччитэ көмөлөстүн! Существует также доброе иччи – Аан Алахчын Хатын, которая является хозяйкой земли (дойду иччитэ) [3: 32]. В бреду (во сне) мальчику, находящемуся между жизнью и смертью, приходит на помощь та самая старуха в белом одеянии. Она ожидает мальчика в своем балагане (өтөх) и встречает его со словами: – Тоойуом, кэллин дуо? (Сынок, ты пришел?).

Сарыал, пройдя испытание ситуацией, становится мужчиной, защитником жизни. Следует отметить, что единственный герой, у которого есть имя в кинофильме, – это Сарыал. В якутском языке «сарыал» обозначает красные лучи солнца ранним утром и перед закатом; сияние, яркий свет; наступление радостного, светлого события. В бурятском (һаруул) и монгольском (саруул) языках ‘светлый, ясный’ [1: 288]. Представляется, что сарыал выступает антиподом тымны (холода).

Вторая метафоричная модель – холод как смерть – основана на оппозиции ‘белый’/ ‘черный’, которая, по мнению Л.Л. Габышевой, является ключевой для понимания фольклорных текстов: используя слова, обозначающие белый и черный цвета, якут говорит о красоте и безобразии, добре и зле, жизни и смерти [2]. Применительно к анализируемому фильму семантическая структура имени ‘белый’ означает ‘день’, а ‘черный’ – ‘ночь’. Однако белый снег под покровом ночи приобретает несколько иное значение в фильме: он соотносится с холодом, пустотой, ледяным молчанием, в конечном счете – со смертью. Отрицательная коннотация имени существительного ‘снег’ зафиксирована в монгольской пословице: худшее из всего белого – снег, худшее из всех событий – война. Более того, наступление холода связано с угасанием лучей белого солнца в якутской народной песне (Күдэриктээх күөх түүн күөйдэ, Үрүң күн сардаңата намтаата. Чучугуруур муус туйах чугдаарда, Чочугуруур тоң атаһа айдаарда) [4: 64-65].

Слово «тымны» в якутском языке имеет и переносное значение, когда речь идет об отношениях или человеке. Наряду с испытаниями персонажей, которые оказались по воле судьбы во власти стихии, параллельно действия происходят в доме Сарыала. Огромный дом, невыносимая тишина, взаимные обвинения и упреки, некогда самые родные люди стали чужими друг другу. Воздействие холода переносится из сферы физических ощущений в область духовного мира человека: в кинофильме мы наблюдаем душевные страдания мамы мальчика, порождаемые холодностью, равнодушием супруга, собственной душевной пустотой и одиночеством. Оттого она усердно старается «стереть время» – отражение белых часов в зеркале. Холод убьет их отношения, их семью, их сына, если они ничего не предпримут.

Наступит утро следующего дня. Всех спутников Сарыала найдут погибшими, кроме младенца, который, как и новый снег, является символом начала, как и солнце в морозный день, является символом жизни.

Результаты исследования: В ходе проведенного анализа были выявлены две метафорические модели холода: холод как испытание, холод как смерть. Обе модели холода тесно переплетаются в картине: испытание холодом проходит не только главный персонаж фильма, но и его родители, заставляя растаять холод в сердцах, они спасают от гибели и своего сына.

Литература

1. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. VIII: (Буква С: С – сөллөбөр). / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2011. – 572 с.
2. Габышева, Л.Л. Слово в контексте мифопоэтической картины мира: на материале языка и культуры якутов: дисс. ... докт. филол.н.: 10.09.01. Фольклористика. М., 2003. 493 с.
3. Кулаковский, А.Е. – Научные труды. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1979. – 484 с.
4. Якутские народные песни: в 4 ч. / Сост. Г.У. Эргис и др. – Якутск: Кн. изд-во, 1976. – Ч. 1. Песни о природе. – 232 с.

АУДИОВИЗУАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ ХОЛОДА В КИНОТЕКСТЕ О ЯКУТИИ

AUDIOVISUAL SYMBOLS OF COLD IN A FILM ABOUT YAKUTIA

Авторы: Горохова Анна Ивановна

Аннотация: Предпринята попытка определения основных информативных характеристик холода, основываясь на фильме как текстовом и лексикографическом источниках. В якутском языке существует несколько вариантов назначения холода, что может быть связано с разным восприятием проявлений зимних морозов. По результатам ассоциативного опроса зима у якутов связана, прежде всего, с холодом. Зима холодная, мороз - это в основном в таких условиях, что режиссер документального фильма «24 снега» изображает жизнь главного героя, коневода.

Ключевые слова: фильм, аудиовизуальная символика, холод, якутский язык, якутская культура

Annotation: In this study, we made an attempt to determine the main informative characteristics of the cold, based on film as a text and lexicographical sources. In the Yakut language there are several options for the nomination of cold, which may be due to different perceptions of manifestations of winter frost. According to the results of an associative survey, winter is associated primarily with cold among the Yakut people.

Keywords: a film, audiovisual symbols, cold, Yakut language, Yakut culture

В данном исследовании предпринята попытка определить основные содержательные характеристики понятие холода, основываясь на материале кинотекста и данных лексикографических источников.

Изучение словарных дефиниций показывает, что понятие холода в якутском языке может быть выражено по-разному. Во-первых - лексемой *тымныы*, которая имеет следующие значения: 1) *салгын намыһах тэмпэрэтирэтэ* 'низкая температура воздуха, холод'; 2) *дьыбардаах кун-дьыл, тонгот* 'холодная погода, мороз'; 3) *туох мэ (муус) киһи этэгэр биллэр тонго* 'холод, исходящий от какого-либо мерзлого вещества или предмета (льда)'; 4) перен., разг. *улаханнык куттаннахха киһи этэ-сиинэ дьагдайан, тонго ылара* 'мороз по коже (от страха, испуга)' [1]. Во-вторых - лексемой *чысхаан*, которая употребляется в значении 'самый жестокий мороз при безветрии, холод, стужа' [2]. В-третьих - лексемой *чыгдаан*, означающая 'хиуз, ветер, мороз, холод при ветрах' [ibid]. В-четвертых - лексемой *кыйысхан*, которая имеет значение 'мороз с режущим лицо ветром' [ibid]. И в-пятых - лексемой *дьыбар*, употребляемая в значении '*сарсыарда уонна киэһэ күүһүрэн кэлэр тымныы* / увеличивающийся при восходе и заходе солнца холод, мороз (утренний, вечерний)' [ibid]. Варианты номинации холода в якутском языке обусловлены разным восприятием проявлений зимнего мороза. Лексема *тымныы* обозначает наиболее широкий диапазон низких температур, в то время как остальные слова *чыгдаан, чысхаан, кыйысхан, дьыбар* обозначают еще более низкие температуры, которые трудно переносить. Кроме того, лексема *чысхаан* применяется в олицетворении мороза. *Чысхаан* - сказочный персонаж в [Якутии](#), получеловек-полубык, воплощение якутского властелина холода.

Исключительная продолжительность зимнего времени года и чрезвычайно низкая температура воздуха, характерные для Якутии, определили тип хозяйствования, бытовую культуру, экономику и мировоззрение этноса. Показательно, что в «Ассоциативном словаре якутского языка» на стимул *тымныы* 'холод' наибольшее по количеству реакции лексема *кыһын* 'зима' (574 реакции) [3]. Зимний холод, мороз – в основном именно в таких условиях изображает режиссер документального фильма «24 снега» жизнь главного героя-коневода [4].

Структура кинотекста представлена как вербальной системой, так и невербальной системой, элементы которых существуют как в изобразительной, представленной при помощи изобразительных средств, так и в звуковой формах [5; 22]. В своем исследовании мы изучили невербальную составляющую кинотекста и выявили как визуальные, так и аудио-символы. Визуальные символы холода представлены природными явлениями, домашними животными, последствиями влияния низких температур, способами адаптации человека к холоду, северным ландшафтом.

Многомерную символику воплощает туман (*күдэн* 'легкий туман, дрожание воздуха, облако'), создающий ощущение сказки, таинственности природы, или схожий символ облака снежной пыли, оставленного табуном бегущих лошадей или стадом северных оленей (ср. *күдэннэт* 'заставлять (коня) поднимать пыль'). Эти символы означают нечто нереальное, которое сопряжено с прошлым. Якуты издревле занимались коневодством, которое в современном мире постепенно перестает быть традиционным хозяйством из-за проблем в коневодческой сфере – некому в будущем разводить лошадей и оленей, т.к. «молодежь хочет быть судьями и прокурорами». Связаны они также с мифом (божество коневодства *Дьөһөгөй* якуты считают создателем и покровителем коней). В фильме к лошади герой относится с любовью и почтением – говорит, что лошади как люди, но с ними живет лучше, чем с людьми, что они – его жизнь, что если возникнут проблемы, то лошадь всегда спасет, сравнивает их с богатством, дает им необычные клички (Олонхо, Дархан, Реклама, Сынок, Легенда (самый призовой конь)). И, наконец, данные символы отсылают к судьбоносному сну, который видел в детстве герой фильма и с которого начинается и заканчивается фильм. Сон как явь и явь как сон, т.к. ему предстоит нести одному бремя сурового испытания в будущем – вести в одиночестве хозяйство и кормить большую семью. Мотив одиночества и неясного будущего прослеживается и в кадре, когда герой стоит один на горе и устремляет взгляд вдаль на бескрайние, как белая пустыня просторы заснеженной тундры. Герой фильма жалуется, что ему приходится работать одному, т.к. сын уехал, а работники долго не задерживаются из-за низкой оплаты и суровых условий труда. В борьбе с холодом человек надеется только на свои силы.

Снежная целина и бездорожье будучи визуальными символами холода являются атрибутами северной территории, которая позиционируется как дикая, плохо освоенная, непроходимая. На многие километры нет ни одного жилья, ориентироваться приходится только по природному ландшафту – горы, реки.

Следующий визуальный символ – северный олень, который является наиболее распространенным образом животного на севере. Олени – терпеливы, неприхотливы, привычны к холоду.

Режиссер фильма весьма выразительно изображает проявления холода, когда в кадре появляется заиндеветшая морда оленя, обмороженное лицо героя и тело лошади, сплошь покрытое огромными сосульками.

Бытовой символ ледник как способ хранения еды и льда для питьевой воды свидетельствует о

том, что холод и вечная мерзлота имеют не только отрицательные свойства, но и положительные качества, «помогают» человеку в хозяйстве.

Визуальные символы холода дополняются в кинотексте для полноты картины аудио-символами, которые связаны с природными условиями Севера, традиционным хозяйственно-бытовым укладом якутов, этнической музыкой народов Крайнего Севера. Природные аудио-символы связаны со специфичными хрустящими, как снег, ломкими, как ледяная корка звуками на морозе (ср. *чынкынас дьыбар* 'трескучий мороз'), которые повисают в воздухе, звуком завывающего ветра, криками зимующих птиц (филина), ржанием лошадей, потрескиванием льда в ведре, стоящем на печи. В первых кадрах фильма слышен звон колокольчика (его вешают на шею оленя, чтобы не потерять в тундре), который образно извещает об уходящей культуре северных народов. Звуки, которые издают предметы обихода человека, весьма разнообразны. Это такие как стук топора при заготовке дров, режущий звук пилы при отпиливании рогов оленя, шероховатый звук скребка при очистке тела лошади от кусков льда, трескающий звук веревки при упаковке груза, скрип замерзшей входной двери в дом, колющий звук пешни или якутского ножа при раскалывании льда, звук от полозьев саней в оленьей упряжке, скользящих по снегу, звук, издаваемый при употреблении горячего чая. Этническая музыка, звучащая в последних кадрах фильма и сопровождаемая визуальными символами наездника в оленьей упряжке, бегущей посреди заснеженной тундры, и якутских лошадей, скачущих, встающих на дыбы и поднимающих облако снежной пыли, является исполнением лесотундровиков-оленоводов. Главным инструментом является бубен, являющийся посредником между людьми и духами.

Как видим, большая часть символических образов, связанных с холодом, отсылает к природе, ее объектам и явлениям, а также способам приспособления к холоду. Расшифровка символов показала, что холод, мороз, зима наряду с архетипическим значением негативного принимает значение данности, которую необходимо преодолевать и справиться.

Литература

1. Большой толковый словарь якутского языка под ред. П.А. Слепцова. Том XI.– Новосибирск, Наука, 2014. – 528 с.
2. Словарь якутского языка Э.К. Пекарского. – М.: Акад. наук СССР, 1959. III тома.
3. Заморщикова Л.С., Романенко А.А. Якутский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://adictsakha.nsu.ru/dictback#> (дата обращения: 19.11.2018)
4. Документальный фильм «24 снега», продюсер Е.П. Макаров, реж. М. Барынин. Якутск, 2016.
5. Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). – М.: Водолей Publishers, 2004. – 153 с.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО С ВЕРШИНОЙ ЧИЭ В КОЛЫМСКОМ ДИАЛЕКТЕ ЮКАГИРСКОГО ЯЗЫКА

WORD-FORMATIVE FAMILY WITH THE CHIE IN THE KOLYMA DIALECT OF THE YUKAGHIR LANGUAGE

Авторы: Прокопьева Александра Егоровна

Annotation: *The article deals with a word-formative family with 'chie' in the derivational-semantic aspect. The word formation in the Yukaghir language is determined by its agglutinative character, the main way of forming new words is affixation. At the paradigmatic level, the word-formative family with 'chie' top is represented by three paradigms. The first paradigm has 6 derivatives, the second - 3, the third - 1. Derivatives of the first paradigm belong to the substantive, composite, verbal, adjectival blocks.*

Keywords: *Yukaghir language, Kolyma dialect, word-formative family, meaning.*

В юкагирском языкознании словообразование является одной из недостаточно разработанных областей. Словообразование юкагирского языка определяется его агглютинативным характером, основным способом образования новых слов является аффиксация.

Словообразовательное гнездо (СГ) и его составляющие (вершина, словообразовательная цепь и словообразовательная парадигма) являются центральными единицами дериватологии. Под словообразовательным гнездом понимается «совокупность всех однокоренных слов (дериватов), связанных отношениями непосредственной производности с исходной единицей» [1, с. 578].

В настоящей статье рассматривается словообразовательное гнездо с вершиной **ЧИЭ**. На парадигматическом уровне словообразовательное гнездо с вершиной **ЧИЭ** представляет собой совокупность словообразовательных парадигм, которые рассматриваются как совокупность производных, имеющих одну и ту же производящую базу:

Чиэ

ЧИЭ-ДЬЭ сущ. 'зима', 'очень холодная погода', 'холода', 'морозы', 'холод', 'мороз', 'заморозки'

ЧИЭДЬЭ-ДИН сущ. 'в течение зимы, всю зиму'

ЧИЭДЬЭ-ЛЛЬЭ ПИЧЧИИ сущ. 'синица'

ЧИЭДЬЭ-МЭ нареч. 'зимой'

ЧИЭДЬЭ-НОО-Т а.ф. 'зима'

ЧИЭДЬЭ-Т- неперех. 'простыть'

ЧИЭДЬЭТ-НУ- неперех. 'простывать'

ЧИЭДЬЭТ-ОО- неперех. страд. 'быть простуженным'

чиэдьэт-у-л и.д. 'простуда'

чиэдьэ-ш- перех. 'остудить (сделать не горячим)'

чиэдьэш-ну- перех. 'остужать (делать не горячим)'

чиэдьэш-оо- неперех.страд. 'быть остуженным кем-н.'

чиэ-л-у- неперех. 'быть холодным'

чиэлуу-ну- неперех. 'бывать холодным'

чиэл-гэ-йо межд. сл. холодно.

чиэл-киэ- неперех. 'холодать', 'холодеть'

чиэлкиэ-ну- неперех. 'холодать'; 'холодеть'

чиэлкиэ-лаа- неперех. 'начать холодеть', 'остывать'.

чиэлкиэ-лоо- неперех. страд. 'быть остывшим'.

чиэлкиэ-ш- перех. 'остудить что-н.'

чиэлкиэш-иэ- перех. 'начать остужать что-н.'

чиэлкиэш-ну- перех. 'остужать что-н.'

чиэлкиэш-оо- неперех. страд. 'быть остуженным кем-н.'

чиэ-сь- неперех. 'быть холодным'

На парадигматическом уровне СГ с вершиной **чиэ** представлено тремя парадигмами. Первая парадигма с вершиной **чиэдьэ** имеет 6 дериватов, вторая с вершиной **чиэлу** – 3, третья с вершиной **чиэсь** – 1. Производные первой парадигмы принадлежат субстантивному, композитному, глагольному, адъективному блокам.

На синтагматическом уровне словообразовательное гнездо – это совокупность словообразовательных цепей – дериватов, находящихся в отношениях последовательной производности. Словообразовательные цепи по количеству компонентов делятся на бинарные (состоящие из исходного слова и только одного производного) и полинарные (состоящие из несколько компонентов). СГ с вершиной **чиэ** является сильноразвернутым и многоступенчатым: 1 полинарная цепь содержит 2 компонента, еще 1 – 4, 2 полинарные цепи содержат по 3 компонента.

Анализируемое СГ с вершиной **чиэ** имеет три парадигмы и несколько ступеней производности. В основе строения словообразовательных гнезд в юкагирском языке лежит принцип последовательного подчинения одних единиц другим.

Литература:

1. Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь. – Ростов на/Д: Феникс, 2008. – 811 с.

2. Прокопьева П.Е. Словарь языка лесных юкагиров (тезаурусного типа). Буквы У-Э: отчет по теме НИР. – Якутск, 2013. – 277 с.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО С ВЕРШИНОЙ ИҢЭНЬ «ХОЛОД, МОРОЗ» В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

THE FORMATIVE FAMILIES THE TOP OF THE ИҢЭН' (COLD, FROST) IN THE EVEN LANGUAGE

Авторы: Нестерова Елена Васильевна

Annotation: *The article is devoted to identifying the derivational potential of иҢэнь «cold, frost» in the Even language. The perspective approach used in the study, in which иҢэнь is the pinnacle of a word-formation nest, represents work in a new direction for studying the Even word-formation system. As a result, the derivational volume of the word-formation nest with vertex иҢэнь is established. The binary and polynary word formation chains, word formation paradigms are revealed. The nest is characterized by a significant number of binary chains, most of the derivatives are in the verb block. The highest derivational productivity is observed at the first stage of word formation. Keywords: formative families; derivational chain; polynary chain; steps of word formation; derivatives; suffixes.*

Keywords: *formative families; derivational chain; Polynary chain; steps of word formation; derivatives; suffixes.*

Цель исследования

Целью работы является раскрытие деривационного потенциала слова ИҢЭНЬ «холод, мороз» в эвенском языке. Работа основана на гнездовом подходе изучения словообразования, при котором ИҢЭНЬ является вершиной словообразовательного гнезда.

Методы исследования

Основной метод исследования носит описательный характер, используются методы словообразования и семантический анализ. Теоретической базой исследования послужили труды российских ученых Тихонова А. Н. [5], Ширшова И. А. [8], Пятаевой Н. В. [2], Фатхутдиновой В. Г. [6], В.И. Цинциус [7] и др. В качестве материала использованы «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю» [4], «Эвенско-русский словарь» [3].

Описание исследования

Для любого жителя Севера такое явление как холод имеет одно из ключевых значений как в материальной, так и в духовной культуре. Вокруг этого явления строится жизнь северянина. Эвены, проживающие в суровых климатических условиях Севера, максимально приспособивались к холоду. Несомненно, этот феномен оказал влияние и на язык эвенов. Наша работа преследует цель выяснить деривационный потенциал слова ИҢЭНЬ «холод, мороз» в эвенском языке. Для этого мы рассмотрим словообразовательное гнездо с одноименной вершиной.

В эвенском языке ИҢЭНЬ имеет несколько значений «1. холод, мороз; 2. холодный, морозный; 3. холодно, морозно». Подобные слова К.А. Новикова называет именами с нерасчлененной семантикой: «Слова этой группы получают конкретизацию лишь в предложении, вне

предложения их нельзя отнести ни к именам предметным (существительным), ни к именам качественным (прилагательным), ни к наречиям. В данном случае мы имеем не три различные, внешне совпавшие части речи, а одну – имя предметно-качественно-наречное, могущее употребляться в трех синтаксических функциях: определяемое, определение, обстоятельство» [1, с.118]. Например: Эрэв инэңу *иңэнь* одни. «Сегодня стало *холодн*». *Иңэнь* дюду гору этэнри бис. «Не сможешь (ты) находиться долго в *холодном* доме». *Иңэнь* хаваснакан тэтий тэттив. «Почувствовав *холод*, надел пальто».

Картину словообразовательных возможностей слова *иңэнь* «холод, мороз» в эвенском языке наиболее максимально отразит, на наш взгляд, перспективный (или гнездовой) подход, где *иңэнь* является вершиной словообразовательного гнезда. Изучение структуры данного словообразовательного гнезда выявило пятнадцать синтагматических связей:

иңи/дэй 1) заморозить; 2) простудиться

иңи/чэ простуда

иңэ/м/дэй 1) мерзнуть, коченеть, зябнуть, дрогнуть, стынуть, цепенеть, леденеть; 2) обморазивать; 3) знобить

иңэ/м/нэ/дэй 1) мерзнуть, коченеть, зябнуть, дрогнуть, стынуть, цепенеть, леденеть; 2) обморазивать; 3) знобить

иңэ/м/укэн/дэй заморозить

Иңэнь иңэ/м/укэт/тэй морозить

иңэ/м/э/н озноб, простуда

иңэ/м/э/нмэй озноб, простуда

иңэ/м/э/л/дэй замерзнуть, озябнуть

иңэ/м/э/т/н/э/л/дэй 1) замерзать, коченеть, зябнуть, дрогнуть, стынуть, цепенеть, леденеть; 2) обморазивать; 3) знобить

иңэ/м/э/тэ чувствительный к холоду, мерзляк

иңэ/ни/л/дэй похолодать (о воздухе)

иңэ/ни/л/укэн/дэй охладить, заморозить

иңэ/ни/л/укэт/тэй студить, остужать, охлаждать (понижать температуру воздуха)

иңэ/ни/ке междом. ой как холодно!

иңэнь/гидэ 1. север; 2. северный, полярный, арктический

иңэнь/гидэ/нкэн северянин

иңэнь/си 1. холодный, морозный; 2. холод, стужа, заморозки, мороз

Результаты исследования

В работе установлен деривационный объем словообразовательного гнезда с вершиной *иңэнь* (холод, мороз) в эвенском языке. Так, *иңэнь* является исходным производящим для восемнадцати производных. Большую часть дериватов составляет глагольный блок: три глагола, четыре залоговых и три видовых формы, именной блок состоит из пяти существительных, одного прилагательного, также выявлено одно междометие. Словообразовательное гнездо характеризуется значительным количеством бинарных цепей. Наиболее активная деривация наблюдается на первой ступени словообразования.

Список источников:

1. Новикова К. А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. Ч I. М.-Л.: Наука, 1960. 263 С.
2. Пятаева Н. В. Еще раз о словообразовательном гнезде //Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики, 2016, №3. С. 13-17.
3. Роббек В. А., Роббек М. Е. Эвенско-русский словарь. Н.: Наука, 2005. 353С.
4. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Том I. Л: Наука. 1975. 672 С.
5. Тихонов А. Н. Основные понятия русского словообразования / А. Н. Тихонов //Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Т.1. М.: Рус. яз., 1985. – 856 С.
6. Фатхутдинова В. Г. Последовательная производность как универсальное свойство словообразовательных систем русского и татарского языков // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. Том 148, кн.3. 2006. С 154-160.
7. Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Фонетика и морфология. Л. 1947. 270 С.
8. Ширшов И. А. Теоретические проблемы гнездования. - М. : Прометей, 1999. - 236 с.

КОНЦЕПТ ХОЛОД В МИФОЛОГИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ П.А.ОЙУНСКОГО "УЛУУ КУДАНГСА"

THE CONCEPT OF COLD IN THE MYTHOLOGICAL TEXT OF P. A. OYUNSKY "ULUU KUDANGSA"

Авторы: Попова Галина Семеновна

Аннотация: Предметом исследования является понятие Холода, упомянутое в мифологическом рассказе якутской литературы «Улуу кудангса», основателя якутской литературы. Используются семиотический, символический, информационно-целевой и герменевтический анализ текста культуры. Цель состоит в том, чтобы определить значение понятия холода как естественного явления в диахронии - в мифических и современных временах. Полученные результаты говорят об изменении ментальной картины холода саха.

Ключевые слова: концепт, кадр, холод, природа, человек, мифологический текст, смысл, культура отношения к холоду.

Annotation: *The subject of the study is the concept of the Cold mentioned in the mythological story of the Yakut literature "Ulu kudangsa", the founder Of the Yakut literature. Semiotic, symbolic, information-target and hermeneutic analyses of the text of culture are used. The aim is to identify the meaning of the concept of cold As a natural phenomenon in diachrony-in mythical times and in modern times. The obtained results talking about changing the mental picture-frame Cold in Sakha. Previously, this frame was associated with the image Of the nature of the Northern region, created by the Supreme forces of creation in its three hypostases in the three worlds. Having come into conflict with these forces, the leaders of the Sakha clan lost the trust of their people. This means that the elite of the nation at the time gave the wrong Answer to the Challenge of local Nature. In order to further the well-being of the northerners, it is necessary to restore The culture of human attitude to Nature, the culture of attitude to the Cold. The prospects of this study are to develop the main structural elements of this culture. Genius Oyunsky puts before us the goal and its certain practical tasks.*

Keywords: *concept, frame, Cold, Nature, Person, mythological text, meaning, culture of attitude to Cold.*

Это произведение является по сути своей художественным переложением народного мифа/сказания о некогда действительно жившем предводителе рода ага ууса. Место жительства этого человека доподлинно известно — это местность в Сыланском наслеге нынешнего Чурапчинского улуса [3, с. 23 - 28].

Будем опираться на определение концепта, даваемое Ю.С. Степановым: "Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее. Концепты не только мыслятся, они переживаются. Они — предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт — основная ячейка культуры в ментальном мире человека." [2, с. 47.]

Исследуемый текст — названная повесть Ойунского — доносит до современного читателя мифологический сюжет о противостоянии Человека, возмнившего себя властителем всего и всех, и Природы. При этом противостоянии Социум/народ выступает в качестве катализатора событий. Посредником между этими тремя субъектами выступает шаман. Концепт Холод выступает в данном тексте в качестве первичной причины цепи событий, в конечном счете приведших к краху Человека. Но этот крах в свою очередь приводит к возникновению двух основ зла на земле саха: первая основа — судьба Улуу Кудангса должна стать причиной и примером "Илбис төрдө, иирээн сиэмэтэ = Основой кровожадности и семенем раздора"; вторая — "Аны Улуу Кудангса курдук ураанхай саха киһи үөскээбэтин! Кини курдук модун санаалаах төрүөбэтин! Аны кини курдук үс аан дойду айыллыбыт, үс күлэр кулугулар буолбут улуу сокуоннарын уларытар өргөстөөх тыллаах, уоттаах санаалаах үөскээбэтин! = Пусть больше не начинается подобный Улуу Кудангсе ураанхай саха! Пусть подобный ему мыслями великий не рождается! Пусть не начинается Человек, силой слова, огнем мысли способный разрушить великий закон устройства трех миров!" [1, с. 53].

Как тут не вспомнить о необычайнейшем персонаже Таас килиэ Ого, введенном П.А. Ойунским в первую Песнь олонхо "Нюргун Боотур Стремительный" - его привязывают к каменному столбу с указанием о том, что он должен будет использован для усмирения тех, кто вознамерится когда-либо нарушить Всевышний Огненный Указ об Устройстве трех миров. Вот где пересекаются эти два великих творения Ойунского!

Поскольку якутская символика еще никем не разработана, обратимся к мировому символяриуму — на основании существования культурных универсалий. Общеизвестна символика Венеры как женского начала и любви, но в Китае это наоборот мужское начало, цвет белый и означает смерть, связан с металлом. Особое внимание уделяли этой планете майя на Юкатане. Расчету ее пути как вечерней и утренней звезды отведено значительное место в рукописи «Дрезденский кодекс». Считалось, что пять лет Венеры с 2920 днями соответствуют восьми солнечным годам; в течение этого времени планета появлялась пять раз как утренняя звезда, что персонифицировалось пятью различными богами. При этом первое появление Венеры в качестве утренней звезды было знаком несчастья, так как звезда копьями стреляла в различные живые существа. Астрономы вычислили период оборота Венеры и его совпадения с другими циклами календаря майя (в солнечном и гадательном календарях); выяснилось, что совпадение этих циклов происходило раз в 104 года. [<http://www.symbolarium.ru/index.php>] (Дата обращения 18.11.2018).

Приходим к выводу, что в ментальном бессознательном саха сидит мысль о том, что Человеку запрещено роптать на Природу, что за подобные поступки Природа наказывает Человека и напускает на него не только мор, но и зло и раздор между людьми. Тот народ живет в благополучии, который принимает природные явления как должное и умеет при любой ситуации выживать, благоденствовать и благодарить Природе. Также в тексте проглядывает мысль о том, что Холод не есть причина несчастий, а сам Человек является причиной своих бед. Образ Улуу Кудангса служит печальным примером этого.

Сжатая до основных признаков содержания история, связанная с концептом Холод у народа саха — это истина мифологии о народном знании про связь прихода большого холода с оборотом планеты Венеры/Чолбон. Здесь нам приходится только удивляться и внутренне гордиться знаниями народной мудрости саха, не уступающими древней цивилизации майя. Современные ассоциации, навеваемые концептом Холод, больше всего связаны с экзотической характеристикой якутского края - полюс Холода, температура минус 72 градуса и т.п., или же с угрозой потепления климата. Последнее вызывает у северного человека тревогу по поводу того, что при таянии подпочвенных льдов наш край останется без земли. Ментально у нас у всех сидит мысль о спасительности ледяной тверди под ногами. Оценки, даваемые с

использованием концепта Холод нам хочется привязать к понятию Культура отношения к Холоду, в частности, к Вечной мерзлоте. Здесь в первую очередь в голову приходит мысль об утере этой жизненно необходимой на Севере культуры и о необходимости ее ревитализации.

Литература

1. Ойуунускай П.А. Улуу Кудангса // Талыллыбыт айымньылар. 2 том: Кэпсээннэр, сэхэннэр, пьесалар, ахтыы. 2-с ситэрил. тахс. Дьокуускай: "Бичик" нац.книгэ кыһата, 1993. - 443 с. - С. 8 - 53.
2. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. - М.: Академический проект, 2004. - С. 42-67.
3. Сырдыгынан сыдьаайар Сыланмыт / "Чурапчы улууһа (оройуона) муницип. тэриллии, Сыланг нэһилиэгэ муницип. тэриллии; [хомуйан онгордо К.Г. Макарова]. - Дьокуускай: Компания "Дани Алмас", 2012. - 728 с.

ОБРАЗ ХОЛОДА В ЛИРИКЕ В.М. НОВИКОВА-КУННУК УУРАСТЫРОВА

THE IMAGE OF COLD IN THE LYRICS OF V.M. NOVIKOV- KUNNUK UURASTYROV

Авторы: Осипов Артем Семенович, Попова Матрена Петровна

Аннотация: *Природа - одна из вечных тем в текстах. Мы находим художественное описание уникальной красоты родной природы в поэзии. Например, в якутской поэзии пейзажная лирика глубоко национальна. Поэты стремятся к гуманизированным, вдохновенным образам природы, что, несомненно, происходит под влиянием традиций и эстетики якутского фольклора. Имя народного поэта Якутии В.М. Новиков-Куннук Уурастыров считается мастером пейзажной лирики. Его образы весны, расцвета Природы-Матери, связанные с пробуждением угнетенного народа, победой новой советской власти над царской властью, стали широко известны в конце 1920-х годов.*

Ключевые слова: пейзажная лирика, изображение холода, зимняя природа, символическое изображение

Annotation: *Nature is one of the eternal topics in the lyrics. We find an artistic description of the unique beauty of the native nature in poetry. For example, in Yakutian poetry, the landscape lyrics is deeply national. Poets aspire to the humanized, inspired images of nature, which undoubtedly occurs under the influence of traditions and aesthetics of Yakutian folklore. The name of the national poet of Yakutia V.M. Novikov-Kunnuk Uurastyrov is considered to be a master of the landscape lyrics. His images of spring, flowering of the Nature- Mother the related to the awakening of the oppressed people, the victory of the new Soviet power over the tsarist power, became widely known in the late 1920s.*

Keywords: *landscape lyrics, cold image, winter nature, symbolic image*

Цель исследования. В данной работе предпринята попытка исследования образа холода в пейзажной лирике народного поэта Якутии В.М. Новикова-Куннук Уурастырова.

Методы исследования. В ходе исследования поставленных задач применяются методы эмпирического (наблюдение) и методы теоретического (сравнительно-исторический, теоретический анализы) исследований.

Описание исследования. Природа – одна из вечных тем лирики. В творчестве каждого поэта мы встречаем художественное описание неповторимой красоты родной природы. В якутской поэзии пейзажная лирика – глубоко национальна. Поэты стремятся к очеловеченному, одухотворенному изображению природы, что, несомненно, происходит под влиянием традиций, эстетики якутского фольклора.

Имя народного поэта Якутии В.М. Новикова-Куннук Уурастырова – мастера пейзажной лирики, где образ весны, цветения матушки-природы – олицетворяют пробуждение угнетенного народа, победы новой советской власти над царской державой, стало широко известным в конце 1920-х годов XX века. В литературном кругу поэта окрестили как певца пробужденного края, где образы солнца, цветения деревьев, кукушки вырастают в символы счастливой новой

жизни.

В данной работе мы предприняли попытку исследовать менее изученную сторону пейзажной лирики поэта – это стихотворения, где представлены образы холода, зимы и снега. По нашему мнению, Владимир Михайлович Новиков, будучи певцом Северного края, в своих поэтических произведениях должен был описать и его суровые климатические особенности, а именно холод, зимнюю природу. В ходе исследования нами было замечено, что в поэтическом наследии поэта холод, зимняя природа не всегда представлены отдельными произведениями, они как особенные образы “внесены” в различных текстах, темы которых не всегда связаны с пейзажем.

Тему исследования мы раскрыли с помощью распределения стихотворений на три равноценные группы:

- Группа стихотворений о холоде, зимний пейзаж: “Этингнээх хаар”-“Гром и снег” (1935), “Сага хаар” – “Новый снег”(1935).

- Группа стихотворений, написанные на другие темы: “Чуорунай муораба” - “На Черной море” (1933), “Хоту сир уола” – “Сын Северного края” (1963), “П.А.Ойуунускайга” – “П.А. Ойунскому” (1935) “Долгунча” – “Долгунча” (1948).

- Группа переведенных В.М. Новиковым стихотворений: “Кыһынгы күн” – “Зимнее утро” (1936) и “Кыһынгы суол” – “Зимняя дорога” (1936) А.С. Пушкина.

Результаты исследования. Мы еще раз убедились, что талантливый поэт В.М. Новиков-Куннук Уурастыров будучи мастером пейзажной лирики, больше уделял внимание описанию красоты цветущей весны. Стихотворений, посвященных зимнему пейзажу, очень мало. Но образы зимы, холода и снега как особые явления Северного края, “внесены” и в поэтических произведениях с другим тематическим содержанием. В них автор восхваляет свой родной Северный край, где холод является мериллом отваги и мужества людей, где снег символ бескрайних простор родной стороны. В переведенных стихотворениях А. Пушкина В.Новиков максимально передал образ русской зимы, тем самым обогатил образность якутской пейзажной лирики.

ЯЗЫКОВАЯ ВЕРБАЛИЗАЦИЯ АРКТИЧЕСКОГО ЭКОПРОСТРАНСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ЭВЕНСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА)

LANGUAGE VERBALIZATION OF ARCTIC ECO-SPACE (ON THE MATERIAL OF EVENIAN ART DISCOURSE)

Авторы: Шарина Сардана Ивановна

Аннотация: В этом современном мире неуклонно растет внимание и интерес к Арктике. Новая концепция развития Арктики и приарктических территорий, продиктованная их уникальным природно-экологическим и стратегическим положением, сегодня становится приоритетным направлением развития страны. Чтобы определить стратегию социально-экономического развития этого региона, крайне важно провести детальное изучение этого сектора, в том числе комплексное изучение языков и культур народов, населяющих Арктику, как составляющих культурного ландшафта Севера. , Изучение основных понятий Севера как арктического экокосмоса на примере языков народов Арктики также актуально в связи с тем, что сегодня проблемы экологии Арктики становятся частью коммуникативной деятельности общества и создают независимое дискурсивное пространство. Концепции экопространства NATURE, ARCTIC, PEOPLE и их компонентов: ХОЛОД, ПОГОДА, ОЛЕНЬ, ОХОТА, РЫБАЛКА представлены в материалах художественного дискурса на языке эвенов. Языковая вербализация арктического экокосмоса в мировоззрении эвенов на материале художественных текстов раскрывает национально-культурную специфику образа Арктики как дома, пространства, дающего возможность жить, заниматься оленеводством, охота, рыбалка. Дома каждый обычно присматривает, убирает, заботится о безопасности всего, что здесь растет и живет. Такое отношение к окружающей среде, животным, человеку присуще национальному мировоззрению.

Ключевые слова: Арктика, экопространство, эвенский язык, художественный дискурс, этническая культура, концепт

Annotation: *In this modern world a steadfast attention and interest in the Arctic is steadily growing. The new concept for the Arctic development and subarctic territories, dictated by their unique natural-ecological and strategic position, is today becoming a priority direction in the development of the country. To determine the strategy of socio-economic development of this region, it is extremely important to conduct a detailed study of this sector, including a comprehensive study of the languages and cultures of the peoples inhabiting the Arctic as components of the cultural landscape of the North. The study of the basic concepts of the North as the Arctic ecospace on the example of the languages of the Arctic peoples is also relevant due to the fact that today the problems of the Arctic ecology are becoming part of the communicative activities of the society and create an independent discursive space. The concepts of eco-space NATURE, ARCTIC, PEOPLE and their components: COLD, WEATHER, DEER, HUNTING, FISHING are represented in the materials of artistic discourse in the Even language. The language verbalization of the Arctic ecospace in the worldview of the Even people on the material of artistic texts reveals the national-cultural specificity of the image of the Arctic as a home, a space that gives the opportunity to live, engage in reindeer herding, hunting, fishing. At home, it is common for everyone to look after, clean, care for the safety of everything that grows and lives here. Such an attitude to the environment, animals, man is inherent in the national worldview.*

Keywords: *Arctic, eco-space, Even language, artistic discourse, ethnic culture, concept.*

Целью исследования является выявление специфики вербализации языкового представления арктического экопространства в эвенском художественном дискурсе. Работа осуществляется на теоретической и методологической базе сложившихся в мировой и отечественной филологии научных взглядов и подходов когнитивной лингвистики, где принято структурирование в виде концептуальной системы. При описании и моделировании содержания исследуемых концептов используется комплексный подход, который позволит максимально полно и детально исследовать языковые средства объективации анализируемого концепта и выявить основные элементы его структуры. Работа строится на материале художественного дискурса на эвенском языках.

Коренные народы Севера, в глубокой древности освоившие высокие широты планеты и создавшие специфические системы жизнеобеспечения, представляют собой самобытную арктическую цивилизацию. Они донесли до настоящего времени уникальные языки и культуры, сохраняя и передавая новым поколениям непревзойденные навыки природопользования, оленеводство и промыслы, показывая тем самым уникальный пример успешной адаптации в экстремально суровых природно-климатических условиях Арктики, жизнестойкости человека.

Выявление специфики вербализации языкового представления арктического экопространства в эвенском художественном дискурсе требует выработки категориального аппарата, закрепления статусов основных концептов, используемых в современном художественном дискурсе. В произведениях эвенских поэтов и писателей Н.С. Тарабукина, А.А. Черканова, П.А. Степанова-Ламутского, В.Д. Лебедева, А.В. Кривошапкина, В.С. Кейметинова-Баргачана, Е.Н. Боковой, В.Г. Белолубской-Арчук, К.А. Ханькана, М.Н. Амамич раскрываются вопросы взаимодействия человека Арктики с окружающей средой и её влияние на сознание и поведение человека. Самобытное, ярко национальное творчество эвенских поэтов и прозаиков органически связано с устным народным творчеством эвенов, с традиционной культурой и верованиями. Литературным текстам присущи фольклорные мотивы, традиционные изобразительные средства. Из источника народной мудрости черпаются знаки, формы,

этнические символы, и, обогащаясь и обновляясь, становятся неповторимыми образами, передающими национально-культурные особенности концептосферы эвенского народа. В современной эвенской литературе можно выделить самостоятельное дискурсивное пространство, в центре внимания которого оказываются вопросы выживаемости и адаптации народов, населяющих территорию Арктики в суровых условиях Севера, диктуемых влиянием изменения климата, экономическими и политическими процессами.

В материалах художественного дискурса на эвенском языке репрезентируются концепты экопространства ПРИРОДА, АРКТИКА, ЧЕЛОВЕК и их составляющие: ХОЛОД, ПОГОДА, ОЛЕНЬ, ОХОТА, РЫБОЛОВСТВО. В результате анализа материалов художественного дискурса на эвенском языке репрезентируются макроконцепты ПРИРОДА, АРКТИКА, ЧЕЛОВЕК и их составляющие ХОЛОД, ТУНДРА, ПОГОДА, ЛАНДШАФТ, ОЛЕНЬ, ОХОТА, РЫБОЛОВСТВО. Языковая вербализация арктического экопространства в мировидении эвенского народа на материале художественных текстов обнаруживает национально-культурную специфику образа Арктики как родного дома, пространства, дающего возможность жить, заниматься оленеводством, охотиться, рыбачить. В родном доме принято за всем присматривать, убирать, заботиться о сохранности всего, что здесь произрастает и живет. Здесь не прощаются разрушение и зверское истребление его обитателей. Такое отношение к окружающей природе, животным, человеку присуще национальному мировоззрению. Арктическое экопространство в эвенском художественном дискурсе предстает в образах, к которым следует обращаться с уважением и достоинством, к ним можно обращаться за помощью в трудную ситуацию. Взаимоотношения с окружающим миром в традиционной культуре облекается в определенные правила поведения человека, законы выживания – *ИТЭЛ*.

Полученные выводы о развитии мыслеобразов, связанных с концептами экопространства в эвенских художественных произведениях не только подтверждают соответствие национальному мировоззрению и традиционной культуре эвенов, но и характеризуются высокой значимостью человека, его ответственностью в сохранении арктического экопространства и комфортной среды жизнедеятельности, диктуемых влиянием изменения климата, экономическими и политическими процессами.

Литература

1. Иванова Е.В. Цели. Задачи и проблемы эколлингвистики // Прагматический аспект коммуникативной лингвистики и стилистики. Сборник научных трудов. – Челябинск: Образование, 2007. – С. 41-47.
2. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Сборник научных трудов. – Волгоград: Перемена, 2000. –С. 5-20.
- 3 Sharina S.I., Kuzmina R.P. Even language as a basis of ethnocultural development of the people // Language and Education, United Kingdom: Taylor & Francis, 2018, Issue 6 (2), Volume 32. P. 719-728.

INTERDISCIPLINARY ISSUE OF THE COLD WORLD

Авторы: *Заморщикова Людмила Софроновна*

Objectives The relevance of the research is that today the cryosphere is perceived as an active element of the universe, as a resource, a source of opportunities for mankind, but not as a source of a threat. In this regard, experts of various fields of knowledge are increasingly interested in a research of the cold world, because cold constitutes a specific habitat which makes an impact on all spheres of human life.

A complex research of the city located in the permafrost zone is of specific scientific interest because it could help to solve not only some fundamental problems of the city life sustenance in extreme conditions, but also a wide range of humanitarian problems connected with conceptualization, habituation, cultural experience of life in "permafrost zone".

The urban space of northern territories as an innovative resource of development of a region is quite relevant to the strategy of sustainable development of Northern and Arctic territories of Russia. A continuous dialogue between fundamental and social sciences, between humanities and natural sciences is necessary for the region with such a fragile sociocultural and ecological system.

This project is an attempt of a comprehensive representation of problems connected with the interaction of cultures and domains in the Arctic, conceptualization of geocultural reality in terms of various discourses, different cross-sections of a cultural landscape – from sacral to pragmatic. The project has a local and global perspective and it might be considered as a theoretical and methodological basis for cultural and geographic studies of a specific territory or region as well as a step to creating the Arctic doctrine of the Russian Federation.

Methods. The underlying theoretical and methodological basis for the project is an interdisciplinary system of knowledge and ideas about the world of cold - cryosophy. The growth of anthropogenic pressures on the natural landscape identified the priority tasks of protecting fragile northern nature. In order to reveal the dialectic of the relationship between nature and man, it is necessary to use both approaches together, perceiving these interactions as a single complex process. The starting point of the humanitarian aspects of cryosophy can be considered the fact that various manifestations of the cold world form a specific habitat that affects almost all spheres of human life (physiology, psychology, behavioral strategies, economic activity, culture, etc.).

Results This project is an attempt at a holistic representation of the problems.

interaction of cultures and spaces of the Arctic, understanding of geo-cultural reality in the light of various discourses, different sections of the cultural landscape - from the sacred to the pragmatic. The project has a local and global perspective: it can be considered as a theoretical and methodological basis for cultural and geographical research of a specific territory and region, as well as one of the steps in creating the Arctic doctrine of the Russian Federation.

In addition, a comprehensive understanding of the unique experience of adapting a steppe horse-breeding culture in extreme conditions of a cryolithozone and the formation of a sustainable life-support model can be applied in the global Arctic.

Conclusions. Based on understanding cold as a resource and potential of creativity and co-creation

will be developed a special model of cryosophy of Yakutsk: the natural landscape as part of the urban fabric should be more actively used in the strategies of adaptation and transformation of the "sustainable" landscape (landscape-park areas, winter parks, etc.).

ХОЛОД В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА СААМСКОГО НАРОДА

COLD IN THE SAAMI LANGUAGE WORLD VIEW

Авторы: *Иванищева Ольга Николаевна*

Annotation: *The article describes the concept "Cold" in the Kildin Saami language. We assume that there is a specific anthropocentric level of such an endangered Finno-Ugric language as the Kildin Saami. We show the importance of the prelogical concepts associated with primordial ideas about a human as a part of nature expressed in the Saami languages and culture. It is shown that the separation of meaning and presentation in a single word is directly related to the importance of the object, feature or action for the practical activity in the Kildin Sami language. It is important to uncover the differentiating semantic attributes that are related to the specificities of the ethnic group's living activities. These tasks are achieved through a componential and culturological analysis of the words contained in a given lexical set. The key word in the group "cold" correlates in the mind of the Saami language speaker with coolness and freshness. Snow is often associated with a light and fluffy atmospheric phenomenon. The paper also analyzes the folklore and literary material on this topic: it presents the main motifs and images connected with the cold in the minds of the Sami people. Cold and warm in the Saami literature - both friends and enemies. Whiteness is an essential attribute of cold and frost, which are perceived as a sign of a native home - eternal and cozy.*

Keywords: *language world view; cold; the Kildin Saami language*

1. **Цель исследования** – определить специфику восприятия понятия «холод» в кильдинском саамском языке.

Саамский язык принадлежит финно-угорской ветви уральской семьи языков. Саамы России (кольские саамы) в основном проживают на территории Кольского полуострова, где находится административное образование Мурманская область. Специфика онтологического подхода к исследованию лексической системы исчезающего языка состоит в учете именно специфики видения мира северного этноса. Эта специфика связана со своеобразным типом хозяйства саамов, в том числе с сезонными кочевками, зависящими от природных и климатических условий Европейского Севера.

2. **Методы исследования**

В основу исследования положена гипотеза об особой степени антропоцентричности такого исчезающего финно-угорского языка, как саамский, и его большей связи с дологическим мышлением, что обусловлено исконным представлением человека как части природы у носителей саамского языка. Специфика понятия «Холод» в языке коренного малочисленного народа Севера состоит в особом отношении данного этноса к окружающему миру. В работе проводится также анализ фольклорного и литературного материала по данной теме: представлены основные мотивы и образы, связанные в сознании саамского народа с холодом.

3. **Описание исследования**

3.1. Тематическая группа «холод» в кильдинском саамском языке

В кильдинском саамском языке тематическая группа, связанная с понятием «холод», содержит обозначения снега, мороза, льда, заморозка, иней, пороши, метели, вьюги, сугроба, мерзлоты, наста, изморози, холода, стужи, града. Эта лексика распределяется в подгруппы, которые выявляют значимость того или иного природного явления в жизни данного этноса.

Ключевое в тематической группе слово «холод» соотносится в сознании носителя саамского языка с прохладой и свежестью. Разновидности атмосферных осадков, связанных с холодным (зимним) временем года, представлены лексемами снег и лексемами, обозначающими типы снега и его интенсивность (пороша, наст, лёд, метель, вьюга, буран, иней, изморозь, град). Такого разнообразия обозначений разновидностей снега, которые представлены в эвенкийском, например, языке, в кильдинском саамском языке не отмечено. Снег часто ассоциируется с легким и пушистым атмосферным явлением, с пургой и метелью, что отражается в толковании значения слова. Сопоставление обозначения явлений в научной и наивной (языковой) картине мира кильдинского саамского языка дает новый материал для выявления специфики последней. Анализ языковых фактов показывает соединение разных атмосферных явлений под одним названием. Понятие мерзлота, мёрзлый является существенным для жизни северного этноса Кольского полуострова. Примечательно, что названия месяцев в кильдинском саамском языке связаны по происхождению, в основном, с названиями зимних атмосферных явлений, жизнедеятельностью оленей и временами года.

3.3. Мотив дружбы-сотрудничества холода и тепла в саамских сказках

Дружба Воафсхэсс (Северного сияния) и Соайв пик (Южного ветра) представлена и в сказке «Невеста». Соайв пик (Южный ветер) помогает донести думы Воафсхэсс (Северному сиянию) красивой девушки – невесты Воафсхэсс [2, с. 40-41].

Саам связан и с Северным Сиянием (холодом), и с Солнцем (теплом). Если у Северного Сияния саамская девушка – невеста, то у Солнца она – дочь (см. сказку «Дочь Солнца» [1, с. 102-106]).

3.4. «Холод» в саамской литературе

Говоря об образах в саамской литературе, необходимо отметить в первую очередь их позитивное восприятие окружающего внешнего мира. Холод и мороз воспринимается как друг человека. Самые распространенные образы, связанные с понятием «холод» в художественном мире представителей саамского народа, – это сугробы снежные и белый цвет. Даже полярная ночь, когда солнце не встает над горизонтом, у саамов-поэтов белая.

4. Результаты исследования

«Холод» в языковой картине мира саамского народа предстает, как мы видим, как естественное состояние человека в этом суровом северном краю. Он и прохладный (слабый) и жгучий (сильный, как мороз). Он ассоциируется со снегом, который выступает в разных ипостасях (иней, наст, пурга, вьюга, буран). Ключевое в тематической группе слово «холод» соотносится в сознании носителя саамского языка с прохладой и свежестью. Такого разнообразия обозначений разновидностей снега, которые представлены в эвенкийском, например, языке, в кильдинском саамском языке не отмечено. Снег часто ассоциируется с легким и пушистым атмосферным явлением, с пургой и метелью, что отражается в толковании значения слова. Сопоставление обозначения явлений в научной и наивной (языковой) картине мира кильдинского саамского языка дает новый материал для выявления специфики последней. Анализ языковых фактов показывает соединение разных атмосферных явлений под одним названием.

Холод и тепло в художественном мире саамов – и друзья, и враги. Белизна - неотъемлемый атрибут холода и мороза, которые воспринимаются как признак дома родного – извечного и уютного.

Литература

1. Семилетний стрелок из лука. Саамские сказки. Обработка Е. Пация. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1990. 109 с.
2. Якимович С.Е. Саамские сказки/ Пеййв кэннял. М.: ООО «Медхимплюс», 2015. 99 с.

ЮКАГИРСКИЕ ПОТАМОНИМЫ, СВЯЗАННЫЕ С КОНЦЕПТОМ «ХОЛОД»: ЯЗЫКОВАЯ И ФОЛЬКЛОРНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

THE YUKAGHIR POTAMONYMS RELATED WITH THE CONCEPT OF "COLD": LINGUISTIC AND FOLKLORE REPRESENTATION

Авторы: Прокопьева Прасковья Егоровна

Annotation: *The article deals with the semantics of the potamonym Yarkhadan ("Ice River") and Chaakhadan ("Frozen River"), which are belong to the language of Forest Yukaghirs. For both words, the second root is formant -an 'river'. It is shown that Yarkhadan is based on the root Yarkhe 'ice', the meaning of the word Chaakhadan is reliably found out in comparison with the data from the language of the Tundra Yukaghirs, indicating the concept of 'frozen'. In the structure of the first roots of both potamonyms, the suffix -kha/-khe is found, which indicates the presence in the words of ancient roots that have merged with this suffix. A preliminary study of the etymology of these words indicates a variety of associations related with the concept of "cold". The folklore representation of the Yarkhadan River is analyzed. It is remarkable that the "icy" name of the Yarkhadan river, due to its natural features, was the base for creating romantic legends and lyrical love songs. Initially, the theme of tragic and unhappy love appears. Because of the semantics of the name and the love dramas, two types of the image of Yarkhadana are formed in folklore. On the one hand, this is a girl who is unable to love, on the other hand - a strong personality who overcomes difficulties and hardships.*

Keywords: *the language of the Forest Yukaghirs, the Yukaghir potamonyms, cold, ice, permafrost, folklore image.*

В данной статье анализируются с точки зрения языковой семантики и фольклорной интерпретации юкагирские потамонимы, связанные с концептом «холод».

Известными потамонимами в языке лесных, верхнеколымских, юкагиров, являются названия рек Ярхадана (*Йархадан* 'Ледяная река') и Чахадан (*Чаахадан* 'Мерзлая река'). Обе реки находятся на верхней Колыме, первая из них протекает в верховьях реки Коркодон, вторая, приток Колымы, называется сейчас Ясачная.

В лексеме «Ярхадана» вычленяются корень *йархэ/йарха* 'лед', соединительный согласный -д- и второй корень -ан (-он ~ -эн ~ -ун и др.) 'река'. О реке Ярхадана юкагиры сообщают, что это горная бурливая речка, где и летом лежат, не тая, глыбы льда.

Что касается семантики потамонима - *Чаахадан*, где -д- - также соединительный согласный, а второй корень -ан обозначает 'река', то в современном языке лесных юкагиров корень *чааха* встречается только в одном слове *чаахэ* 'строганина'. Однако многочисленные данные языка тундровых, нижнеколымских, юкагиров дают основание полагать, что корень искони связан со значением «мерзлый»: *чаахань*- 'быть мерзлым', *чаахантэги*- 'быть сильно мерзлым', *чаахар*- 'замерзнуть; покрыться льдом' и др.

В структуре обоих потамонимов, в формантах *йархэ* и *чааха*, обнаруживается суффикс -ха/-хэ, то есть оба корня образованы по одной схеме. Указанный аффикс аналогичен аффиксу из

языка тундровых юкагиров *-ха/-ҕа*, который, как считает Г.Н. Курилова, входит в состав слов, производящая основа которых принадлежит к корням с качественным значением. Относительно корней *йархэ* и *чааха* определенно можно говорить о слиянии морфем, иначе – опрощении.

Установление достоверной этимологии слов *йархэ* и *чааха* требует специального исследования. Возможно, элемент *йар-* (?) генетически связан со словами тундровых юкагиров *йуорпурэ* 'тундра', *йуослааҕар* 'северная сторона', которые, по предположению Г.Н. Курилова, восходят к *йоссо* 'мерзлота'. По поводу корня *чааха* полагаем, что элемент *чаа* может иметь отношение к большой группе слов из языка лесных юкагиров с начальным *чиэ*, которых объединяет понятие 'холод': *чиэдьэ* 'зима', *чиэдьэт-* 'простыть', *чиэдьэш-* 'остудить', *чиэлкиэ-* 'холодать; холодеть' и др.

Примечательно, что Ярхадана – это не только название реки, но и героиня фольклорных легенд и песен о любви, обычно несчастной. Всего у лесных юкагиров записаны три легенды и несколько вариантов песен о Ярхадане, которые, на первый взгляд, разнятся по тематике и сюжету.

Согласно одной из легенд, в ледяную воду превратились слезы девушки, которая не дождалась с охоты своего любимого, сама же девушка от горя стала камнем. Вторая легенда повествует о реке Коркодон, страдающей от безответной любви к Солнцу, и ее двух дочках Ярхаданах. Влюбленные в ледяные речки Ярхаданы парни-сопки, не выдержав их равнодушия к ним, окаменели и покрылись льдом. В третьей легенде говорится о бесстрашной девушке Ярхадане, которая вместе с юкагирским парнем сражалась с врагом. После они поженились, и от них пошли юкагиры рек Ясачной и Коркодон.

Что касается песенной лирики, то к ней относятся песни о несчастной любви к девушке Ярхадане, о любимой девушке с этим именем, песня-воспоминание о давних годах и ушедших людях, где упоминается река Ярхадана.

Безусловно то, что природная особенность реки Ярхаданы послужила причиной создания в устнопоэтическом творчестве юкагиров драматического образа девушки. В дальнейшем на фоне семантики имени и любовной трагедии в фольклоре развивается мысль о неприступности и холодности обладательницы этого «говорящего» имени.

Образ храброй девушки Ярхаданы из легенды о происхождении ясачнинских и коркодонских юкагиров также имеет отношение к ее имени. Ее отец, потеряв жену при родах, назвал свою дочь Ярхадана. То есть наречение дочери этим именем связывается с горестными и тяжелыми мыслями. Однако в сюжете появляется новая интерпретация образа Ярхаданы: теперь это не «ледяная» девушка, не способная любить, а та, что преодолевает трудности и невзгоды.

Таким образом, юкагирские потамонимы *Йархадан* и *Чаахадан* отражают отличительные признаки холодных рек. Этимология данных слов ассоциирована с концептом «холод». Уникальной ситуацией в фольклоре стал тот факт, что «ледяное» имя реки Ярхадана послужило мотивом для создания романтических легенд и лирических песен о любви.

Литература

Курилов Г.Н. Лексикология современного юкагирского языка: (Развитие лексики и роль в нем якутского языка). – Новосибирск: Наука, 2003. – 288 с.

Курилов Г.Н. Этимология существительных *йуорпурэ* 'тундра' и *йуослааҕар* 'северная сторона' тундренного диалекта юкагирского языка. Филологические науки. Вопросы теории и практики. - №8 (62): в 2-х ч. Ч. 2. – Тамбов: Грамота, 2016. – С. 103-105.

Прокопьева П.Е. Словарь языка лесных юкагиров (тезаурусного типа). Буквы У-Э. – Якутск, 2013. – 277 с. – Архив ИГиИПМНС СО РАН.

КОНЦЕПТ «ХОЛОД» В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ ЭВЕНОВ

CONCEPT "COLD" IN EVENING LINGUOCULTURE

Авторы: Кузьмина Раиса Петровна

Annotation: *The article describes the characteristics of the national-cultural specificity of the "Cold" concept based on the material of folklore and artistic discourses. Gestalts that arise in the consciousness of an ethnos in the study of this concept are highlighted. The semantics of lexical units that make up the concept of "Cold" reveals associations of native speakers.*

Keywords: *Evens; concept; linguistic culturology; paremiology, artistic discourse.*

В современном языкознании исследование языка в русле современной антропологической парадигмы позволяет исследовать слово не только как факт языка, но и как феномен национальной культуры, так как каждому народу присуще свое восприятие окружающего мира.

Целью работы является анализ концепта «Холод» в лингвокультуре эвенков, в рамках которого предполагается решение следующих задач: описать, определить и охарактеризовать национально-культурную специфику исследуемого концепта на материале фольклорного и художественного дискурсов.

Территория проживания эвенковского этноса – это край вечной мерзлоты, полюса холода, где была отмечена самая низкая температура воздуха на земле (70 градусов мороза), где Зима господствует большую часть года. Все эти обстоятельства определили духовную и материальную культуру, тип хозяйствования и мировоззрение этноса.

Отличительным признаком зимы в лингвокультуре эвенков является холод, мороз, репрезентирующийся в говорах эвенковского языка следующими лексическими единицами: *иңэнь* `холод, мороз; холодный, морозный; холодно, морозно`; *иңэньси* `холодный, морозный; холод, стужа, заморозки, мороз`; *хялта* `мороз; морозный`; *иңэкчэ* Ол, Алл, Б, П, Ск, Т, *иңигйэ~иңэкйэ*, *иңөкчэ* Лам, Ск, *иңкил`е*, *н`иңэмсэ* Арм `мерзлый, мороженный, ледяной`; *иңэмчэ* `мерзлый, мороженный, ледяной` [8].

В художественном дискурсе для описания холода наиболее используемым эпитетом является *зимний холод* `тугэрэп иңэнь`, *зимний сон* `тугэрэп толкан`, *хялта эдэн* `холодный ветер`. В репрезентации холода в эвенковском языке наиболее частотными являются гештальты *толкан* 'сон', *хйгран* 'тишина', *нэлкэнив алачин* «ожидание весны», *нāбучин* `печаль`:

Тугэниңкэнтэ дагамран,	Зима приближается.
Хекитаңкарты набучилра.	Деревца опечалились.
Мут-тэ бээкэр мэргэчилрэп.	И мы, люди, стали невеселы:
Хелтаңкэнтэ хелталран... [9, с. 24]	холода начинаются... [6, с. 22].
Тугэни эмчэлэн	Пришла зима

хялтанни,

похолодало,

Дэгикэн нод икэн хивкэнни... [2, с. 23]. Затихли красивые песни птиц ...[Перевод автора].

Хигиндя дуламач хуклэддэн... [Барг, с. 23]. И спит тайга тихим сном...[Перевод автора].

В фольклорном и художественном дискурсах эвенов образ *холода* характеризуется и анализируется через чувственное, образное, зрительное, звуковое восприятие:

Тулэски нёвэнилрэкэт, этыкэр гургаткартан бөкунэлрэ. Кориткарты хапканалра. Нимкамикарты тыюндэрэкэт, кисаргакан киңимачилра. Хиракарты хираракат, хэбгэлрэн, танмариканчин нэнэдьдөттэн. «Когда мы выходим на улицу, то у стариков борода покрываются льдом. Уши щиплет. Наши посохи, когда мы ими отталкиваемся, скрипят и звенят. Наше дыхание, когда мы делаем выдох, клубится и стелется, как туман» [9, с.25; 6, с.22].

В художественном дискурсе *холод, мороз* наделяются антропоморфными чертами:

Тугэнирэп хялтаду туркилкан оралди нулгэдек, он-да экич гөн, хо ургэ нян хилга. Эррочин хялтаду дёл-да кабамгаран, хякита нян калтамгаран. Бэю нэлэм эрэли хапкаңчин. `В зимнюю стужу, когда все намертво схвачено трескучим морозом, когда даже камни не выдерживают и лопаются, кочевка на оленьих упряжках – дело не из простых. Опасность поджидает путника везде` [4, с.71; 5, с. 57].

Хялта эдэн хиврандукун

От дыхания холодного ветра

Окатла бөкэс кингэлрэн...[3, с. 115].

Звенит на реке лед...[Перевод автора].

Нередко в фольклорных материалах эвенов *мороз, холод* олицетворяются со всемогущим богатырем наделяются антропоморфными чертами, выделяющими анимистическое мировоззрение эвенов, одушевление всех явлений природы. В некоторых загадках используются суффиксы *гачин/-гичин, -гчин* для сравнения снега с чем-либо: *Нёбати багатиран бисни. Ноңан хиралкан-нюн нэлукэттэн (хялта).* `Белый богатырь живет. Его дыхание пугает (мороз)` [1, с. 115].

В фольклоре эвенов зафиксировано большое количество `*хам*` примет, показывающих приближение зимы, надвигающегося трескучего мороза, холода, длительной пурги, вьюги, метели, бурана. В зафиксированных у ламунхинских эвенов паремиологических материалах встречается довольно много примет, где предвестниками плохой погоды являются не только домашние животные, но и весь окружающий животный мир:

Оһикат һуромторокон (тикэтнэрэкэн) – иңэйһиду. `Когда звезды часто падают –к холодам` [7]; *Өлики боло һэргинук өгилэ (суһугураникан) игэлкэнэт ойчиракон, төрэнтэкэн – иңэйэлдэй гөңнэр.* `Если осенью белка снизу с шумом поднимается – к холодам говорят` [7].

Таким образом, образ *холода*, представленный в паремиологических материалах и художественном дискурсе наглядно характеризуют восприятие окружающей природы, специфику этнического мировосприятия эвенов.

Список литературы

1. Бурыкин А. А. Малые жанры эвенского фольклора. СПб: «Петербургское востоковедение», 2001. 288 с.
2. Кейметинов В. С. Дёнтуралби анирам: дёнтурал. Якутск: Бичик, 2013. 64 с.
3. Кривошапкин А. В. Песни Севера. Стихи. Якутск: Бичик, 1995. 256 с.
4. Кривошапкин А. В. Тормита буюсэмнэ. Якутск: Бичик, 2018. 208 с.
5. Кривошапкин А. В. Охотник Тормита. Якутск: Бичик, 2007. 157 с.
6. Петрова С. М. Эвенская литература в школах Республики Саха (Якутии): Учеб. хрестоматия. СПб: Просвещение, 1994. 175 с
7. Полевой материал автора Кузьминой Р.П. Интервью в местн. Эдыбал Республики Саха (Якутия): записано 14 сентября 2005 г.
8. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л.: Наука, 1975. Т. 1. А-Н; 1977. Т. 2. О-Э.
9. Тарабукин Н. С. Куңарапу: рассказы и стихи для детей. Якутск: Бичик, 2009. 64 с.

**Социальные, экологические и экономические вызовы
“холодных” городов**

**ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕПЛОЗАЩИТЫ
МНОГОЭТАЖНЫХ ЗДАНИЙ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ
СЕВЕРА**

**PROBLEM OF PROVIDING THE THERMAL PROTECTION
OF MULTI-STOREY BUILDINGS IN NORTH EXTREME
CONDITIONS**

Авторы: Корнилов Терентий Афанасьевич, Кычкин Игорь Романович

Annotation: *Now with development of construction technologies in Yakutsk buildings with the number of 12-16 floors using monolithic reinforced concrete constructions are under design. At the same time, the heat-shielding of multi-storey buildings in northern climatic zone is complicated by number of the factors connected with severe operating conditions and availability of different constructive "bridges of cold". The purpose of researches is reduction of losses of heat energy through the protecting structures of frame and monolithic buildings and ensuring their energy efficiency. For identification of basic reasons of thermal loss thermovision examinations of frame and monolithic buildings in Yakutsk are conducted. For comparative analysis heattechnical payment of nodes of designs under the certified «Shaddan 3D ST» program is executed.*

Now with development of construction technologies in Yakutsk buildings with the number of 12-16 floors using monolithic reinforced concrete constructions are under design. At the same time, the heat-shielding of multi-storey buildings in northern climatic zone is complicated by number of the factors connected with severe operating conditions and availability of different constructive "bridges of cold". The purpose of researches is reduction of losses of heat energy through the protecting structures of frame and monolithic buildings and ensuring their energy efficiency. For identification of basic reasons of thermal loss thermovision examinations of frame and monolithic buildings in Yakutsk are conducted. For comparative analysis heattechnical payment of nodes of designs under the certified «Shaddan 3D ST» program is executed.

Heat loss, characteristic of frame and monolithic buildings, through nodes of adjunction of columns and walls from concrete blocks to socle overlapping are established. The received temperature isolines reflect negative influence of the "bridge of cold": steel concrete columns of the first floor - socle reinforced concrete overlapping - grillages of pile groups. One of important factors in weather conditions of the North is the increased air infiltration. The difference of pressure of outside and internal air for 16 floor houses during the winter period can make more than 90 Pa that is 1,8 times higher than, for 9 floor houses.

Taking into account the carried-out analysis at design and construction of frame and monolithic buildings in weather conditions with especially low outside temperature it is offered to adhere to the following principles: multiple layers of socle overlapping; multigradualness of T-joint of wall barrier with socle overlapping; application of heat-insulating insert for the first rows of laying.

Examples of practical application of these principles of design for some structural components of buildings are given.

Keywords: *socle overlapping, energy efficiency, thermal protection, thermogram, resistance to heat transfer, air infiltration*

Республика Саха (Якутия) расположена на Северо-Востоке территории Российской Федерации и характеризуется экстремальными климатическими условиями для строительства зданий и сооружений. Температура холодной пятидневки по всей территории Якутии находится в диапазоне $t_n = -42 \dots -60^\circ\text{C}$. Продолжительность дней с температурой наружного воздуха $t_n = -40^\circ\text{C}$ и ниже составляет 50-60 дней в центральной части, а в арктических районах 60-80 дней. Соответственно продолжительность отопительного периода составляет зот.пер. = 239 ... 365 дней, средняя температура отопительного периода - тот.пер. = $-13.3^\circ\text{C} \dots -24.1^\circ\text{C}$. Практически вся территория республики находится в зоне с многолетнемерзлыми грунтами и строительство многоэтажных зданий ведется на свайных фундаментах с проветриваемыми подпольями. В таких климатических условиях особенно остро стоит проблема сокращения потерь тепловой энергии через ограждающие конструкции зданий и обеспечение их энергоэффективности.

Основная характеристика для определения нормируемых параметров для теплозащиты зданий - градусо-сутки отопительного периода (ГСОП)) для районов Якутии имеет значения свыше 8000 °С·сут. При таких параметрах требуемые приведенные сопротивления ограждающих конструкций зданий имеют весьма высокие значения, например, 5.1 м²·оС/Вт для стен жилых зданий в г.Якутске. С учетом условия обеспечения нормируемого значения приведенного сопротивления теплопередаче наружных ограждений практически нереально проектировать здания без применения эффективного теплоизоляционного материала. В современном строительстве наиболее распространенным является каркасное домостроение с применением монолитных железобетонных конструкций. Во многом это связано с развитием строительных технологий, возможностью возведения зданий повышенной этажности с различной архитектурной выразительностью и гибкой планировки. В качестве стеновых ограждений этих типов зданий традиционно используются бетонные блоки с наружной теплоизоляцией из минераловатных или пенополистирольных плит. Ежегодно в г. Якутске вводится в эксплуатацию около 200,0 тыс.кв.м. жилых многоэтажных зданий с железобетонным каркасом. Кроме повышения теплозащиты стен, одним из важных достоинств применения современных фасадных конструкций является смещение точки росы наружу стены и удаление влаги из теплоизоляционного слоя за счет вентиляции воздуха.

Для повышения эффективности теплозащиты зданий наиболее важным является снижение влияния теплопроводных включений. В рассматриваемом типе зданий основными мостиками холода выступают несущие железобетонные конструкции (перекрытия, колонны и т.п.) и бетонные блоки стеновой кладки. Результаты тепловизионных наблюдений зданий подтверждают, что теплотери зданий происходят через данные конструктивные элементы. Фактическая температура на внутренней поверхности ограждения в местах расположения колонн и наружных стен первого этажа зданий во многих случаях имеет весьма низкие значения и не соответствуют требованиям норм. Особенно характерными участками нарушения требований по тепловой защите зданий являются угловые участки первого этажа зданий. Для сравнительного анализа выполнены теплотехнические расчеты сертифицированной программе "Shaddan 3D ST" при температуре наружного воздуха, соответствующей значению температуры в день проведения натурных измерений. Полученные температурные изолинии наглядно отражают отрицательное влияние мостика холода: железобетонные колонны первого этажа - цокольное железобетонное перекрытие - ростверки кустов свай. Линия с нулевой температурой в зоне расположения колонны смещается во внутреннюю сторону и расположена в верхнем слое теплоизоляции.

Одним из проблемных участков в каркасно-монолитных зданиях является угол цокольного перекрытия с наружной ограждающей конструкцией. Согласно теплотехническому расчету температура на внутренней поверхности узла цокольного перекрытия с наружной стеной не отвечает нормативным требованиям и ниже значения температуры выпадения конденсата. Результаты тепловизионных съемок подтверждают низкую температуру на внутренней поверхности угловой части узла ограждающей конструкции. При наличии колонны на рассматриваемом участке цокольного перекрытия ситуация становится более неблагоприятной с точки зрения теплозащиты. В этом случае имеется дополнительный мостик холода: железобетонная колонна – ростверк кустов свай.

Таким образом, в результате тепловизионных обследований зданий и численного анализа установлены характерные для всех зданий тепловые потери через узлы примыкания колонн и стен из бетонных блоков к цокольному железобетонному перекрытию. Следует подчеркнуть, что одним из важных факторов в суровых климатических условиях Крайнего Севера является повышенная инфильтрация воздуха. Данный фактор особенно отрицательно проявляется при эксплуатации жилых каркасно-монолитных зданий повышенной этажности. Например, разница

давления наружного и внутреннего воздуха для 16-ти этажного дома в зимний период может составлять более 90 Па, что в 1,8 раз выше чем, для 9-ти этажного дома. Соответственно, отрицательное влияние любых дефектов в наружной ограждающей конструкции на теплозащиту зданий в целом усиливается в несколько раз. Кроме того, накопленный опыт строительства и эксплуатации многоэтажных зданий в Якутии показывает, что нарушение температурного режима на первом этаже многоэтажных зданий обусловлено не только наличием теплопроводных включений, но и появлением щелей из-за усадки пенополистирольных плит со временем эксплуатации

С учетом проведенного анализа при проектировании и строительстве каркасно-монолитных зданий в климатических условиях с особо низкой температурой наружного воздуха предлагается придерживаться следующих принципов:

- многослойность цокольного перекрытия;
- многоступенчатость углового соединения стенового ограждения с цокольным перекрытием;
- применение термовкладышей для первых рядов кладки.

Приведены примеры практического применения данных принципов проектирования для некоторых конструктивных элементов зданий

ГОРОДСКОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В АРКТИКЕ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

URBAN AGRICULTURE IN THE ARCTIC: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCES

Авторы: Наумов Алексей Станиславович, Паук Алексей Ярославович, Сидорова Дарья Андреевна, Юрлова Анастасия Ивановна

Аннотация: В статье представлены результаты сравнительного исследования развития городского сельского хозяйства в арктических регионах России, зарубежных стран Европы и Северной Америки. Региональный анализ позволил выявить общие и специфические проблемы расширения городского сельского хозяйства в Арктике. Перекрытие карт урбанизации Арктики и северных границ выращивания под открытым небом позволило определить наиболее перспективные районы городского сельского хозяйства на север. Авторы анализируют истории успеха в северных регионах по всему миру и намереваются ответить на вопрос, является ли городское сельское хозяйство жизнеспособным или футуристическим способом прокормить население арктических городов, приводя различные аргументы, касающиеся технического прогресса, экономической эффективности, продовольственной безопасности, экологической безопасности.

Ключевые слова: Городское сельское хозяйство, Арктика, Россия, зарубежье

Annotation: The paper represents results of comparative survey of development of urban agriculture in the Arctic regions of Russia, foreign Europe and North America. Regional analysis enabled reveal common and specific problems of expansion of urban agriculture in the Arctic. Overlapping of the maps of Arctic urbanization and northern limits of open air cropping enabled to determine the most promising areas for urban agriculture northbound. The authors analyze success stories in northern regions worldwide and intend to answer the question whether urban agriculture is a viable or futuristic way to feed population of Arctic cities, providing different arguments related to technological progress, economic efficiency, food security, environmental safety.

Keywords: Urban agriculture, Arctic, Russia, foreign countries

Целью исследования является сопоставление особенностей развития городского сельского хозяйства в арктических регионах России и зарубежных стран. На основании регионального анализа предпринята попытка выявить общие и специфические проблемы и оценить перспективы развития городского сельского хозяйства в арктических городах.

Основной исследования стало изучение статистических данных и информации о проектах сельского хозяйства, реализованных или намеченных к реализации в северных городах. Авторы использовали методы статистического и картографического анализа, а также опирались на результаты обследования различных кейсов.

Несмотря на то, что основной объём продовольствия в мире производится в пределах умеренного и тропического поясов, территория Севера и Арктики может рассматриваться как важный ресурс для сельского хозяйства. Главным фактором развития агропроизводства в этих

регионах с экстремальными природными условиями является стремление обеспечить продовольственную безопасность населения, основная часть которого сосредоточена в поселениях городского типа. Решить эту проблему только за счёт привозного продовольствия невозможно, поскольку требуется включение в рацион свежих молочных продуктов, овощей, зелени. Особенно остро проблема продовольственного снабжения северян стоит в России, где на северных территориях вне основного земледельческого ареала проживает около 10 млн человек.

Большое будущее развитию городского земледелия на Крайнем Севере предрекал в 1930-е гг. академик Н. И. Вавилов, считавший, что «под городами возникнут обширные застекленные площади теплиц и парников, пользующихся не только солнечным светом и навозом, как источником тепла, но также электричеством как для отопления, так и для удлинения периода вегетации...» [1, с. 263]. Футуристический прогноз Вавилова ныне реализуется. Наряду с тремя возникшими ранее типами северного сельского хозяйства: традиционными промыслами коренных народов, очаговым земледелием, восходящим к крестьянской колонизации, и подсобными хозяйствами горнодобывающих предприятий периода индустриального освоения в городах Крайнего Севера России внедряются инновационные агротехнологии. Они основаны на производстве в сконструированной среде с использованием отопления, искусственного освещения, гидропоники и аэропоники и предполагают высокие затраты на единицу площади, но, в то же время, высокую производительность используемой территории, а при условии автоматизации и роботизации — и высокую производительность труда.

Такие технологии в полной мере соответствуют современным представлениям о городском сельском хозяйстве, которое рассматривается как один из способов обеспечения экологической устойчивости в городах будущего. Подобный крайне специфический тип сельского хозяйства интразонален и более всего соответствует регионам с экстремальным климатом, где невозможны конвенциональные агротехнологии (как в «жарких», так и в «холодных» пустынях), а также в городах, где сельскохозяйственное землепользование имеет пространственные ограничения. В этих условиях целесообразна максимизация объёма получаемой продукции за счёт круглогодичного производства и получения нескольких урожаев в год, специализации на скороспелых и дорогостоящих сельскохозяйственных культурах, использования вертикальных и многоярусных посадок [5].

Одной из наиболее перспективных технологий городского сельского хозяйства являются так называемые вертикальные фермы. Проекты многоэтажных «фабрик растений» существовали в СССР ещё в 1950-е гг. В начале XXI в. вертикальные теплицы появились во многих странах, к 2040 г. объём глобального рынка этих технологий может составить до 2 трлн долл. [2]. Одним из главных целевых регионов для фирм, занимающихся созданием вертикальных теплиц, считается «taiga»; под этим названием подразумевают и Арктику [3].

Всё более широкому распространению технологий городского сельского хозяйства способствуют новейшие разработки в области биотехнологии, конструкционных материалов, высокоэффективных источников тепла и света, оборотного водоснабжения, альтернативной энергетики. При этом эффективными могут быть как крупные (проект Plantagon в Линчёпинге, Швеция), так и мелкомасштабные проекты («баренц-фермы» на севере Норвегии, «комнатная» гидропоника — проект «Арктическая грядка» в Якутии).

Сравнительный региональный анализ показал, что особенно большими перспективами для распространения инновационных технологий городского сельского хозяйства обладают арктические территории, где невозможно использование конвенциональных агротехнологий. Это подтверждает и проведённая нами классификация северных регионов по величине

стоимости сельскохозяйственной продукции в расчёте на единицу площади и на одного занятого в сельском хозяйстве.

Но потенциал арктических городов используется ещё в крайне малой степени. По оценкам зарубежных исследователей, для обеспечения потребностей горожан в овощах в Канаде может быть задействовано до 25% городских территорий, в России и Норвегии до 50%, а в Финляндии — 75% [4]. Наложённое на карту «арктической урбанизации» Н. Ю. Замятиной и Р. В. Гончарова картографирование границы земледелия в открытом грунте в глобальном масштабе позволило определить наиболее перспективные ареалы распространения городского сельского хозяйства в Арктике.

Литература

1. Вавилов Н. И. Проблема северного земледелия. Материалы Ленинградской чрезвычайной сессии Академии наук СССР. 25-30.XI.1931 г. Ленинград, изд-во Академии наук, 1931.
2. Сельское хозяйство перемещается в небоскрёбы. [Электронный ресурс] // Мониторинг глобальных технологических трендов. Трендлеттеры. ИСИЭЗ ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/trendletter/news/153326171.html> (дата обращения 06.11.2018).
3. Banerjee Ch., Adenauer L. Up, Up and Away! The Economics of Vertical Farming // Journal of Agricultural Studies. 2014, Vol. 2, No. 1. P. 40-60.
4. Martellozzo F. et al. Urban agriculture: a global analysis of the space constraint to meet urban vegetable demand. [Электронный ресурс] // Environmental Research Letters. No 9 (2014) 064025 / URL: <http://iopscience.iop.org/article/10.1088/1748-9326/9/6/064025/pdf> (дата обращения 10.11.2018).
5. Urban agriculture. [Электронный ресурс]: Food and Agriculture Organization of the United Nations. URL: <http://www.fao.org/urban-agriculture/ru/> (дата обращения 05.11.2018).

ЗАТОРНЫЕ НАВОДНЕНИЯ НА РЕКЕ ЛЕНА НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДСКОГО ОКРУГА Г. ЯКУТСК

ICE-JAM FLOODING ON THE LENA RIVER IN MUNICIPAL DISTRICT YAKUTSK

Авторы: Ефремова Вилена Альбертовна, Данилов Юрий Георгиевич, Гадалль Себастьян Жан-Поль

Аннотация: В последние годы 20-го и в начале 21-го века количество наводнений и затоплений населенных пунктов из-за заторов на территории Республики Саха (Якутия) значительно возросло. В работе анализируются многолетние гидрологические данные, особенности ледохода в среднем по Лене за период с 1990 по 2016 гг.

Ключевые слова: Ледовый затор, половодье, река Лена, дистанционное зондирование

Annotation: In the last years of the 20th century and the beginning of the 21st century, the number of floods and flooding of populated areas due to mash events on the territory of the Republic of Sakha (Yakutia) has significantly increased. The work analyzes the long-term hydrological data, the features of the ice drift on the average Lena for the period from 1990 to 2016. according to remote sensing data Landsat 5, 8 and Sentinel 2. The best method for determining and extraction of the water mirror was revealed - MNDWI. With the help of this index, the boundaries of the flood zones from Tabaginsky cape to the Kangalassky cape were calculated.

Keywords: ice-jam flooding, Lena River, remote sensing

Цель исследования

На территории городского округа «г. Якутск» на реке Лена от Табагинского мыса до Кангаласского камня образование заторов наблюдается почти каждую весну. Для обеспечения безопасности населения, объектов экономики и сельскохозяйственных угодий от воздействия вод возведена семнадцатикилометровая дамба, которая состоит из 5 участков [1]. Образование заторов у Табагинского и Кангаласского мысов, и ниже – в Намском улусе вызывает наибольший подъем уровня воды у Якутска, приводит к деформации берегов и дна, влияет на накопление наносов, что нарушает естественный русловой режим реки Лена. Учитывая быстроту прохождения максимальных заторных уровней, возникают объективные сложности с адекватной оценкой ущерба при затоплении (подтоплении) территорий [2]. Таким образом, изучение заторных наводнений на территории городского округа с применением спутниковых снимков весьма актуально.

Методы исследования

Мониторинг изменений на реке Лена на основе наземных наблюдений у гидропостов Табага, Якутск и Кангалассы недостаточен для охвата всей площади распространения потенциальной зоны затопления долины реки.

Большая обзорность долины реки и его комплексов на спутниковых снимках дают возможность выявить границы зоны затопления, определить уязвимые места населенных

пунктов при повышении уровня воды и ее выхода на пойму и террасы, проводить визуальное наблюдение за ледовой обстановкой, проследить изменение формы русла.

Для определения и оценки уязвимых территорий городского округа необходимо оценить и провести анализ гидрологических процессов на реке Лена от Табагинского мыса до Кангаласского мыса по данным сформированных временных рядов метеорологических данных наземных наблюдений ФГБУ ЯУГМС [3] и открытых спутниковых данных Landsat и Sentinel 2.

Были рассмотрены спутниковые снимки исследуемого участка за 1992, 1998, 2001, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008, 2010, 2011, 2013, 2015 и 2018 гг. и выбраны максимальные заторные подъемы уровня воды во время весеннего половодья на реке Лена: в 2001 – 917 см, 2007 году – 882 см, в 2010 – 878 см, в 2011 – 848 см, в 2013 – 758 см.

В данной работе использованы многоканальные снимки спутников Landsat 5, 8 и Sentinel 2 (в условиях облачности менее 30%). Разрешение для разных каналов спутника Landsat 5 составляет от 30 до 120 м, Landsat 8 – от 15 до 100 м, для спутника Sentinel 2 – от 10 до 60 м [4,5].

Идентификация водной поверхности и выделение границ зон затопления сделано методом модифицированного стандартизованного индекса различий воды MNDWI.

Индекс воды нормированной разности (NDWI) от McFeeters (1996) был модифицирован путем замещения среднего инфракрасного диапазона, такие как Landsat TM 5 полосы для ближней инфракрасной полосы, используемой в NDWI (нормализованный водный индекс) [6].

Модифицированный стандартизованный индекс различий воды (MNDWI) использует зеленый канал и канал SWIR для улучшения тонких различий и отображения объектов открытых водных пространств.

$$MNDWI = \frac{(Green - SWIR)}{(Green + SWIR)}$$

- Green – значения пикселей из зеленого канала,
- SWIR – значения пикселей из коротковолнового инфракрасного канала.

При уровне воды выше 880 см 14 мая 2007 году на реке Лена в ГО Якутск с применением индекса MNDWI выделенная граница зон затопления представлена на рис. 1.

Следующим этапом является определение уязвимых территорий, которые подвержены затоплению. Для подробной оценки уязвимости территорий расчеты были сделаны с учетом численности проживающего населения и инженерной инфраструктуры. Для решения этой задачи использован слой Яндекс карты со снимками сверхвысокого разрешения GeoEye.

Создание базы данных по уровням воды, обработка снимков, визуальное дешифрирование водной поверхности реки Лена во время весеннего половодья с высоким уровнем воды (выше 780 см) производились в программном обеспечении ENVI и QGIS.

Рис.2. Схема уязвимых территорий при уровнях воды выше 780 см. в Промышленном округе г. Якутска, Республика Саха (Якутия) (В. Ефремова, 2018)

Уязвимость территории Промышленного округа г.Якутска 14 мая 2007 года

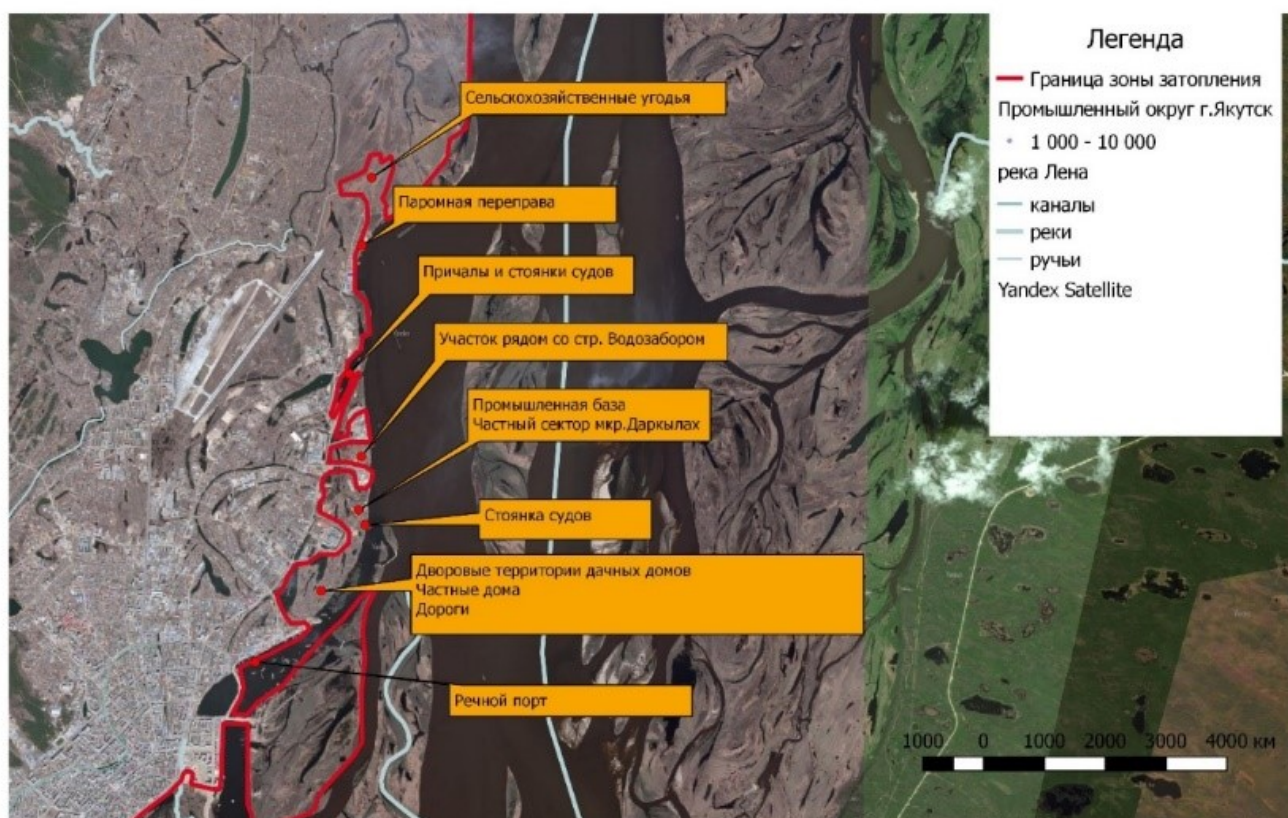

Рис. 3. Выделение границы зоны затопления у г. Якутска, Landsat 5 TM 14.05.07 (USGS/NASA), (В. Ефремова, 2018)

Результаты

В результате анализа дешифрирования снимков выявлены основные зоны, где наблюдаются полностью или частично затопление территории. Большие риски уязвимости населения и инженерной инфраструктуры можно отметить в Промышленном округе г. Якутска, где расположены речной порт, микрорайон Даркылах и другие промышленные участки, которые имеют доступ к открытому руслу реки.

Основной причиной подъема уровня воды до отметок выше критических на рассматриваемой территории является формирование заторов льда возле Табагинского и Кангаласского мысов и в Намском районе у с. Ёдей.

Полученные результаты могут полезны при планировании и развитии хозяйственной деятельности и в проектировании защитных сооружений города. Прогнозирование и предварительная оценка ущерба при максимальном или ближе к максимальному подъеме уровня воды на реке Лена. Контроль превентивных работ таких как зачернение и распиловка льда.

Эти сведения дают возможность районировать территорию по степени уязвимости к подтоплению.

Источники и литература

1. Официальный сайт Окружной администрации г. Якутска. URL: <http://www.якутск.рф> (дата обращения: 19.11.2018).
2. Кусатов К.И. Наводнения на реках Якутии // Матер. общеросс. науч.-прак. конф. «Защита населения и объектов экономики от водной стихии северных рек». 28-29 июня 2014 г. Якутск. — Якутск, 2013. — С. 90-94
3. Ежегодные данные о режиме и ресурсах поверхностных вод суши Ч.1,2. Т.1. ФГУ «Якутское управление по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды», — Якутск, 1958, 1964, 1986-1988, 1990-2016 гг.
4. Официальный сайт Группа компаний «СКАНЭКС», URL: <http://www.scanex.ru/data/satellites> (дата обращения: 10.11.2018).
5. Official website European Space Agency, URL: <http://www.esa.int> (дата обращения: 10.11.2018).
6. Xu, H. "Modification of Normalised Difference Water Index (NDWI) to Enhance Open Water Features in Remotely Sensed Imagery." International Journal of Remote Sensing 27, No. 14 (2006): 3025-3033.

COMMUNICATION CHALLENGES FOR SIBERIA: TRANSPORT CONNECTIVITY OR ISOLATION

COMMUNICATION CHALLENGES FOR SIBERIA: TRANSPORT CONNECTIVITY OR ISOLATION

Авторы: *Ломакина Анастасия Игоревна, Тархов Сергей Анатольевич, Неретин Александр Сергеевич, Зотова Мария Владимировна*

Limiting factors of transport development in Siberia and the Far East are the different natural zonal and azonal factors, as well as particularity of economic and social development of these territories. The quality of transport communication between Siberia and the Far East and the rest of the country, as well as within the region in the 1990s is sharply deteriorated. Transport tariffs increased, while the intensity of air traffic decreased and a number of areas were cut off from the national system of land communication. Therefore, the study of current transport situation in the regions of Siberia and the Far East, particularly remote or isolated from the main territory of the country is important. The combination of permanent climatic and changing socio-economic factors excludes the universalism in implementation of the transport strategy of a particular territory. This study is granted by Russian Geographical Society and Russian Foundation for Basic Research №24/2018/RGO-RFFI, leader S.A. Tarkhov). Database of the intensity and nature of transportation in the 2 regions-keys - Krasnoyarsk and Sakha (Yakutia) Republic - was compiled. Its analysis conducts the macro-zoning of the level of transport connectivity, to identify isolated local and regional transport systems, and to distinguish their main types.

References

1. Bezrukov L.A. Kontinental'no-okeanicheskaja dihotomija v mezhdunarodnom i regional'nom razvitii (Continental-oceanic dichotomy in the international and regional development), Novosibirsk: Akademicheskoe izd-vo «Geo», 2008, pp. 369 (Rus)
2. Hamelin L.-E. Discours du Nord — <https://www.google.ca/#q=discours+nord+Hamelin+transport+nord>
3. Trejvish A.I., Gorod, rajon, strana i mir. Razvitie Rossii glazami stranoveda (Town, region, nation and world. Development of Russia view by regional geographer), M.: Novyj hronograf, 2009, pp. 369 (Rus)
4. Gallup J.L., Sachs J.D., Mellinger A. Geography and Economic Development. 1999. http://www.hks.harvard.edu/var/ezp_site/.../001.pdf
5. Transport strategy of the Russian Federation for the period up to 2030. APPROVED by the order of the Government of the Russian Federation in 2008 № 1734-p <https://www.mintrans.ru/documents/2/1009> (Rus)
6. Chernopiatov A. M. Managing the development of the transportation sector in the Northern regions of the Russian Federation // the Dissertation on competition of a PhD scientific degree M., 2006. (Rus)
7. Pacific Russia: pages of the past, present, future - Vladivostok: Dalnauka, 2012. - 406 p. (Rus)
8. Transport and communication in Russia. - Moscow: Goskomstat, 2016 (Rus)
9. Sysoeva N. Processes of economic development of Siberia and modern problems of territorial development. Geography and natural resources. 2007. 3. P. 37-41. (Rus)
10. Privalov A. N. The factors in the development of local transport networks // proceedings of the Russian Academy of Sciences, geographical Series - 2008 - №2. (Rus)
11. Malov V. Yu., Melentev B. V. Transport corridors and economic development of the regions of

- Siberia (on the example of Krasnoyarsk region). // Spatial economics. 2005. 3. P. 32-46 (Rus)
12. Asian part of Russia: a new stage in the development of the Northern and Eastern regions of the country / Malov V., Bezrukov L., Shilov M., etc.; Ed. V. V. Kuleshov ; Russian Academy of Sciences. Nib. Otd-nie. In-t economy and org. Prome. PR-VA. - Novosibirsk, 2008. - 427 sec . (Rus)

ОСОБЕННОСТИ СТРОИТЕЛЬСТВА НА НАМЫВНЫХ ГРУНТАХ НА ТЕРРИТОРИИ Г.ЯКУТСКА

CONSTRUCTION ON HYDRAULICALLY FILLED SOILS IN THE YAKUTSK

Авторы: Сыромятников Игорь Иннокентьевич, Куницкий Виктор Владимирович

Аннотация: Рассмотрены особенности инженерно-геологических условий на массиве засыпки грунтов на вечной мерзлоте. Представлены результаты мониторинга температурного режима на гидравлическом наполнителе. Оценена перспектива расширения урбанизированной территории Якутска с помощью гидромеханических методов создания песчаных территорий.

Ключевые слова: гидравлический наполнитель, геокриологический мониторинг, вечная мерзлота, талик, температурный режим.

Annotation: Peculiarities of engineer-geological conditions at a massif of hydraulic fill soils on permafrost are considered. Monitoring results of the temperature regime on hydraulic fill are presented. The perspective to extent the urbanized territory of Yakutsk creating sand areas by help of hydro-mechanical methods is estimated

Keywords: hydraulic fill, geocryological monitoring, permafrost, talik, temperature regime.

В 2011-2015 гг. сотрудниками института мерзловедения проводился геокриологический мониторинг территории г. Якутска. Целью создания и проведения этого мониторинга было выявление основных тенденций и направлений, по которым происходит эволюция освоенной и урбанизированной части территории криолитозоны под влиянием постепенно меняющихся с течением времени естественных и техногенных факторов.

В 1979 г. началось формирование массива намывных песков на низкой пойме р. Лены, где ныне находятся объекты жилых микрорайона 202. Путем постепенного намыва песков способом гидромеханизации удалось создать техногенный слой мощностью от 4,6 м до 15,0 м [1].

Для изучения современных инженерно-геокриологических условий намывных грунтов на территории микрорайона 202 было пробурено 4 скважины глубиной 10 м. Эти скважины были оборудованы логгерами для автоматической регистрации температуры грунтов на разных глубинах.

Геотермические наблюдения показали, что грунты рассматриваемой территории на глубине 10 м в течение года находятся в талом состоянии. Это позволяет рекомендовать использование II принципа строительства на грунтах основания из намывных песков на территории г. Якутска [2].

Учитывая результаты проведенного геокриологического мониторинга, массивы намывных грунтов в столице Якутии рекомендуется создавать не только на участках левобережной поймы, но и на смежных с ней площадках низкой надпойменной террасы р. Лены, имеющих необходимые условия для естественного дренажа поверхности.

Почти полувековой опыт успешного градостроительства на намывных песках, позволяет считать, что создание гидромеханическим способом подобных грунтовых массивов и их

застройка является весьма перспективным направлением в области модернизации и дальнейшего развития инженерной инфраструктуры Якутска.

Литература

1. Роман Л.Т., Цернант А.А., Полещук В.Л., Цеева А.Н., Леванов Н.И. Строительство на намывных грунтах в криолитозоне. – М.: Издательский дом «Экономика, Строительство, Транспорт», 2008. – 323 с.
2. СП 25.13330.2012 Основания и фундаменты на вечномерзлых грунтах.

УСТОЙЧИВАЯ ИЗМЕНЧИВОСТЬ: ОСОБЕННОСТИ АРКТИЧЕСКИХ ГОРОДОВ РОССИИ И ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ИХ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ

STABLE VARIABILITY: CHARACTERISTICS OF THE ARCTIC CITIES OF RUSSIA AND APPROACHES TO THEIR RESILIENCE

Авторы: *Замятина Надежда Юрьевна*

Аннотация: *Проект направлен на разработку фундаментальных подходов к изучению и оценке устойчивости развития городов в Арктике. Актуальность проекта определяется задачами по развитию ресурсной базы и обеспечению национальной безопасности в арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ), тем более что в настоящее время нет позиции по оптимальной пространственной структуре российской Арктики, роль отдельных городов, зон и т. д. Поэтому целью проекта является разработка фундаментальных подходов к изучению и оценке устойчивости арктических городов. Исследование направлено на разработку новых методологических принципов и методов изучения устойчивости комплексного развития арктических городов. Они должны отличаться как от методов исследования устойчивости городов в основной зоне расселения, так и от методов изучения устойчивости арктических сообществ (разработанных в основном на основе небольших негородских поселений). В России и по российским данным такие задачи ставятся впервые.*

Ключевые слова: *Арктическая урбанизация, устойчивое развитие, устойчивость, вечная мерзлота, миграции, география населения, Арктика, однопрофильные города, технологии строительства, климат, демография, специализация города, градостроительство*

Annotation: *The project is aimed to develop fundamental approaches to studying and assessing the resilience of urban development in the Arctic. The relevance of the project is determined by the tasks on development of the resource base and ensuring national security in the Arctic zone of the Russian Federation (AZRF), especially because there is currently no position on the optimal spatial structure of the Russian Arctic, the role of individual cities, zones, etc. That's why the aim of the project is to develop fundamental approaches to studying and assessment of Arctic cities sustainability. The research intends to develop new methodological principles and methods for studying the sustainability of the integrated development of Arctic cities. They shall differ both from methods of research of resilience of cities in the main settlement zone and from methods of studying the resilience of Arctic communities (developed mainly on the basis of small non-urban settlements). In Russia and on the Russian data such objectives are put for the first time.*

Keywords: *Arctic urbanization, sustainable development, resilience, permafrost, migrations, geography of population, Arctic, single-profile cities, construction technologies, climate, demography, specialization of the city, urban planning*

Цель исследования состоит в определении специфики и механизма формирования устойчивости комплексного развития городов Арктики в условиях климатических изменений и

социально-экономических трансформаций

Методы исследования. В настоящее время тема устойчивости городского развития исследуется в двух основных (пока несмыкающихся) направлениях. С одной стороны, это тема изучения собственно феномена городского развития в Арктике, которая активно разрабатывается как российскими, так и зарубежными учеными. С другой стороны – изучение устойчивости, с переходом от концепции устойчивого развития (sustainable development) к концепции жизнеспособности (resilience) переживает в последние годы исследовательский бум. При этом, если судить по статистике публикаций Google Scholar, если число публикаций по теме собственно жизнеспособности пошло на спад, начиная с 2014 года, то тема жизнеспособности в Арктике (запрос “Arctic resilience”), напротив, находится на пике исследовательской популярности (около 5000 публикаций ежегодно в 2015—2017 годах). Однако, как уже отмечалось, тема устойчивости арктических территорий разрабатывается преимущественно на материале природных территорий или небольших поселений (яркий пример: доклад об устойчивости в Арктике Арктического Совета, более того, недостаток знаний именно по городскому развитию в Арктике прямо отмечается в недавних работах [4]).

Одно из немногих исключений – это исследование международной исследовательской группы на базе Университета Джорджа Вашингтона (США) [5]. Индекс, разрабатываемый данной группой основан на общих, универсальных представлениях об устойчивости развития местных сообществ – естественно, в традициях аглосаксонской школы социальных наук, не всегда совпадающей с наиболее актуальными проблемами развития арктических городов России и тем более не обеспеченных должными статистическими данными. Так, в частности, в число изучаемых параметров включены гендерный паритет, этническая сегрегация, степень участия сообщества в разработке стратегических планов развития – однако практически не учитывается, например, ресурсная составляющая местной экономики.

Описание исследования. Предварительный анализ проблемы показывает, что целый ряд традиционно используемых показателей устойчивости городского развития не подходит для изучения явления в условиях Арктики. Так, показатели дохода (как персональных доходов, так и городской экономики в целом) в условиях Арктики отражают чаще всего фазу освоения природных ресурсов: города, экономика которых увязана с освоением молодых месторождений, демонстрируют исключительно высокие показатели финансового благополучия, однако это ни в коей мере не свидетельствует об их устойчивом благополучии в будущем – на следующей стадии освоения ресурсов прилегающего региона. Аналогично, непригодны показатели миграции: характерные для большинства городов АЗРФ высокие значения как входящей, так и исходящей миграции, по-видимому, следует признать нормой (введя понятие «промывного миграционного режима», по аналогии с почвоведческим термином, как характерного для арктических городов). При этом в некоторых случаях спад численности населения может приводить к снижению нагрузки на жилой сектор и социальную инфраструктуру, а быстрый рост численности населения – к распространению барачного и иного жилья низкого уровня комфортности.

Необходима разработка нового подхода к определению устойчивости Арктики, основанного на глубоком учете арктической специфики, и в первую очередь – трех основных положений: В первую очередь, это отдаленность большинства арктических поселений от основной зоны расселения страны и центров принятия решений (экономическая, институциональная, транспортная), риски безальтернативности транспортных схем; необходимость самообеспечения. Второй важный аспект – это сезонность и изменчивость: очевидно, что почти любое равновесие в Арктике является динамическим, и формируется как баланс

разнонаправленных потоков. Наконец, третий аспект – это стадийный характер многих процессов и явлений в экономике и социально-культурной сфере: в районах нового освоения современные показатели зачастую отражают лишь определенную стадию фронтального цикла, и в будущем неизбежно изменение ситуации. Данные три особенности не специфически арктические – однако в Арктике они являются определяющими для социально-экономического и культурного развития многих территорий, и должны учитываться как исходная «матрица» более детальных исследований.

Литература

1. Замятина Н. Ю. Пульсирующие города и фронтальная урбанизация Российской Арктики // Пути России. Север — Юг : Сборник статей. Том XXIII. — Москва; Санкт-Петербург, 2017. — С. 22–30.
2. Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н. Новое междисциплинарное научное направление: арктическая региональная наука // Регион: экономика и социология. — 2017. — № 3. — С. 3–30
3. Arctic Resilience Report. M. Carson and G. Peterson (eds). Arctic Council. Stockholm Environment Institute and Stockholm Resilience Centre, Stockholm. 2016. URL: <http://www.arctic-council.org/arr>.
4. Petrov Andrey N., BurnSilver Shauna et al. Arctic sustainability research: toward a new agenda, *Polar Geography*, 2016, № 39:3, pp. 165-178
5. Sustaining Russia's Arctic Cities: Resource Politics, Migration, and Climate Change / Ed. by R. Orttung. Berghahn Books, 2016. 274 p.

ЗДАНИЯ КУЛЬТУРЫ И ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ В СУРОВЫХ УСЛОВИЯХ СЕВЕРА

CULTURAL BUILDINGS AND FORMATION OF PUBLIC SPACES IN THE HARSH NORTHERN CONDITIONS

Авторы: Киселева Олеся Владимировна

Аннотация: В последнее время особое внимание отрасль уделяет качеству жизни человека в северных условиях. Проблема формирования архитектурно-художественного образа северных городов сегодня стала одним из приоритетов экономического развития территории. В статье рассматриваются методы проектирования зданий культуры и значение общественных пространств в структуре северного города. Объектами исследования являются здания культуры и общественных пространств. Особое внимание уделяется проектированию и строительству культурных зданий в северных городах с целью удовлетворения социальных потребностей людей. Северные территории предъявляют особые требования к дизайну культурных сооружений: универсальная и гибкая планировочная структура, максимальная кооперация и компактность, многофункциональность, связь с жилыми районами с помощью теплых проходов, комплексный подход и крытые пространства с преобладанием досуга. Общественное пространство, сочетающее досуговые функции, как правило, представляет собой зимний сад; Наряду с экономическими преимуществами является важным центром для организации мест для общественной жизни людей, неформального общения и досуга различных видов. Продолжение поиска дизайнерских решений и оптимизация проектных решений для культурных сооружений на Севере создадут условия для обеспечения благоприятного психологического климата, повышения эффективности; и наполнить отдых населения новым контентом. Информация, представленная в этой статье, может быть эффективно использована для улучшения дизайна и эстетического и художественного содержания современных зданий культуры.

Ключевые слова: здания культуры, общественные пространства, общественные центры, суровые условия Севера, городская среда.

Annotation: *Recently special attention the industry gives to the quality of human life in the northern conditions. The problem of the formation of the architectural and artistic image of the northern cities today has become one of the priorities of the economic development of the territory. The methods of designing buildings of culture and the importance of public spaces in the structure of the northern city are considered in the article. The objects of the study are buildings of culture and public spaces. Special attention is given to the design and construction of cultural buildings in northern cities in order to satisfy human social needs. The Northern territories impose special requirements on the design of cultural buildings: a universal and flexible planning structure, maximum cooperation and compactness, multifunctionality, communication with residential areas by means of warm walkways, complex approach and roofed spaces with predominance of leisure functions. Public space combining leisure functions, as a rule, is a winter garden; along with economic advantages is an important center for organizing places for people's social life, informal communication and leisure activities of various kinds. Continuing the search of design solutions and optimization of design solutions for cultural buildings in the North will create conditions for ensuring a favorable psychological climate, increasing efficiency; and fill recreation of the population with new content. The information presented in this article may be effectively used to improve the design and aesthetic and artistic content of modern buildings of culture.*

Keywords: *buildings of culture, public spaces, public centers, harsh conditions of the North, urban environment.*

Интенсивное освоение обширных и малозаселенных территорий Севера имеет огромное значение для развития экономики страны. Основным требованием является обеспечение единого процесса социального и экономического развития Севера, его материально-технической базы, уровнем архитектурно-строительного проектирования, с задачами создания комфортных условий для постоянного проживания людей. Реализация крупномасштабных проектов освоения природных ресурсов северных территорий не может быть осуществлена без учета условий жизни человека, которые формируют полноценное проживание, влияют на демографическую структуру населения, миграционные процессы и оттоку коренного населения в среднюю полосу России. Если учесть суровые климатические условия, ограничивающие отдых на природе, а также специфику труда, то очевидно, что удовлетворение культурных потребностей человека в условиях севера имеет важное значение для полноценной жизнедеятельности. В связи с этим возникает задача формирования постоянной развитой социальной инфраструктуры.

Для полноценной социальной среды северных городов большое значение имеет проектирование зданий культуры с прилегающими общественными пространствами, определяющие выразительное, своеобразное «лицо» города. Тем самым в условиях Севера важным становится поиск особой, свойственной северным условиям архитектурно-пространственной структуры общественных зданий, в том числе зданий культуры. Методами формирования зданий культуры являются: универсальная и гибкая планировочная структура, максимальная кооперация и компактность, многофункциональность, связь с жилыми зонами теплыми переходами, и всеми видами культурного обслуживания.

На сегодняшний день остро стоит вопрос о разработке новых типов зданий для социального и культурного обслуживания в городах на Севере. Универсальная архитектурно-планировочная пространственная и конструктивная структура позволяет использовать здание для различных целей и обеспечивает максимальное соответствие требованиям среды и местоположению в застройке. При проектировании зданий культуры на Севере, наилучшей гибкостью

использования отличаются здания с крупной сеткой колонн, упрощенной конфигурацией в плане и разрезе, сокращение до минимума поверхности наружных стен.

В целях экономической целесообразности и для создания удобств функционирования, учреждения здания культуры кооперируют в едином комплексе. Для таких комплексов характерно многофункциональность, основанное на объединении учреждений в определенные группы, имеющие общие коммуникационные узлы и входные группы. Наиболее крупные помещения этих кооперированных комплексов — залы, фойе, вестибюль — используют универсально.

С точки зрения градостроительного решения наиболее правильный подход по преобразованию дискомфорта среды севера заключен в компактном расположении здания в отдельности и комплекса зданий, по возможности перекрытыми большепролетными конструкциями, в результате чего формируется переходная среда с внутренним микроклиматом и максимальным сохранением тепла. Это требование вызвано большими затратами на прокладку инженерных систем, а также трудностью озеленения территории. Для северных поселений принцип объединения отдельных зданий в единый объем, ведущий к уменьшению поверхности охлаждения, наиболее полно воплощен в объектах типа дом-комплекс.

Подводя итоги можно констатировать, что здания культуры играют важную роль в формировании общественного пространства города. Общественные пространства должны быть организованы в виде компактного комплексно-специализированного ядра, включающего в себя объекты культурного назначения. Для зданий культуры градостроительные и архитектурно-планировочные приемы тесно взаимосвязаны между собой для создания необходимых условий проживания и минимизации эксплуатационных работ. Необходим учет этноса коренного северного народа в жанрах и элементах функционального наполнения городских пространств.

Библиографический список:

1. Гончаров Ю.М. История проектирования и строительства гражданских зданий на Севере : учебное пособие, г.Красноярск: Сиб.федер.ун-т, 2012.-316 с.
2. Назарова Л.Г. Гражданские и промышленные города на Севере: Учеб. пособие для вузов. - Л.: Стройиздат, Ленингр. отд-ние, 1989, 248 с., с ил.
3. Полуй Б.М. Архитектура и градостроительство в суровом климате (экологические аспекты): Учеб. пособие для вузов. - Л.: Стройиздат, 1989. - 302 с.
4. Назарова Л.Г., Полуэтков В.Е., Сорокин А.А. Проектирование гражданских зданий для Крайнего Севера: справ. Пособие. / Под ред. Л.Г. Назаровой. - Л.: Стройиздат, Ленингр. Отд-ние, 1984, 216. с., ил

ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ КАК ОСНОВА ВЫЯВЛЕНИЯ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ЧЕРТ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ

THE ETHNO-TERRITORIAL STRUCTURE OF THE POPULATION STRUCTURE AS A BASIS FOR DETERMINING SPECIFIC FEATURES OF ETHNOCULTURAL LANDSCAPES

Авторы: Дегтева Жанна Федоровна, Данилов Юрий Георгиевич

Аннотация: Рассматривается этнотерриториальная структура населения Якутии. Подчеркнута необходимость внешних и внутренних подходов к изучению этнокультурного ландшафта. Пространственная организация этнокультурных ландшафтов, сохранение традиционных видов живой природы. Обоснован этнокультурный подход к выявлению специфических свойств этнокультурных ландшафтов полиэтнических северных территорий.

Ключевые слова: этнотерриториальная структура; традиционная экология; культурные ландшафты.

Annotation: *The ethno-territorial structure of the population of Yakutia is considered. It underlined the need for external and internal approaches to the study of ethno-cultural landscape. The spatial organization of ethnic and cultural landscapes, to preserve the traditional types of wildlife. The ethnocultural approach to the identification of the specific properties of the ethnocultural landscapes of polyethnic northern territories is substantiated.*

Keywords: *ethno-territorial structure; traditional environmental; cultural landscapes.*

Рассмотрена этнотерриториальная структура населения Якутии. Подчёркнута необходимость использования внешних и внутренних подходов к исследованию этнокультурных ландшафтов. Рассматривается пространственная организация этнокультурных ландшафтов, сохранивших традиционные типы природопользования. Обосновывается этнокультурный подход к выявлению специфических свойств этнокультурных ландшафтов полиэтнических северных территорий.

Сохранение культурного наследия народов Севера является важной и чрезвычайно сложной задачей. Самобытность коренных народов, их национальная культура, язык и традиции неразрывно связаны с традиционным природопользованием, которое является основой их жизнедеятельности. Нередко в условиях промышленного и транспортного освоения северных территорий традиционные этнокультурные ландшафты становятся крайне неустойчивыми.

С утратой традиционного природопользования исчезает и уникальный исторический опыт экологической культуры, составляющий богатство не только коренных народов, но и всего человечества [1]. Среди возможных подходов к решению этой проблемы следует выделить культурно-ландшафтный, который позволяет целостно и системно исследовать природные и культурные компоненты территории.

В географическом смысле, культурный ландшафт – не просто результат сотворчества человека и природы, но также целенаправленно и целесообразно формируемый природно-культурный

территориальный комплекс, который обладает структурной, морфологической и функциональной целостностью и развивается в конкретных физико-географических и культурно-исторических условиях. Его компоненты образуют определённые характерные сочетания и находятся в определённой взаимосвязи и взаимообусловленности [2]. В ряде случаев, когда нужно подчеркнуть этнический аспект исследуемого культурного ландшафта или роль определённой национальной культуры в его формировании, используется термин «этнокультурный ландшафт» [3].

Этнические общности являются носителями духовного слоя культурного ландшафта, что определяет необходимость исследования этногеографической структуры населения Якутии. В.В. Покшишевский отмечал, что до конца понять социально-географические процессы, которые совершаются в системе «население» на нашей планете, можно, только рассмотрев человечество «в лицах» – через призму отдельных народов [4]. Целью исследования является раскрытие территориальных особенностей этнической структуры населения, численности этнических общностей, географии и плотности заселения территории как основы выявления специфических черт этнокультурных ландшафтов.

В работе применялись эмпирические, теоретические и формальные методы исследования: экспедиционный; статистический; математический; моделирования. Кроме того, использовались два подхода к описанию этнокультурного ландшафта – «внутренний» и «внешний». В первом случае культурный ландшафт описывается как бы изнутри и воспринимается глазами местного населения, в другом – восприятие культурного ландшафта отражается исследователем, не знакомым с местной культурой.

На территории Якутии исторически сложилась разнообразная и сложная этническая структура населения. По переписи 2010 г., в Республике Саха (Якутия) проживают представители более 120 национальностей, в том числе коренные малочисленные народы Севера (КМНС) долганы, чукчи, эвенки, эвены и юкагиры.

Доминирующими этническими общностями региона являются якутская и русская (85,6 %) [5]. Как показывают материалы переписей 1989, 2002, 2010 гг., численность населения республики сократилась более чем на 135 тыс. человек. Произошли изменения и в национальном составе, которые обусловлены в основном внешней миграцией, а также различиями в естественном воспроизводстве отдельных народов и изменением этнического самосознания.

Одной из особенностей современного размещения многонационального населения остается его территориальная дифференциация. Население отдельных национальностей по районам республики размещено неравномерно. Индексы мозаичности национального состава населения используются при оценке количественного соотношения различных национальностей в населении региона, при измерении уровня многонациональности района. Для раскрытия общих закономерностей сочетания этнических групп и ареалов их проживания в Якутии нами применен индекс этнической мозаичности Б.М. Эккеля, так как он позволяет определить этническую пестроту населения через теоретическую вероятность контактов.

На примере двух поселений раскрыты основные пространственные свойства этнокультурного ландшафта с внутренним подходом: центрированность, полимасштабность, анизотропность.

Установлено, что процесс формирования традиционных культурных ландшафтов имеет ряд существенных особенностей: удаленность и труднопроходимость территории способствовали сохранности традиционных культур; природные условия и ресурсы Севера определили специфические типы природопользования (оленоводство, северное скотоводство, промыслы и

др.); многонациональный состав населения обусловил культурное разнообразие.

Выявлено, что основным функционально-планировочным фактором формирования традиционных культурных ландшафтов является природопользование. Формирование традиционных этнокультурных ландшафтов в значительной степени обусловлено природной средой, в связи с этим изменение состояния природной среды крайне болезненно воспринимается местным населением.

Литература

1. Клоков, К.Б. Традиционное природопользование народов Севера: концепция сохранения и развития в современных условиях / К.Б. Клоков; под ред. Е.Е. Сыроечковского, А.И. Чистобаева // Этногеографические и этноэкологические исследования. – Вып. 5. – Санкт-Петербург, 1997.
2. Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. – Москва: Институт Наследия; Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2004. – 620 с.
3. Калущков, В.Н. Культурный ландшафт. Социально-экономическая география: понятия и термины: словарь-справочник / В.Н. Калущков; отв. ред. А.П. Горкин. – Смоленск: Ойкумена, 2013. – С. 121.
4. Покшишевский, В.В. Население и география / В.В. Покшишевский. – Москва: Мысль, 1978. – С. 200-201.
5. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республика Саха (Якутия). Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: стат. сб. Т. 4 / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). – Якутск, 2013. – 121 с.

ОСОБЕННОСТИ ДЕШИФРИРОВАНИЯ УРБАНИЗИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ СЕВЕРНЫХ ГОРОДОВ ПО СПУТНИКОВЫМ СНИМКАМ LANDSAT НА ПРИМЕРЕ Г. ЯКУТСК

FEATURES OF INTERPRETATION OF URBAN AREAS OF NORTHERN CITIES IN LANDSAT SATELLITE IMAGES ON THE EXAMPLE YAKUTSK

Авторы: Захаров Моисей Иванович, Данилов Юрий Георгиевич, Гадаль Себастьян Жан-Поль

Аннотация: Рассматриваются подходы к распознаванию урбанизированных территорий, методы контролируемой и неконтролируемой спектральной классификации изображений. Приводится опыт дешифрирования урбанизированных территорий Якутска на основе индексного подхода и определение особенностей использования для северных городов.

Ключевые слова: картография, мониторинг, Landsat, VIBI, урбанизированные территории

Annotation: Currently, there are many approaches to the recognition of urbanized areas, mainly based on the methods of controlled and uncontrolled spectral classification of images. D. Statakis, K. Perakis, I. Yu. Savin [1] proposed an index (VIBI - Vegetation Index - Builtup Index), which is a combination of widely known NDVI and NDBI. In this article, we will conduct the experience of deciphering the urbanized territories of Yakutsk based on the index approach and define the features of the use for northern cities. The purpose of the study is to determine the most effective method in decoding the urbanized territories of northern cities using the example of Yakutsk. For recognition, we applied the VIBI index on Landsat 8 OLI multi-temporal images. Were selected images from June 26, 2017, November 4, 2017 and February 11, 2018. We assume that winter images are more efficient due to the absence of open water surfaces and various types of open soils, which will effectively allocate urbanized areas. In addition, when decoding multi-temporal images with GIS tools for overlay operations, zones of seasonal "dacha" and private year-round houses can be identified. The experience of using the VIBI index in different-time images revealed the advantage of winter in determining urbanized areas due to the absence of open soils and open water surfaces with similar spectral characteristics. Thus, we come to the conclusion that to study the urbanization of the northern cities should use winter images (after complete freezing of all water bodies).

Keywords: Remote sensing, Landsat, VIBI, urbanized areas

В настоящее время существует множество подходов к распознаванию урбанизированных территорий, в основном базирующихся на методах контролируемой и неконтролируемой спектральной классификации изображений. В работе Д. Статакис, К. Перакис, И. Ю. Савин [1] был предложен индекс (VIBI – Vegetation Index – Builtup Index), который представляет собой комбинацию широко известных индексов NDVI и NDBI. В данной статье мы проведем опыт дешифрирования урбанизированных территорий г. Якутска основываясь на индексном подходе и определим особенности применения данного индекса для северных городов.

Цель исследования в определении наиболее эффективного метода в дешифрировании урбанизированных территорий северных городов на примере г. Якутска. Для распознавания мы применили индекс VIBI на разносезонных снимках Landsat 8 OLI. Были отобраны снимки от 26 июня 2017, 4 ноября 2017 и 11 февраля 2018. Мы предполагаем, что зимние снимки более эффективны для дешифрирования благодаря отсутствию открытых водных пространств и различных типов открытых почв, что позволяет эффективно выделять урбанизированные территории. Кроме того, при дешифрировании разносезонных снимков ГИС-инструментами оверлейных операций можно выявить зоны сезонных дачных домов и частных круглогодичных домов.

Понятие "урбанизированная территория" в дистанционном зондировании Земли встречается часто, при этом распознавание таких территорий неоднозначный процесс, связанный с неоднородностью урбанизированной территории. Объекты (постройки, сады, газоны, парки, дороги), которые могут быть причислены к данному классу имеют различные спектральные характеристики, что объясняет сложность их распознавания с помощью методов спектральной классификации.

В данном исследовании понятие "урбанизированные территории" включает в себя прерывные и непрерывные городские, коммерческие и промышленные постройки, дороги, земли портов и аэропортов, карьеры для добычи полезных ископаемых, спортивные сооружения и т.д. NDVI (Normalized Difference Vegetation Index) - нормализованный относительный индекс растительности - простой количественный показатель количества фотосинтетически активной биомассы (обычно называемый вегетационным индексом). NDBI используется для выявления застроенных участков и открытых грунтов [2,3]. Граничные значения для выделения урбанизированных территорий, были получены экспериментальным путем.

Опыт применения индекса VIBI на разновременных снимках выявил преимущество зимних в определении урбанизированных территорий благодаря отсутствию сходных по спектральным характеристикам открытых почв и открытых водных поверхностей. Таким образом, мы приходим к выводу, что для исследования урбанизации северных городов следует использовать зимние снимки (после полного промерзания всех водных объектов).

Литература

1. Д. Стакакис, К. Перакис, И. Ю. Савин Дешифрирование урбанизированных территорий по спутниковым данным Landsat, 2012, Исследование Земли из Космоса, 2012, № 5, с. 22-28
2. Hua LiQinhuo, LiuQinhuo Liu Comparison of NDBI and NDVI as indicators of surface urban heat island effect in MODIS imagery, International Conference on Earth Observation Data Processing and Analysis (ICEODPA), 2008, с. 34-36
3. Haack B., Bryant N., Adams S. An assessment of Landsat MSS and TM data for urban and near urban land cover digital classification // Rem. Sens. Env. 1987. V. 21. № 2. P. 201-213.

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ И ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ МОБИЛЬНЫХ ЖИЛИЩ В УСЛОВИЯХ КРАЙНЕГО СЕВЕРА

MAIN FACTORS AND PRINCIPLES OF FORMATION OF MOBILE HOUSINGS UNDER CONDITIONS OF THE FAR NORTH

Авторы: Баишева Анастасия Дмитриевна

Аннотация: Статья посвящена особенностям формирования инновационных кочевых жилищ для оленеводов в условиях Крайнего Севера. Определены основные факторы, которые следует учитывать при проектировании и эксплуатации жилья. Раскрыты принципы формирования жилищ в условиях постоянных кочевников.

Ключевые слова: Крайний север, скотоводы, кочевое жилище, мобильное жилище, эргономика.

Annotation: The article is devoted to the peculiarities of the formation of innovative nomadic dwellings for reindeer herders in the conditions of the Far North. The main factors that should be taken into account in the design and operation of dwellings are identified. The principles of the formation of dwellings in conditions of permanent nomads are revealed.

Keywords: Far north, herders, nomadic dwelling, mobile dwelling, ergonomics.

При организации инновационного кочевого жилища (сезоннообитаемые жилища животноводов, рыболовецкие и охотничьи станы) необходимо учитывать различные факторы:

1. Природно-климатические факторы. При проектировании учитываются климатические параметры наиболее холодного и наиболее теплого времени года, климатический подрайон и суровость климата.
2. Географические факторы. Районирование территория Крайнего Севера подразделяет пояса: Арктический пояс. I — зона арктических пустынь. Субарктический пояс. II — зона тундры; III — зона тундр и северных редколесий. IV — зона тайги.
3. Технологические факторы. За счет инновационных научных предложений улучшить комфорт жилища, стандарты качества, внедрить новые типы жилья, направленные на безопасность, экономичность проживания и улучшения экологической ситуации.
4. Экологические факторы. Во время проектирования, строительства и эксплуатации важно придерживаться принципов экоархитектуры.
5. Социально - экономические факторы. Необходимо учесть социальные факторы, которые включают в себе, социальный статус семьи, характер труда семьи, характер контактной семьи, социальное взаимодействие и ценностные ориентации.
6. Временные факторы. Объемно - пространственное решение мобильного жилища зависит от временных параметров: продолжительности возведения объекта и предполагаемого периода эксплуатации.

С учетом природных факторов, оказывающих влияние на выбор оптимальной формы мобильного жилья, его планировки и функциональных требований к нему, выделены следующие принципы формирования:

1. Принцип автономности. Является основополагающим и формируется на совместной работе активных автономных систем, которые представляют собой ограждающие конструкции автономного здания, и пассивных систем, работающих за счет энергосберегающих объемно-пространственных решений.
2. Принцип экологичности. Строительство и эксплуатация здания должны способствовать развитию технологий, не нарушающих экологическую среду.
3. Принцип мобильности. Перемещения здания может осуществляться как целиком, так и по частям.
4. Принцип трансформативности используется для создания компактных объемов и планировочных решений.
5. Принцип модульности оказывает прямое влияние на фактор времени – скорость возведения и длительность эксплуатации.
6. Принцип эргономичности. Эргономические достижения создают комфортные условия человеку для постоянного удовлетворения ежедневных физиологических и социальных потребностей каждого человека.
7. Принцип устойчивости. Устойчивость объекта к снеговым и ветровым нагрузкам.

В этот список, в отличие от работ других исследователей [1], добавлен принцип эргономичности. Для этого выявлены антропометрические показатели северного человека, эргономика традиционного жилища коренных народов Крайнего Севера и имеющихся проектов мобильного жилища.

Основой для выявления параметров и пропорций северного человека послужили результаты исследований, проведенных в 2012-2014 гг. на базе медицинского института Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Исследованием охвачено 168 юношей и 274 девушек якутской национальности в возрасте от 17 до 21 года, которые являлись студентами начальных курсов СВФУ и профессионально-технических училищ г. Якутска, постоянно проживающих в Республике Саха (Якутия). Антропометрические измерения проводились по методике В.В. Бунака (1941). Анализ тотальных размеров выявил, что средние показатели длины тела юношей регистрировались как $173,67 \pm 0,59$ см. Аналогичные показатели девушек определялись как $159,62 \pm 0,23$ см.[2]

В мире существуют различные системы мер:

Русская система мер — система мер, традиционно применявшаяся на Руси и в Российской империи. Была стандартизирована на основе английских мер императорским указом 1835 года. Позже на смену русской системе пришла метрическая система мер, которая была допущена к применению в России по закону от 4 июня 1899 года.[3]

Китайская - династия Сун (宋朝, Sòngcháo), модульная система «цай фэнь» трактат о строительстве «Инцзао фаши» (1103 г.). Трактат содержит правила и методы возведения построек, основанные на модульной системе «Цай Фэнь».[4]

Модуль — система пропорций, разработанная архитектором Ле Корбюзье (1887—1965). Ле Корбюзье описал её как «набор гармонических пропорций, соразмерных масштабам человека, универсально применимых к архитектуре и механике».[5]

По результатам данного исследования выявлены пропорции традиционных жилищ коренных народов Крайнего Севера. Анализированы показатели внедренных мобильных жилищ по отношению к параметрам северного человека.

В имеющихся проектах мобильного жилища в основном учитываются технические требования,

его конструктивные и технологические решения, возможность транспортировки, монтажа и демонтажа, но не в полной мере принимаются во внимание особенности образа жизни, демографической структуры населения и психологии людей в специфических условиях освоения, а также другие факторы, влияющие на функционально-пространственную организацию мобильного жилища.

Основные выводы исследования:

1. Использование модуля по параметрам северного человека можно значительно снизить количество расхода материалов и уменьшить вес транспортного кочевого жилища.
2. При организации инновационного мобильного жилья на Крайнем Севере необходимо учитывать различные факторы, влияющие на проектирование и эксплуатацию такого типа жилых зданий. Они определяют оптимальное архитектурно - планировочное, объемно-пространственное и конструктивное решения здания.
3. Концепция инновационного мобильного жилья представляет собой сложную систему, включающую особенности объемно-пространственной структуры здания, архитектурно - конструктивных решений, планировочных и инженерных задач.

Литература:1. Принципы формирования автономных жилых зданий в экстремальных условиях природного характера: автореферат дис. кандидата архитектуры: 05.23.21 / Погонин Алексей Олегович; [Место защиты: Моск. архитектур. ин-т]. - Москва, 2010. - 30 с.2. Закономерности изменчивости морфофункционального статуса женского населения Республики Саха (Якутия) : автореферат дис. ... доктора медицинских наук : 14.03.01 / Гурьева Алла Борисовна; [Место защиты: Краснояр. гос. мед. ун-т им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого]. - Красноярск, 2016. - 42 с.

3. https://ru.wikipedia.org/wiki/Русская_система_мер
4. https://ru.wikipedia.org/wiki/Инцзао_Фаши
5. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Модулоп>

РАЗВИТИЕ ЦВЕТОВОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДА САХА В XVII-XIX ВВ.

THE COLOR DEVELOPMENT OF CULTURE OF THE SAKHA PEOPLE IN THE XVII-XIX CENTURIES.

Авторы: Жиркова Виктория Даниловна, Ефимов Андрей Владимирович

Аннотация: *Формирование национальной цветовой палитры зависит, прежде всего, от природно-климатических условий региона. Суровые природные условия - чрезвычайно холодные зимы, длящиеся 7 месяцев в году, и короткое жаркое лето оказали непосредственное влияние на образ жизни и жизнь якутов. Способ получения и поддержания тепла был фундаментальным фактором выживания в этих условиях. Территория жилища, архитектурные формы жилых и хозяйственных построек, традиционный вид деятельности, стиль одежды - все подчинялось этому суровому закону. Развитие цвета культуры происходило в 3 этапа: первый этап - до XVII века, когда натуральные красители имели черный цвет и широкий спектр оттенков коричневого цвета; второй этап - с семнадцатого до середины восемнадцатого веков, бисерные женские украшения появляются белого, синего и черного цветов; На третьем этапе - XVIII-XIX веках с приходом русских начинают встречаться дополнительные цвета: красный, зеленый, желтый и фиолетовый, а также их комбинации. Традиционные якутские цвета: коричневый, черный, синий, белый, красный, желтый со всеми разноцветными оттенками. Эти цвета имеют глубокое символическое значение, связанное с целым комплексом традиционных философских представлений народа саха. Их представления о строении мира и мировом порядке воплощены в цветах-знаках, выражена космографическая структура вселенной. Они содержат идеи жизненной силы, благополучия, плодородия и счастья.*

Ключевые слова: Северная архитектура, национальный колорит народа саха, цветовая культура якутов, традиционная архитектурная форма.

Annotation: *The formation of the national color palette depends primarily on the natural and climatic conditions of the region. Harsh natural conditions-extremely cold winters, lasting 7 months a year, and a short hot summer had a direct impact on the lifestyle and life of the Yakuts. The method of obtaining and maintaining heat was a fundamental factor for survival in these conditions. The territory of dwelling, architectural forms of dwelling and economic constructions, traditional type of activity, style of clothes - everything obeyed this severe law. The color development of the culture took place in 3 stages: the first stage-until the XVII century, when natural dyes had black and wide range of shades of brown colors; the second stage -- from the seventeenth to mid-eighteenth centuries, beaded women's jewelry appear white, blue and black; the third stage-the XVIII-XIX centuries with the arrival of Russian start Dating optional colors: red, green, yellow and purple, and combinations thereof. Traditional Yakut colors are: brown, black, blue, white, red, yellow with all the multicolored shades. These colors have a deep symbolic meaning associated with a whole complex of traditional philosophical concepts of the Sakha people. Their ideas about the structure of the world and the world order are embodied in the colors-signs, the cosmographic structure of the universe is expressed. They contain ideas of vitality, well-being, fertility and happiness.*

Keywords: *Northern architecture, the national color of the Sakha people, the color culture of the Yakuts, the traditional architectural form.*

Цель исследования: изучение цветовых предпочтений и развитие национальной цветовой колористики народа саха.

Методы исследования: системно - структурный метод для определения принципов формирования национальной цветовой колористики и сочетаний в объектах городского пространства на примере современных архитектурных объектов г.Якутска.

натурное обследование и фотофиксация архитектурных объектов.

Описание и результат исследования: Формирование национальной цветовой колористики прежде всего зависит от природно-климатических условий региона. Суровые природные условия – крайне холодные зимы, длящиеся 7 месяцев в году, и короткое жаркое лето оказали непосредственное влияние на образ жизни и быт якутов. Способ получения и сохранения тепла являлся основополагающим фактором для выживания в этих условиях. Территория обитания, архитектурные формы жилище и хозяйственных построек, традиционный вид деятельности, фасон одежды – все подчинялось этому суровому закону.

Развитие цветовой культуры происходило в 3 этапа: первый этап -- до XVII века, когда из натуральных красителей получали черный и широкую палитру оттенков коричневого цветов; второй этап -- с XVII и до середины XVIII вв. в бисерных женских украшениях появляются белый, синий и черный цвета; третий этап -- XVIII-XIX вв. с приходом русских начинают встречаться дополнительные цвета: красный, зеленый, желтый и фиолетовый и их сочетания.

Традиционную якутскую колористику составляют: коричневый, черный, синий, белый, красный, желтый цвета со всем многоцветием оттенков. Эти цвета носят в себе глубокий знаковый смысл, связанный с целым комплексом традиционных мировоззренческих понятий народа саха. В цветах-знаках воплощены их представления о строении мира и миропорядка, выражена космографическая структура вселенной. В них заключены идеи жизненной силы, благополучия, плодородия и счастья.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ СЕВЕРНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ КАК ОСНОВА ПОИСКА ПУТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ БЕЗБАРЬЕРНОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ ЯКУТИИ

FOREIGN EXPERIENCE OF NORTH DESIGN AS THE BASIS OF THE SEARCH FOR A BARRIER-FREE ARCHITECTURAL ENVIRONMENT OF YAKUTIA

Авторы: *Мохова Татьяна Альфредовна*

Аннотация: *При разработке проекта для безбарьерного северного города принципиально важно учитывать резко континентальный климат, его отличие от умеренного климата средних широт. Зарубежные примеры северных регионов, таких как Аляска, Гренландия, Север Канады и Скандинавский Север, также демонстрируют положительный опыт проектирования и строительства. При формировании безбарьерной среды обитания необходимо использовать принципы системного подхода с участием всех заинтересованных ведомств, организаций, общественных движений, архитекторов и строителей.*

Ключевые слова: *Экстремальная среда, безбарьерная среда, Север, климат, опыт проектирования, вечная мерзлота, Якутия.*

Annotation: *When developing a project for a barrier-free northern city, it is of fundamental importance to take into account the sharply continental climate, its difference from the temperate climate of middle latitudes. Foreign examples of northern regions, such as, Alaska, Greenland, North of Canada and the Scandinavian North also demonstrate positive experience in design and construction. When forming a barrier-free habitat, it is necessary to use the principles of a systematic approach with the participation of all interested departments, organizations, public movements, architects and builders.*

Keywords: *Extreme environment, barrier-free environment, North, climate, design experience, permafrost, Yakutia.*

При разработке проекта безбарьерного северного города принципиальное значение имеет учет резко континентального климата, его отличие от умеренного климата средних широт. Экстремальная среда – это часть территории природной среды, по своим климатическим, естественно-природным, экономико-географическим психофизическим характеристикам чрезвычайно неблагоприятная для жизни и деятельности людей. [1]

Несмотря на то, что по мере развития урбанизации, человек все более освобождается от непосредственного влияния природной естественной среды, воздвигая между ней и собой искусственную техносферу, его зависимость от ландшафтно-климатических условий по-прежнему сохраняется. Эта зависимость проявляется в том, что образ жизни человека, одежда, застройка населенных пунктов и сами здания несут на себе черты влияния природных условий Севера.

Зарубежные примеры северных регионов, таких как Аляска, Гренландия, Север Канады и Скандинавский Север также демонстрируют положительный опыт проектирования и строительства. Одним из приемов зарубежного опыта является комплексность в проведении

научно-исследовательских работ в разных областях знаний: климатология, социология, демографии, экономике, психологии и физиологии человека, новых технологий в строительстве. Для нашей практики наиболее полезен опыт проектирования и творчества Ральфа Эрскина, который в своих работах стремился максимально учитывать бытовой уклад и специфику проживания коренного населения Севера, в предпроектной стадии проводил научные исследования и опрос будущих жителей.

Учет местных природных особенностей при проектировании выражается в технических приемах создания устойчивости зданий и сооружений, в обеспечении жителей максимальным комфортом путем применения соответствующего инженерного оборудования. Проектирование теплых переходов между зданиями, а также крытых пандусов в городе Якутске (столице Республики Саха (Якутия)), было бы весьма актуальным, так как Якутия расположена на вечномёрзлых грунтах, все здания здесь строят на высоких сваях (до 2-х метров) что, несомненно, усложняет проектирование безбарьерной среды.

Для смягчения экстремального климата, и снижения ветровых воздействий, применяются здания – ветроломы. В канадском городе Фермонт на полуострове Лабрадор было построено экспериментальное здание, состоящее из двух корпусов, расположенных друг к другу под углом. Угол здания ориентирован на преобладающие зимние ветра, которые вызывали в городе шестиградусные морозы. Эксперимент дал хорошие результаты, и Фермонт был объявлен образцовым арктическим поселком.

Из зарубежного опыта для нас наиболее интересным представляется использование подземного пространства в урбанизированной среде городских образований. При строительстве подземных объектов в вечной мерзлоте необходим всесторонний учет положительного опыта в северных странах, где внедрение эффективных технологий предусматривает безопасность и комфорт для населения. Например, город Ванкувер (Канада) освоением подземного пространства в центре городской структуры обеспечил высокий уровень комфорта обслуживания жителей и функционирования инженерно-транспортной инфраструктуры. [1]

Для Якутии с ее экстремальной средой требуется, например, организация ветрозащитного фронта застройки и повышение ее плотности, способствующие некоторому смягчению микроклимата. Эти меры могут быть применены для дальнейшей разработки проектов с учетом использования современных методов планировки и застройки города. Отсюда главное условие при проектировании в Северных регионах – глубокое знание экстремальных факторов и дифференцированное переосмысление с научным подходом и обоснованием при проектировании городов и поселков.

Здесь, можно выделить пять основных факторов поэтапного освоения территории и создания полноценной инфраструктуры Северного региона:

- климат и влияние холода на организм человека;
- вечная мерзлота и особенности освоения территории;
- предупреждение техногенных и природных катастроф;
- население и социально-демографические факторы;
- градоэкологические проблемы освоения северного региона.

Первые три фактора имеют объективные параметры как природные явления на территории с экстремальными условиями для жизнедеятельности человека на севере. Последующие два фактора с учетом проектно-строительного зонирования региона и групповой системы населенных мест требует глубокого анализа предпроектных исследований и творческого системного подхода при разработке концепции-модели градоэкологической программы освоения территории Якутии.

При формировании безбарьерной среды необходимо использовать принципы системного подхода с участием всех заинтересованных ведомств, организаций, общественных движений, архитекторов и строителей. Целесообразно не только проектировать новые сооружения с учетом требований доступности и гуманности среды проживания, но и корректировать проекты, работа над которыми уже завешена. [2]

Литература

1. Туралысов К.Г. Градостроительство в экстремальных условиях севера: Рос.акад.арх. и строит.наук, Акад. Наук РС(Я), ФГАОУ ВПО СВФУ – Якутск, 2011.
2. Сафронов К.Э. Безбарьерная городская среда 2-е изд.доп. и пераб. – Омск: Золотой тираж, 2011.
3. Аронин Дж. Э. Климат и архитектура: Перевод с английского архитектора В. Б. Соколова; Редакция, предисловие и примечания канд. техн. наук В. Е. Коренькова. — М.: Государственное издательство литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1959.
4. Мягков М. С., Губернский Ю. Д., Конова Л. И., Лицкевич В. К. Город, архитектура, человек и климат: Под ред. к.т.н. М.С.Мягкова. – М.: Архитектура-С, 2007.

ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АСПЕКТ СОВЕТСКОГО НЕОКЛАССИЦИЗМА В ЯКУТСКЕ

HISTORICAL AND ARTISTIC ASPECT OF SOVIET NEOCLASSICISM IN YAKUTSK

Авторы: Федотова Дарья Спиридоновна

Аннотация: Рассмотрены историко-художественные процессы в официальном стилистическом направлении Советского союза 1930-е - 1960-е годы в Якутске. Определены процессы влияния европейских тенденций архитектуры в стилеобразование Якутска конца 1930-х — 1960-х годов, выявлены региональные особенности советского неоклассицизма Якутска.

Ключевые слова: архитектура, стилеобразование, Якутск, региональные особенности, советский неоклассицизм

Annotation: *Historical and artistic processes in the official stylistic direction of the Soviet Union from the 1930s to the 1960s in Yakutsk are considered. The processes of influence of European architecture trends in the style of formation of Yakutsk of the late 1930s-1960s are defined, regional features of the Soviet neo-classicism of Yakutsk are revealed.*

Keywords: *architecture, style, Yakutsk, regional features, Soviet neo-classicism*

Государственная политика Советской России с 1930-х годов достаточно резко вмешивается в естественное развитие общественно-культурной жизни страны. В архитектуре модернизм сменяет парадный неоклассицизм. И вводит тотальную художественную цензуру. «Сталинская архитектура» строго придерживается государственной идеологии с полным контролем над всеми аспектами жизни общества и авторитарным типом управления. Возводимые сооружения должны были служить символом советской власти, роста и развития советской культуры. Приоритетом являлось парадное оформление городов всей страны от южных до арктических. Ансамбли центральных площадей формировались административными зданиями городских советов, предназначенных для проведения партийных съездов и конференций, и зданиями театров. Эти монументальные сооружения должны были служить фоном для городских мероприятий. Как же государственный заказ и региональные возможности отразились на архитектурный образ Якутска?

Целью исследования является поиск историко-художественных процессов в официальном стилистическом направлении Советского союза 1930-е - 1960-е годы в Якутске.

Задачи: определить процесс влияния европейских тенденций архитектуры в стилеобразование г. Якутска конца 1930-х — 1960-х годов; выявить региональные особенности советского неоклассицизма г. Якутска.

Классицизм- выражается в достаточно строгой регламентации в планировочной схеме, в формообразовании и в организации пространственной среды перед фасадом. В СССР до первой волны неоклассицизма вполне естественно формировался модернизм, который определялся свободной формой и планировкой. Силуэты данных зданий или групп зданий

отчетливо транслируют свободомыслие. Данный посыл никак не вписывался в государственную политическую идею. Для того, чтобы втиснуть новый образ советского гражданина, классицистические каноны были наиболее приемлемыми.

Неоклассицистическое здание с башней и шпилем обладает, как и должно быть в условиях главенства «официального стиля» сталинской эпохи, симметричной композицией парадного фасада. В Москве и в Ленинграде шпиль проектировали для зданий в значимых участках города, как для жилых домов, организующих центральные магистрали, так и для административных зданий. Архитектура центральных городов Советской России по праву считается окном в европейскую градостроительную школу.

В перспективных рисунках, предложенных Л. Ю. Гальперином для центральной площади, видно, что образ «срисован» с ленинградских видов. Архитекторы были оторваны от природы и не выезжали на местность. Решение принималось исходя из личного опыта и предпочтений архитекторов, которые опирались на градостроительную традицию в Ленинграде. Площадь Ленина в Ленинграде и площадь Ленина в Якутске проектировали в одно время. Проект площади для Якутска и реализованный проект в Ленинграде имеют много общего, в частности, центральным элементом является сооружение с башней и шпилем. Площадь-эспланада, выходящая к Арсенальной набережной Невы, фланкирована зданиями, сооружёнными по проектам М. Е. Русакова (1948–1952) и Н. В. Баранова (1952–1954) в стиле «сталинского ампира». Но сам Финляндский вокзал выполнен по проекту П. А. Ашастина, Н. В. Баранова, Я. Н. Лукина (1955–1960).

На участие ленинградских архитекторов в формировании центра Якутска указывают и О. Г. Карамзин и И. Д. Алексеева. Отчетливо просматривается в наши дни и планировка центральной площади-эспланады, оставшаяся от генерального плана 1939 года и осуществленная, как было задумано в проекте, и разбивка её партера в лучших традициях проектирования Ж.-Б. Леблона, на планировочные идеи которого ориентировались советские архитекторы.

В здании ГУК (главного учебного корпуса) – архитектор С. В. Данилов и инженер Бондарев, отчетливо прослеживается палладианская интерпретация античных форм с торжественной колоннадой, вознесенной на рустованное основание. По проекту ордер предполагался ионический, конечно, в условиях колониального региона без строительной базы являлся «излишеством». В результате его изготовление не было финансировано. Ордер упростили до ступенчатых колец. Архитектор использует рустовку на первом ярусе здания. Тем не менее здание выражено сдержанными классицистическими элементами, колоннадой, портиком. Региональные рамки в архитектуре и строительстве в которых сдерживают, не дают того размаха, который мы можем наблюдать в других городах в лучших произведениях неоклассицизма. Но художественное чутье С.В.Данилова, и его чувство пропорции, знание местного колорита позволило интегрировать новые постройки в Якутске с совершенно новым тогда для города стилем.

Так же региональной особенностью неоклассицизма проявлен в деревянном двухэтажном здании школы №4 в Якутске. В плане представлен буквой «П», фасад расположен по центру, выделен портиком и колоннадой. Типовая характерная рустовка трансформируется в живую облицовку “елочкой”.

Северное проявление советского неоклассицизма в интерьере определяется использованием характерных для данного стиля архитектурным и изобразительным декором и деталями,

выполненными деревом. Двухэтажная деревянная школа №17 наглядный тому пример. В интерьере симметричной и вытянутой в плане располагаются два крыльца по двум концам коридора. Для перил использованы классические балюстрады и характерные, ступенчатые бордюры и плинтуса. На стенах между дверными проемами были установлены деревянные пилястры.

Вывод: В городах центральной России относительно «легко» вписываются образы европейского классицизма. Европейские тенденции архитектуры в стилеобразовании г. Якутска конца 1930-х — 1960-х годов имеют большое влияние. Но претерпевают ряд изменений в масштабе, используемых строительных материалах, что в свою очередь выливается в искажение при воплощении проекта. Строительные и климатические ресурсы приносят свои коррективы вплоть до отказа от проекта, сохранив лишь планировку [Архитектон: известие вузов. Рожина Д. С. Градостроительные концепции проектов 1939 и 1953 годов для центральной части Якутска. Идеи и результаты. Декабрь 2015]. Региональным строительным материалом дело обстоит двояко. В одной стороны производство обходилось дороже предполагаемых расходов в колониальный регион. А с другой, кадровый капитал не предусматривал грандиозных размахов в строительстве. Становится ясно, что проектные задания стоит доверять новоиспечённым местным и приглашенным архитекторам. Которые адаптируют к существующим условиям официальный архитектурный стиль, что и определяет якутские художественные образы сталинского неоклассицизма.

КЛИМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОРОДА ЯКУТСКА КАК ФАКТОР ПОЗИТИВНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

CLIMATIC FEATURES OF THE CITY OF YAKUTSK AS A FACTOR OF POSITIVE SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Авторы: Филиппов Дмитрий Васильевич, Ноев Иван Иванович

Аннотация: Особенности климата Республики Саха (Якутия) на фоне мировых процессов глобального потепления являются благоприятной основой для сезонных видов деятельности, в частности, требующих выполнения в зимний период года. Кроме того, реализация различных региональных государственных программ по содействию развитию экономики и бизнеса является еще одним позитивным аспектом и поводом для развития новых идей и проектов. С 2012 года на базе действующего автодрома дорожно-строительного факультета Северо-Восточного федерального университета проводятся сезонные испытания автомобильных шин. В связи с влиянием глобального потепления в местах проведения современных международных полигонов на процесс тестирования, наличием ключевых преимуществ региона, а также наличием организационных предпосылок университет приступил к реализации масштабного проекта по созданию нового прувинга почва в зоне вечной мерзлоты с арктическим климатом и длительным периодом низких температур. Проекты в области использования уникальных климатических условий предполагают создание испытательных полигонов, исследовательских центров, имеющих испытательное оборудование и позволяющих проводить экспериментальное завершение и испытания опытных образцов оборудования, материалов и технологий в естественных экстремальных условиях. Это направление имеет стратегическое значение федерального и международного масштаба. По сути, речь идет о месте и роли Арктики в обеспечении национальной безопасности страны, ее научно-технического суверенитета.

Ключевые слова: арктический климат, климатические особенности, низкая температура, продолжительность холодного периода, естественный снег, арктические районы, автомобильные шины, испытательный полигон, испытания, конкурентные преимущества территории, территория опережающего развития «Кангалассы».

Annotation: *Features of climate of the Republic of Sakha (Yakutia) against the background of world processes of global warming are a favorable basis for the seasonal types of activity, in particular, demanding execution during the winter period of year. Besides, realization of various regional state programs on assistance in development of economy and business is one more positive aspect and reason for development of the new ideas and projects. Since 2012 on the basis of the existing autodrome of Road Construction Faculty of the North-Eastern Federal University car tires seasonal tests are carried out. Due to the impact of global warming in the locations of the current international proving grounds on process of testing, existence of key advantages of the region and also existence of organizational prerequisites the university started implementation of the large-scale project on creation of the new proving ground in permafrost zone with the Arctic climate and the long period of low temperatures. Projects in the field of use of unique climatic conditions assume creation of proving grounds, research centers having the test equipment and allowing to carry out experimental completion and tests of trial samples of equipment, materials and technologies in natural extreme conditions. This direction has a strategic importance of federal and international scales. In essence, it is about the place and a role of the Arctic in ensuring national security of the country, its scientific and technological sovereignty.*

Keywords: *arctic climate, climatic features, low temperature, duration of cold period, natural snow, Arctic regions, car tires, proving ground, tests, competitive advantages of the territory, territory of the advancing development «Kangalassy».*

Цель исследования. Северные городские агломерации всегда выступают опорными центрами достаточно обширной территории, а их ядра играют роль центрального места. Такие агломерации являются местами концентрации производственных и инфраструктурных мощностей региона, в них концентрируются объекты науки, образования, здравоохранения, культуры, финансовых учреждений и других организаций социальной сферы. Данные агломерации тесно связаны, пусть и немногочисленными транспортными магистралями, с другими городами и сельскими поселениями территории их сферы влияния с целью удовлетворения разнообразных потребностей населения [1]. Неслучайно, по мнению академика А.И. Татаркина, «крупнейшие города являются лидерами инвестиционных, инновационных, социальных процессов, точками экономического роста, и от стратегии их развития во многом зависят темпы прироста экономики всей страны» [2]. Соответственно главной целью исследования является обоснование ключевых преимуществ северного региона для реализации проекта по созданию испытательного полигона.

Методы исследования. Применяемые в исследовании методы обусловлены особенностями методологии исследования изучаемых систем и объектов и относятся к социально-экономическим, естественным и техническим наукам. В работе были использованы динамические, сравнительные методы анализа статистической информации.

Основная часть. В республике большинство городов и поселков характеризуются узкой промышленной специализацией. В советское время возникли небольшие городские агломерации, например: Мирнинская, образовавшаяся в районе добычи алмазов; Нерюнгринская, сложившаяся в районе добычи каменного угля и строительство железной дороги; Тиксинская, обслуживающие нужды порта.

Якутск исторически складывался, развивался и рос, прочно опираясь на окружающую его территорию. В советские годы взаимосвязанность развития Якутска и пригородной зоны чрезвычайно усилилась и усложнилась, приобрела иные масштабы. Это выразилось в

формировании крупнейшей на Северо-востоке страны Якутской городской агломерации, насчитывающей 4 городских поселений и 14 сельских населенных пунктов (в перспективе она будет насчитывать более 20-25 населенных пунктов, включая правобережную часть ее ареала после ввода в эксплуатацию моста).

По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия), численность постоянного населения Республики Саха (Якутия) составила 964330 тысяч человек, в том числе проживающих в городских поселениях 632857 человек, в сельской местности 331473 человек [3]. На сегодняшний день на долю города Якутска приходится 311760 населения, в связи с чем наблюдается самая высокая плотность населения – 89,05 чел. на 1 кв. км, при общем показателе плотности населения по республике – 0,31 чел. В динамике численности населения наблюдается устойчивая тенденция к его росту, так за период с 1990 по 2016 гг. оно увеличилось на 67%. Формирование населения происходит за счет естественного и миграционного приростов.

Климат города Якутска – резко-континентальный, выражающийся в больших колебаниях температуры воздуха как внутри года, так и в течение суток. Зимой рассматриваемая территория находится под преимущественным влиянием сибирского антициклона, обуславливающим повсюду устойчивую морозную погоду. Летом территория находится в основном в области низкого давления. Лето – короткое, жаркое.

Город Якутск находится в зоне распространения вечномёрзлых грунтов. По строительно-климатическому районированию территория города относится к зоне IA и характеризуется как ограниченно благоприятная для строительства зданий и сооружений. Вечная мерзлота обычно залегает неглубоко от поверхности. Глубина поверхностного «деятельного» (т.е. оттаивающего летом) слоя неодинакова и зависит как от характера рельефа местности, так и от характера растительности и состава грунтов. Средняя годовая температура воздуха по м.ст. Якутск составляет минус 10,2°C. Наиболее холодным месяцем в году является январь со среднемесячной температурой воздуха минус 42,1°C. Средняя месячная температура июля, самого теплого месяца, составляет плюс 18,9°C. Средняя годовая, из абсолютных минимумов температура воздуха, составляет минус 25,9°C. Абсолютный минимум температуры воздуха равен минус 64,4°C, а абсолютный максимум – плюс 38,3°C. Снежный покров на территории Центральной Якутии держится в течение 7 месяцев. Первое появление снежного покрова отмечается в сентябре. Первый снег оттаивает на месте. Устойчивый снежный покров образуется в конце октября – начале ноября. Вследствие низких температур зимы и высоких летних годовые амплитуды в Центральной Якутии достигают рекордных значений, как нигде в мире. Средние амплитуды воздуха в Якутске равны 62°C, а абсолютные 100°C и больше. Таким образом, климат г. Якутска является благоприятным условием для специфичных отраслей, требующих проведения различных работ в зимний период времени.

В настоящее время в республике действует две территории опережающего развития – «Южная Якутия» и «Кангалассы». Территория опережающего развития «Индустриальный парк «Кангалассы» создана постановлением Правительства РФ №877 от 21 августа 2015 года. ТОР «Индустриальный парк «Кангалассы» представляет собой многопрофильную производственную и бизнес-площадку. Корпорация развития Дальнего Востока совместно с Правительством Республики Саха (Якутия) и администрацией городского округа город Якутск ведут работы по созданию инженерно-транспортной инфраструктуры на производственных площадках данной ТОР. Резидентами ТОР «ИП «Кангалассы» являются 11 компаний, реализующих проекты с объемом инвестиций более 2,3 млрд. рублей, планируется создать более 270 рабочих мест.

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова является центром создания

инноваций для решения задач устойчивого социально-экономического развития региона и муниципальных образований. В университете в 2017 году создано ООО «Испытательный полигон СВФУ». Цель проекта: строительство испытательного полигона автомобильных шин в зимний период времени на территории опережающего социально-экономического развития «Индустриальный парк «Кангалассы». Главной целью проекта является реализация ключевых преимуществ региона и его социально-экономическое развитие за счет использования природного и человеческого потенциала территории, уникальных климатических условий путем строительства и эксплуатации испытательного полигона.

Главой ОА города Якутска А.С. Николаевым принято решение о выделении земельного участка под строительство нового испытательного полигона СВФУ в районе с. Капитоновка примерной площадью 72 га. Ректором СВФУ, главой ОА, директором ООО «Индустриальный парк «Кангалассы» утвержден План мероприятий (Дорожная карта) по реализации проекта строительства Испытательного полигона автомобильных шин в ТОСЭР «Кангалассы» на 2017-2020 годы от 11.05.2017 г. Получено свидетельство, удостоверяющее регистрацию юридического лица или индивидуального предпринимателя в качестве резидента территории опережающего социально-экономического развития от Акционерного общества «Корпорация развития Дальнего Востока» от 03.04.2018 г., также имеется соглашение №1/P-152 об осуществлении деятельности на территории опережающего социально-экономического развития с Акционерным обществом «Корпорация развития Дальнего Востока».

С августа месяца текущего года начата реализация первого этапа Дорожной карты по строительству полигона: строится Центр сервисного обслуживания, прямолинейный трек протяженностью 1000 метров со снежным покрытием, криволинейный трек протяженностью 1700 метров и ледовые треки разной длины.

Выводы и результаты. Реализация данного проекта обеспечивает следующий положительный эффект для участвующих в нем сторон:

1. Дальневосточный регион России

- привлечение прямых инвестиций, в том числе иностранных;
- повышение инвестиционной привлекательности Дальневосточного региона и страны;
- рост налоговых поступлений в бюджетную систему;
- создание условий для устойчивого социально-экономического развития территории и повышение качества жизни местного населения.

2. Республика Саха (Якутия) / город Якутск

- развитие городских территорий и повышение инвестиционной привлекательности республики и г. Якутска и мкр. Кангалассы;
- расширение международного сотрудничества;
- налоговые поступления в региональный и местный бюджет.

3. Пос. Кангалассы

- рост деловой активности местного сообщества;
- создание новых рабочих мест 32 (нрм);
- рост доходов и повышение качества жизни местного населения.

4. СВФУ имени М.К. Аммосова

- укрепление деловой репутации;

- расширение учебно-научной инфраструктуры и диапазона научных исследований в области материаловедения, мерзловедения и климатологии.
5. Потенциальные клиенты – производители
- получение доступа к объекту, обладающему уникальными характеристиками, такими как, широкий диапазон температур, качество естественного снега, наличие вечной мерзлоты;
 - улучшение логистической схемы доставки шин и оборудования, соответственно, сокращение транспортных расходов для производителей материалов, оборудования и техники стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Литература

1. Шмидт, А.В. Городские агломерации в региональном развитии: теоретические, методические и прикладные аспекты / А.В. Шмидт, В.С. Антонюк, А. Франчини // Экономика региона. 2016. Т. 12, вып. 3. С. 776–789.
2. Татаркин, А.И. Развитие экономического пространства регионов России на основе кластерных принципов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Вологда, 2012. Вып. 3 (21). С. 5–12.
3. Интернет портал Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия): официальный сайт. Режим доступа: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/statistics/population/

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ АРХИТЕКТУРЫ ШКОЛЬНЫХ ЗДАНИЙ В СУРОВЫХ УСЛОВИЯХ СЕВЕРА

PRINCIPLES OF SHAPING THE ARCHITECTURE OF SCHOOL BUILDINGS IN THE HARSH NORTHERN CONDITIONS

Авторы: Войтович Ксения Андреевна

Аннотация: Высокие темпы освоения Севера продолжают, поэтому необходимо повышать и улучшать качество жизни в этих регионах. Ведется активное строительство общественных и гражданских зданий, внедряются новые строительные материалы и методы строительства зданий, все это с учетом требований климатических условий. Особое внимание для комфортного проживания уделяется проектированию объектов социальной инфраструктуры - школьных зданий. Проблема их дизайна для северных регионов имеет первостепенное значение в суровых климатических условиях, когда речь идет о создании полноценной среды для жизни и развития детей. В документе рассматриваются основные принципы формирования архитектуры школьных зданий в суровых северных условиях, такие как: минимальная пешеходная доступность; компактное размещение школьных зданий внутри жилого района; формирование художественного образа школьного здания; многофункциональное использование; гибкость структуры планирования и эстетического воздействия на студентов. При проектировании школьных зданий на Севере необходимо стремиться к формированию выразительного архитектурного дизайна, гармоничного взаимодействия архитектуры и природной среды.

Ключевые слова: школьные здания, формирование принципов архитектуры, архитектурно-планировочные решения.

Annotation: Nowadays a high growth in the development of the North continues, therefore it is necessary to increase and improve the quality of life in these regions. The active construction of public and civil buildings is carried out, new building materials and methods for the construction of buildings are being introduced, all that taking into consideration that climatic conditions requirements are observed. Special attention for comfortable living is given to the design of social infrastructure objects - school buildings. The problem of their design for the northern regions is of paramount importance in harsh climatic conditions when it concerns creating a full-fledged environment for children's life and development. The paper addresses the basic principles of shaping the architecture of school buildings in the harsh northern conditions, such as: minimum pedestrian accessibility; compact placement of school buildings inside the residential area; the formation of the artistic image of the school building; multifunctional use; flexibility of planning structure and aesthetic impact on students. When designing school buildings in the North, it is necessary to strive for shaping expressive architectural design, harmonious interaction of architecture and natural environment.

Keywords: school buildings, shaping principles of architecture, architectural planning decisions.

Общеизвестно, что школьные здания составляют одну из важнейших сторон организации города, поселка и других жилых территорий. Поэтому школьные здания на северных территориях, не могут быть решены без учета их взаимосвязи с объемами жилищного строительства, определяемыми градостроительной структурой. Суровые условия территорий Севера отличаются от других регионов страны, что особым образом отражается на размещении школьного здания в градостроительной среде города или поселка. Радиус пешеходной доступности минимальный от жилой зоны, с учетом сильных ветров и продолжительностью полярных ночей. Эта особенность реализуется в компактном размещении домов внутри квартала, сведении к минимуму больших площадей и разрывов между зданиями. Компактная форма школьного здания сокращает теплопотери, так же для удобства создаются закрытые переходы между зданиями. На это влияют погодные условия из-за низкой температуры, сильными ветрами, пургой, большим количеством снега, влажности, количеству поступающей солнечной радиации.

Архитектурно-планировочное решение школьного здания имеет основные учебные зоны различные функциональные помещения – учебные и рекреационные. Учебные помещения – важные структурные элементы, от которых зависит решение планировки школы, в условиях сурового климата увеличены минимальные площади, это способствует более гибкому их использованию. Но так уменьшается освещенность, поэтому решаются вторым светом со стороны рекреации или верхним светом в учебном помещении. Тем самым архитектурно-планировочное решение должно обеспечивать быстрый доступ ко всем учебным помещениям и позволит ученикам осваивать их в свободное время, при этом не позволяя пересекаться старшим и младшим блокам. Ориентация помещений должны быть направлены на восток, юго-восток, юго-запад. Рекреации являются основным местом отдыха, поэтому их рациональное решение способно повысить эффективность учебного процесса и улучшить условия для проведения внешкольных мероприятий. Внутренние рекреации решаются развитым, емким пространством с многоплановым и многоуровнем построением из-за суровых климатических условий.

Создание архитектурно-художественного решения здания школы зависит от учета многих факторов: природно-климатических условий и градостроительной ситуации, применяемых планировочных и конструктивных решений, национальных традиций и т.д. Школьные здания играют в жилой застройке и городской структуре важную роль, они делают их более живописными и разнообразными. Этому способствуют контрасты в этажности, когда идет сочетание многоэтажных жилых домов с школьными зданиями, в конфигурации зданий, в применении стеновых материалов и др. Помимо этого, на участке использованы образные сооружения: крытые и защищенные игровые площадки, катки, тепловые переходы, малые формы и т.д. Существенное влияние несет конструктивные решения, которые обуславливают не только внутреннее пространство, но и особенности структуры фасадов. Немаловажное значение несет особое колористическое решение здания школы на северных территориях. Цвет как неотъемлемое свойство формы и пространства в архитектуре, является средством создания визуально комфортной среды обитания. При помощи цвета в гармоничном сочетании с архитектурной формой сделать школьное здание внешне привлекательным, эстетически полноценным. Колористическое решение служит в роли визуальной коммуникации для северных территорий. Обеспечить соответствие объекта его месту в общей объемно-пространственной композиции и его функциональному назначению. Поэтому желательное применение ярких цветов. А также создание внутренней и внешней эстетической среды для учащихся, создание в интерьере живой атмосферы, преодоление замкнутости пространства с помощью введения природных мотивов, малых форм, элементов дизайна и цвета.

Из изученного материала подводим итог, что школьные здания несут важную роль в развитии

детей. Архитектура школы основывается на единстве здания с природным окружением и раскрытыми интерьерами на природу. Здание школы должно обладать выразительным силуэтом, пластикой, привлекательными формами с учетом традиций коренных народов Севера, климатическими условиями и взаимосвязи со структурой населенной территории. Архитектура школьного здания должна быть в целом, несмотря на сложность объемно-планировочной структуры, простой, удобной для пользования, органически увязанной с окружающей средой. Кроме того, школьное здание должно способствовать созданию благоприятного психологического и визуального климата, вызывать у учащихся положительные эмоции, что имеет непосредственное отношение к воспитательному процессу.

Библиографический список:

1. Ю. М. Гончаров История проектирования и строительства гражданских зданий на Севере : учебное пособие, г.Красноярск: Сиб.федер.ун-т, 2012.–316 с.
2. Б. М. Полуй Архитектура и градостроительство в суровом климате. (экологические аспекты): Учебное пособие для вузов. Л.:Стройиздат. Ленингр. отд-ние, 1989.– 300 с., ISBN 5-274-00011-8

Холод как преимущество. Культурные пространства северных городов (традиции, инновации, креативные технологии)

ХОЛОД КАК ПРЕИМУЩЕСТВО: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НИЗКИХ ТЕМПЕРАТУР В ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ ЯКУТИИ (ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ)

COLD AS AN ADVANTAGE: USING LOW TEMPERATURES IN THE LIFE OF ACTIVITIES OF RURAL COMMUNITIES OF YAKUTIA (TRADITIONS AND MODERNITY)

Авторы: Сулейманов Александр Альбертович

Annotation: *In the article, preliminary results of the research project implemented under the guidance of the author on the attempt of a historical and anthropological reconstruction of the evolution of the value of the use of a prolonged period of stable low temperatures in the socioeconomic practices of rural communities of Yakutia based on the known complex of archival data, analysis of scientific literature and materials of their own field research are presented. Within the framework of the performed reconstruction three main blocks were marked. As it was established, "cold resources" occupied the main position in the feed system of the rural communities in Yakutia. The possibility of all-the-year-round storage of food products in special ice-boxes, of deep freeze use at their preparation, as well as transportation of perishable food has played a major role in villagers' life. Despite the gradual decreasing of "cold resources" significance in historical retrospective to 1940-s in this respect due to both and subjective factors, they continued to preserve their considerable importance in the feed system of the rural communities in Yakutia. On the opposite, the role of "cold resources" in ensuring of transport linkages across the vast Yakutia areas is characterized by the gradual increase of significance as the autarky of rural communities decreased and their dependence on imported products increased. The performed field work and study of archive materials have demonstrated that "cold resources" usually played significant role in sanitary and hygiene respect or, at least, in Yakutia rural population's perception of freeze as an important means of health care.*

Keywords: *Yakutia, Indigenous Peoples, rural population, traditional economy, cold climate*

Если в сознании значительной части населения мира самой холодной страной является Россия, то в восприятии россиян к одним из наиболее «суровых» регионов в этом плане справедливо относится Якутия. Именно на территории республики расположены два населенных пункта, уже достаточно длительное время борющихся за звание «Полюса холода» северного полушария нашей планеты. Продолжительность устойчивых низких температур в целом ряде районов Якутии достигает 8–9 месяцев.

Подобные климатические особенности, естественно, влияют фактически на весь спектр аспектов жизнедеятельности населения Якутии и, прежде всего, той ее части, которая проживает в сельских районах – именно селяне максимально зависимы от природной среды. Не менее естественно то, что данное влияние уже несколько веков находится в фокусе

внимания исследователей, включая классиков отечественного и мирового североведения: В.Г. Богораза, В.И. Иохельсона, И.С. Гурвича, В.А. Туголукова и др. Вместе с тем, как это не показалось бы парадоксальным, несмотря на огромный фронт работы, проделанный названными выше и другими учеными, климатические условия зимнего времени в Якутии рассматривались практически исключительно в качестве агрессивной и опасной для жизни среды, к которой было необходимо адаптироваться (соответствующие жилища, одежда, хозяйственная деятельность, социальные, медицинские и психологические аспекты и т.п.). Холод в такой трактовке выступает лимитирующим фактором для социально-экономического развития сельских сообществ.

Автор же предлагаемого доклада разделяет точку зрения специалистов, несколько последних лет разрабатывающих под руководством академика РАН, директора тюменского Института криосферы Земли СО РАН В.П. Мельникова новое направления изысканий – криософию, о том, что устойчивые низкие температуры являются также и источником дополнительных возможностей. По терминологии автора – «ресурсами холода».

В связи с этим в докладе впервые в отечественной историографии и на основе выявленного комплекса архивных данных, анализа научной литературы и материалов собственных полевых изысканий предполагается представить предварительные результаты реализуемого под руководством автора исследовательского проекта, посвященного историко-антропологической реконструкции эволюции значения «ресурсов холода» в хозяйственных и социокультурных практиках сельских сообществ Якутии, оценки их роли в современной системе жизнеобеспечения селян.

Аккумулированный на данный момент исследовательский материал позволяет сделать вывод о том, что если в целом ряде моментов, в первую очередь, в связи с технологическим прогрессом роль «ресурсов холода» снизилась, то в других случаях это значение напротив усилилось. Так, возможность круглогодичного хранения продуктов питания в специальных ледниках, использования глубокой заморозки при их приготовлении, а также транспортировки скоропортящейся пищи традиционно играли в жизнедеятельности селян значительную роль. Несмотря на постепенное снижение в исторической ретроспективе к середине XX в. значения «ресурсов холода» в этом отношении под влиянием как объективных (технологический прогресс, развитие сети коммуникаций, усиление влияние русской и общеевропейской кулинарной мод и др.), так и ряда субъективных факторов, они продолжают сохранять серьезное значение в системе питания сельских сообществ Якутии.

Роль «ресурсов холода» в обеспечении транспортных связей на обширных пространствах Якутии, напротив, характеризовалась постепенным усилением своего значения по мере снижения автаркичности сельских сообществ и повышения их зависимости от привозной продукции. При этом сильнее всего от состояния транспортных зимников зависели и зависят удаленные и малоосвоенные северные районы, где продолжительность зимнего времени превышает 8 месяцев в году. В частности, проведенная работа позволила установить, что все три существовавших в начале XX в. пути снабжения Колымского региона Якутии опирались на возможности, которые предоставляло наличие продолжительного периода устойчивых низких температур. В настоящее же время автомобильные зимники составляют порядка 60% общей протяженности дорог в Якутии. При этом по ним перевозится 80% всех грузов.

Проведенная полевая работа и изучение архивных материалов показали, что «ресурсы холода» традиционно играли существенную роль в санитарно-гигиеническом отношении или, как минимум, восприятию сельским населением Якутии мороза в качестве важного средства охраны здоровья. До наших дней сохранили свое значение заготовка льда и последующее

круглогодичное употребление талой воды, как один из способов повышения качества жизни селян. Кроме того, было выявлено, что в целях дезинфекции жилых помещений и белья представителями сельских сообществ Якутии активно использовалось их вымораживание в наиболее холодные зимние месяцы. Низкие температуры, согласно сохранившимся архивным данным, нашли применение и в народной медицине как средство анестезии. Еще одним санитарно-гигиеническим аспектом «ресурсов холода», сохранившим свою актуальность и в наше время, является чистота улиц в населенных пунктах в зимнее время года.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 31. Оп. 1. Д. 330.
2. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 583.
3. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 640.
4. Николаев-Сомоготто С.И. Пища якутов (в свете соседних культур). – Якутск: Якутский край, 2009. – 168 с.
5. Полевые материалы автора. Исследования в населенных пунктах Хангаласского, Мегино-Кангаласского, Амгинского и Оймяконского районов Якутии (2017–2018 гг.)
6. Саввин А.А. Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии). – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2005. – 376 с.
7. Санкт-Петербургский филиал Архива (ПФА) РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 58.
8. ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 156.
9. ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 171.
10. Чикачев А.Г. Русские в Арктике: полярный вариант культуры: историко-этнографические очерки. – Новосибирск: Наука, 2007. – 303 с.

АДАПТАЦИОННЫЙ МЕХАНИЗМ ЭТНОСА САХА К ГЕОГРАФИЧЕСКОМУ ЛАНДШАФТУ КРАЙНЕГО СЕВЕРА

ADAPTATION MECHANISM OF THE SAKHA ETHNOS TO THE GEOGRAPHICAL LANDSCAPE OF THE FAR NORTH

Авторы: Ушницкий Василий Васильевич

Аннотация: Целью исследования является изучение адаптации этноса саха к условиям Крайнего Севера. Методы исследования включают геокультурные методы и анализ этнографических текстов. Общим методологическим основанием для подобного рода междисциплинарного взаимодействия становится понятие геокультуры, как процесса и результата развития географических образов в конкретной культуре. Статья посвящена проблеме адаптации якутского народа к суровым условиям Крайнего Севера. Еда, одежда, жилище, традиционные занятия, ведение хозяйства – все требовала инноваций для проживания северных тюрков-скотоводов в условиях долгой, продолжительной зимы. В связи с этим рассматриваются механизмы адаптационного процесса и влияние ландшафта на формирование культуры жизнеобеспечения. Историко-культурный ландшафт народа саха, ассоциируется с Арктикой и Крайним Севером. Прежде всего, саха являются скотоводческим народом и их заслугой является распространение скотоводства на северных широтах. Якуты – тюркоязычный народ и с трудом вписываются в арктический ландшафт. Их этногенез связан с территорией Центральной Азии. Но с течением времени они так укрепились в Арктике, что северные территории России ассоциируются с ними. Якуты распространили скотоводческую культуру в арктические, северные районы. В суровых условиях занимались сенокосом, создав условия для содержания крупного рогатого скота. Аласы – карстовые долины, возникшие посредине тайги путем таяния ледника, имеющие посредине обязательно озеро, стали ландшафтной колыбелью якутского этноса, создавшей его неповторимый облик. Многочисленные аласы Центральной Якутии якутские скотоводы приспособили для расположения сайылыков – летников и кыстыков – зимников, а также сенокосных и пастбищных угодий.

Ключевые слова: адаптация, Крайний Север, саха (якуты), географический ландшафт, холод и человек

Annotation: *The aim of the study is to study the adaptation of the Sakha ethnos to the conditions of the Far North. Research methods include geocultural methods and analysis of ethnographic texts. The general methodological basis for this kind of interdisciplinary interaction is the concept of geoculture as a process and result of the development of geographic images in a particular culture. The article is devoted to the problem of adapting the Yakut people to the harsh conditions of the Far North. Food, clothing, housing, traditional activities, housekeeping - all required innovation for the northern Turks, herders in a long, long winter. In this regard, the mechanisms of the adaptation process and the influence of the landscape on the formation of a culture of life support are considered. The historical and cultural landscape of the Sakha people is associated with the Arctic and the Far North. First of all, the Sakha are cattle-breeding people and their merit is the spread of cattle breeding in the northern latitudes. Yakuts are Turkic-speaking people and hardly fit into the arctic landscape. Their ethnogenesis is associated with the territory of Central Asia. But over time they became so entrenched in the Arctic that the northern territories of Russia are associated with them. Yakuts spread cattle culture in the arctic, northern areas. In harsh conditions, engaged in haymaking, creating the conditions for the maintenance of cattle. Alas - karst valleys that arose in the middle of the taiga by melting a glacier, having a lake in the middle, became the landscape cradle of the Yakut ethnic group, which created its unique appearance. Numerous alas of Central Yakutia, the Yakut cattle-breeders adapted for locating sayylks - letniki and kystykov - winter roads, as well as hay and pasture lands.*

Keywords: *adaptation, the Far North, Sakha (Yakuts), geographical landscape, cold and man*

Целью исследования является изучение адаптации этноса саха к условиям Крайнего Севера.

Методы исследования включают геокультурные методы и анализ этнографических текстов. Общим методологическим основанием для подобного рода междисциплинарного взаимодействия становится понятие геокультуры, как процесса и результата развития географических образов в конкретной культуре.

Описание исследования. Локальная культура якутов XVII в. в ходе распространения на территорию Северо-Востока Сибири и превращения в магистральную культуру; вбирает в себя лексику, культурно-хозяйственный быт и этнический состав тунгусов (эвенков), юкагиров и русских Севера.

Алаасные экосистемы строились из наличия четырех основных факторов (водных ресурсов, близости леса для отопления, удобных пастбищ и сенокосных угодий). Антропогенный ландшафт преобразовывался упорным трудом скотоводов. Кочковатая почва постепенно превращалась в ровную долину, озера спускались и получались луга, путем поджога очищалась тайга и на ее место вырастали удобные пастбища. Все эти геофакторы без которых нельзя даже подойти к осмыслению процессов этно и культурогенеза, необходимо оценить через применение междисциплинарных подходов: мерзлотоведения, этнографии и археологии.

Одежда якутов шуба, торбаса, кухлянки, меховые шапки и рукавицы, все было приспособлено, чтобы выдержать суровый якутский холод в продолжительный зимний период. Не просто выдержать 50-60-е градусные морозы, но и работать в таких условиях, чтобы одежда была теплой и удобной во время работы в суровые морозы.

Якутский балаган является очень удобным жилищем в условиях Крайнего Севера. Подобные жилища распространены по арктическому региону от Скандинавии до Якутии.

Якутское коневодство удивительное явление в общечеловеческой цивилизации. В полюсе холода якуты распространили северную породу лошадей, окультурили огромные таежные пространства. Удивительны взаимоотношения людей и коней в Арктическом пространстве. Одежда, посуда, культура питания, национальный праздник Ысыах, эпос Олонгхо, религиозные верования якутов пронизана почитанием лошади.

Результаты исследования. Привнесение якутами в эти суровые условия воспроизводящего хозяйства (скотоводства) можно считать настоящим прорывом в цивилизационном освоении Севера.

КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В УСЛОВИЯХ ХОЛОДА

THE CREATIVE INDUSTRIES OF CITY SPACE IN THE CONDITIONS OF COLD

Авторы: Михайлова Александра Викторовна

Аннотация: Исследование посвящено анализу понятий креативность, креативные индустрии и креативное пространство. Города перестраиваются с традиционного промышленного производства на нематериальное, производство знаний и технологий; сообщества объединяются по принципу профессиональной деятельности в сфере нематериального производства. На первый план выходят креативные индустрии, в основе которых базовыми являются идеи и знания. Креативные индустрии с высокой добавочной стоимостью приходят на смену традиционным отраслям. В соответствии с требованиями smart-экономики городские пространства должны переформатироваться, что соответствовать требованиям основной движущей силы этой экономики – креативного класса. В условиях холода городские пространства имеют особенности. Креативные пространства городских поселений — это публично доступные места города, где люди могут свободно самовыражаться, обмениваться идеями, демонстрировать другим результаты своего творчества и коммуницировать. Креативные индустрии формируют креативный класс. Цель исследования показать направления развития креативных индустрий городского пространства в условиях холода. Методы исследования сравнительный анализ, метод наблюдения, метод нарративного анализа и дискурса. Проведен анализ, что институциональная основа восприятия городского пространства является особой системой социальных отношений. Городские пространства в условиях холода - это чаще всего северные территории, в которых решающую роль играет транспортная доступность, что невозможно без создания современных транспортных коммуникаций. Города в условиях холода представляют собой особую систему взаимоотношений людей и городского пространства. Развитие креативных индустрий в условиях холода затрагивает не только традиции их становления, но и определяют необходимость их развития на принципиально новых подходах освоения территорий.

Ключевые слова: Творческие индустрии, городское пространство, северные города, тенденции современного общества.

Развитие креативных индустрий городского пространства – концепции, отвечающие трендам современного общества, вызовам урбанистического кризиса. Яркое проявление тенденций глобальной трансформации индустриальной экономики в инновационную экономику наблюдается в настоящее время в городах. Современный креативный город характеризуется как мобильное, разнонаправленное и постоянно трансформирующееся социальное пространство. Сейчас мы говорим о поколении города 4.0., формирование городского пространства, формирующий прорыв в новую городскую реальность (умная среда, цифровое пространство, технологически продвинутые локации).

Цель исследования показать направления развития креативных индустрий городского пространства в условиях холода. Методы исследования дискурс-анализ, наблюдение, метод нарративного анализа. Проанализированы материалы, посвященные анализу креативных

индустрий в городских пространствах, позиционирование (имидж, бренд) городских пространств. Дискурс обсуждения вокруг понятия креативность, креатосфера, креативный класс, с другой стороны, имидж и уникальность северных городов, холод как магнит привлекательности территории. Креативные индустрии проявляются в креативных пространствах. К креативному классу можно отнести тех, кто в рамках профессиональной или социальной деятельности является создателем инноваций, генератором развития, создает и развивает «точки роста».

Бондарская Т.А. отмечает, что американский урбанист Саймон Эванс определяет «креативные пространства как сообщества творчески ориентированных предпринимателей, которые взаимодействуют на замкнутой территории» [1, С. 123]. Мы согласны с исследователями, что креативные индустрии должны иметь ключевые признаки креативности: новизна, релевантность, оригинальность, эффективность.

Проанализировав работы исследователей (Бондарская Т.А., Назукина М.В., Панкратова Д.А., Adam Stępień, Jin-Liao He & Hans Gebhardt и многих других), мы пришли к выводу, что креативные пространства в городской среде имеют несколько функций. Следующие функции: экономическая (оборот ресурсов, регистрация бизнеса, оплата налогов), социально-экономическая (новые рабочие места, самозанятость, организация площадок для организации творческой среды), образовательная, культурная, организация эстетического пространства, функция досуга и свободного времени. В своей диссертации Панкратова Д.А. выявила дискурс креативности – измерения, которые позволяют проанализировать место креативности в пространстве на примере города Екатеринбурга, выделены признаки типологии креативных пространств современного городского пространства. Данные признаки могут стать основой анализа развития креативных индустрий северных городов.

Мы провели сравнительный анализ креативных индустрий в северных городах, опираясь на метод наблюдения и метод нарративного анализа. В целях исследования мы были в следующих местах: Якутск, Мирный, Архангельск и Мурманск в России; Оулу и Хельсинки в Финляндии; Акюрейри и [Исафьордюр](#) в Исландии; Анкоридж и Фербенкс в США; провинция Юкон в Канаде; Упсала и Умео в Швеции и выявили особенности развития городского пространства. Можно сделать вывод, что экономический успех городов в информационном и цифровом обществе в условиях холода зависит от того, насколько они смогут сфокусироваться в своем развитии на производстве идей, технологий и других инноваций нематериального свойства.

Городские пространства в условиях холода имеют свои особенности для развития креативных индустрий. Во-первых, низкая температура воздуха (природно-климатический фактор, комплекс метеорологических воздействий) отражается на организации городского пространства. Во-вторых, социально-экономические, экономико-географические и медико-биологические факторы определяют виды креативных индустрий. В-третьих, менталитет людей и культурные факторы оказывают постоянное воздействие на процессы социальных изменений и развития креативного пространства, городского имиджирования. Географические и климатические особенности, в отличие от социальных, культурных или политических, являются природными и поэтому обладают низкой степенью управляемости. В силу определенных факторов плотность населения городов в условиях холода более низкая, чем регионов, расположенных в более благоприятных климатических зонах.

Сделаны выводы, что креативные индустрии городов в условиях холода определяют следующие направления: 1) среда формирования креативного класса, креатосферы, новых рабочих мест и форм занятости и самозанятости; 2) развитие пространства для воплощения

сценариев будущего (реализация стратегических документов социально-экономического развития территорий (муниципальных образований)); 3) сочетание традиционных и альтернативных индустрий для диверсификации рисков в условиях неопределенности и кризиса; 4) повышение туристической привлекательности городской среды; 5) городское имиджирование и формирование креативного актора (кластера).

Для развития креативных индустрий в городской среде в условиях холода должна быть четко выстроена система поддержки, включающая льготную аренду, систему микрокредитов, работу венчурных инвестиционных фондов, консультирование и сопровождение. Инструменты: географические и климатические особенности; исторический и культурный потенциал; вовлеченность всех субъектов инфраструктуры; образование и экономические стимулы.

Литература

1. Бондарская Т.А. Инновационное развитие региона: формирование креативной среды // Новая наука: современное состояние и пути развития. – 2015.- № 4. – С. 123-126
2. Назукина М.В. Арктические смыслы в позиционировании регионов российской Арктики // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arkticheskie-smysly-v-pozitsionirovanii-regionov-rossiyskoy-arktiki> (дата обращения: 20.11.2018).
3. Панкратова Д. А. Креативные индустрии в пространстве Екатеринбурга: магистерская диссертация — Екатеринбург, 2017. -153 с.
 - Adam Stępień (2016) Other futures for Arctic economies? Searching for alternatives to resource extraction // <https://www.springer.com/.../9783319166094-c2.pdf>? (дата обращения 19.11.2018)
5. Jin-Liao He & Hans Gebhardt (2014) Space of Creative Industries: A Case Study of Spatial Characteristics of Creative Clusters in Shanghai, European Planning Studies, 22:11, 2351-2368, DOI: [1080/09654313.2013.837430](https://doi.org/10.1080/09654313.2013.837430)

ЮКАГИРСКАЯ ОБЩИНА «ТЭКИ ОДУЛОК» – ЛОКУС ДРЕВНИХ ОХОТНИКОВ ПРИПОЛЯРНОЙ ЯКУТИИ

Авторы: Жукова Людмила Николаевна

Аннотация: Обращается внимание на проблему сохранения локуса таежных охотников на лося, который представляют лесные юкагиры верхней Колымы. Ранние этапы истории юкагиров соотносятся с носителями сумнагинской археологической культуры Якутии. Этническим ядром сумнагинцев рассматриваются уралоязычные племена – предки юкагиров. В неолите и в период ранних металлов Якутию заселяли пришлые племена, что привело к размыванию уралоязычного субстрата. В начале II тыс. н.э. племенные образования юкагиров из Южной и Центральной Якутии отступили на северо-восток. В XVIII в. юкагиры жили вдоль северных границ Якутии. С XX в. значатся две территориальные группы: нижнеколымские тундровые оленеводы (вадулы) и лесные охотники на лося, пушного зверя, рыболовы верховьев Колымы (одулы). Этнической территорией одулов являются земли наследной администрации села Нелемное Верхнеколымского улуса РС(Я) и юкагирской родовой общины «Тэки Одулок». Юкагиры общины ведут сложившееся в древности присваивающее хозяйство со специфическим годовым хозяйственным циклом (ГХЦ) и репрезентируют локус древних охотников Северной Азии. Одулы заинтересованы в сохранении *in situ* своего «кормящего ландшафта». В мировоззрении сочетают хозяина «кормящего ландшафта» и языческого просителя у природы. Община при полукочевом ГХЦ не может вести многоотраслевое производящее хозяйство, предлагавшееся для оптимизации деятельности. «Кормящий ландшафт» одулов (до 300 человек) продолжает сокращаться. Предлагается признать территорию родовой общины «Тэки Одулок» охраняемой природной и культурно-экономической зоной Международного значения. Сохранение локуса тайги в приполярной Якутии как «кормящего ландшафта» обеспечит существование уникальной охотничьей одульской культуры в исторической перспективе.

Ключевые слова: Якутия, юкагиры, территория, охотники, родовая община, сохранение.

В исследовании обращено внимание на локус древних охотников на лося таежной зоны Евразии, который сохранился к началу XXI в. на ограниченной территории приполярной Якутии. Показано, что ранние этапы истории юкагиров-охотников соотносятся с сумнагинской археологической культурой Якутии. Возможным этническим ядром сумнагинцев были уралоязычные племена – предки юкагиров. В неолите и в период ранних металлов Якутию заселяли пришлые племена, что привело к размыванию уралоязычного субстрата. Показателями пришлой культуры являются грунтовые захоронения, не свойственные традиционной похоронной обрядности юкагиров. В начале II тыс. н.э. племенные образования юкагиров из Южной и Центральной Якутии отступили на северо-восток. Памятниками юкагирской культуры на этих территориях являются топонимы, гидронимы, наскальные рисунки, археологические материалы стоянок и мастерских. В XVIII в. юкагиры жили вдоль северной границы Якутии. С XX в. по статистическим данным значатся две территориальные группы. На р. Колыме в нижнем течении проживают оленеводы, тундровые юкагиры (вадулы). Верховья р. Колымы занимают лесные юкагиры (одулы), охотников на лося, пушного зверя, перелетную птицу, летом и осенью – рыболовы. Село Нелемное Верхнеколымского улуса РС(Я) является центром наследной администрации и юкагирской родовой общины «Тэки Одулок».

С использованием методов историко-системного и геокультурного анализа показано, что юкагиры родовой общины «Тэки Одулок» сохраняют сложившийся еще в древности присваивающий тип хозяйства и репрезентируют локус древних охотников на лося Северной Евразии. Одулы занимают пассивную позицию к своему «кормящему ландшафту» и заинтересованы в длительном сохранении его *in situ*. В мировоззрении сочетают хозяина «кормящего ландшафта» и языческого просителя у природы.

С организацией колхозов в Колымском крае в 1930-х гг. лесные юкагиры стали осваивать новые виды хозяйственной деятельности: животноводство, звероводство, огородничество. В перестроечный период 1990-х гг. создавались и распадались одна за другой родовые общины «Юкагир», «Розовая чайка», «Тэки Одулок», «Одул». Предполагалось заниматься заготовкой и вывозом древесины, шитьем меховых изделий, туризмом. Многие начинания, просуществовав короткое время, распадались. Основная причина кроется в традиционном годовом хозяйственном цикле (ГХЦ). Мужское население ведет полукочевой образ жизни. Осенью охотники выезжают на места промыслов пушных зверей, добывают лосей для личного потребления и возвращаются в конце зимы – начале весны. Летом с семьями выезжают на рыбную ловлю, осенью идет массовая заготовка рыбы. В межсезонье промысловикам перепадает случайные заработки. Единственным домашним животным с древности является собака. Юкагирская община «Тэки Одулок» при таком ГХЦ не может вести многоотраслевое производящее хозяйство, предлагавшееся для оптимизации ее деятельности.

«Кормящий ландшафт» одулов (до 300 чел.) продолжает сокращаться. Последние территориальные потери произошли в 1974 г.: в ведение Верхнеколымского района отошли лучшие охотничьи угодья по притоку р. Колымы – р. Шаманиха. В 1990-х гг. там нашли золото, началась его разработка старателями. В условиях поликультурного пограничья сохранение гармонии природного и общественного снижает напряженность иноэтнического влияния. Нарушение этого баланса ставит под сомнение дальнейшее существование раритетной одульской культуры.

В области национальной политики для сохранения уникального локуса древних охотников таежной зоны Сибири, уцелевшего на ограниченной территории Верхнеколымского улуса РС(Я), экономически выгодно не продолжать попытки реформирования возникшего еще в каменном веке ГХЦ, а признать территорию юкагирской родовой общины «Тэки Одулок» в качестве особо охраняемой природной и культурно-экономической зоны Международного значения. Сохранение нетронутой преобразовательной деятельностью человека тайги и ее ресурсов как «кормящего ландшафта» на верхней Колыме обеспечит существование уникальной одульской охотничьей культуры в исторической перспективе.

Литература

Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре. – Ч. II. – Мифологическая модель мира. – Новосибирск: Наука, 2012. – 360 с.

Замятин Д.Н. Геокультурное пространство Арктики: онтологические модели воображения // Геокультуры Арктики: методология анализа и прикладные исследования. – М.: Канон+, 2017. – С. 28-37.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / Пер. с англ. В.Х. Иванова и З.И. Ивановой-Унаровой. – Новосибирск: Наука, 2005. – 675 с.

Каганский В.Л. Культурный ландшафт: основные концепции в Российской этнографии // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. – 2009. – № 1. – С. 62–70.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1977. – 264 с.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF TOURISM OF NORTHERN TERRITORIES

Авторы: Тотонова Елена Егоровна

Аннотация: Одним из направлений диверсификации экономики Севера становится туризм, который является сейчас одним из самых быстро развивающихся отраслей мировой экономики. С развитием глобального туристского рынка происходит смещение развития туризма на Север, способствуя развитию региональных и локальных туристских рынков. Туристский рынок северных территорий ориентирован на формирование новой модели функционирования данной сферы, сочетающей эффективные рыночные механизмы с сохранением традиционного природопользования как составляющей специфических предпринимательских ресурсов Севера (культурное наследие, традиционные знания, родовые общины и др.). В арктических районах Республики Саха (Якутия) развитие туризма имеет, в основном, «неформальный» характер, связанный с неразвитой инфраструктурой, нехваткой квалифицированных кадров, «бездействием» местных органов самоуправления. Туризм в арктических районах Республики Саха (Якутия) может стать процессом нового освоения этих территорий с сопутствующим развитием новых технологий, коммуникаций, инфраструктуры, с повышением профессиональной подготовки местного населения, развития предпринимательства и устойчивого развития. В результате, развитие туризма способствует новому освоению территории – росту предпринимательства, возникновению новых «бизнесов» и создает так называемый мультипликативный эффект.

Ключевые слова: туризм, развитие, Арктика, коренные народы, рынок, диверсификация.

Annotation: *one of the directions of diversification of the economy of the North is tourism, which is now one of the fastest growing sectors of the world economy. With the development of the global tourism market there is a shift in the development of tourism to the North, contributing to the development of regional and local tourist markets. The tourist market of the Northern territories is focused on the formation of a new model of functioning of this sphere, combining effective market mechanisms with the preservation of traditional nature management as a component of specific entrepreneurial resources of the North (cultural heritage, traditional knowledge, tribal communities, etc.). In the Arctic regions of the Republic Sakha (Yakutia), the development of tourism is mainly "informal", associated with undeveloped infrastructure, lack of qualified personnel, "inaction" of local authorities. Tourism in the Arctic regions of the republic can become a process of new development of these territories with the accompanying development of new technologies, communications, infrastructure, with the increase of professional training of the local population, development of entrepreneurship and sustainable development. As a result, the development of tourism contributes to the new development of the territory – the growth of entrepreneurship, the emergence of new "businesses" and creates a so-called multiplier effect.*

Keywords: *tourism, development, Arctic, indigenous peoples, market, diversification*

Одним из направлений повышения конкурентоспособности и диверсификации экономики северных территорий является развитие туризма, способствует созданию новых рабочих мест, притоку инвестиций, росту доходов домохозяйств и бюджетов местного самоуправления, а также решению социальных проблем коренного населения. Развитие туризма является одним из инструментов «нового» освоения канадского Севера, которое в отличие от «старого» освоения ориентировано на использование природосберегающих и информационных технологий.

Среди основных причин зарождения северного туризма можно назвать усиливающуюся из-за массовости туризма нагрузку на традиционные виды туризма, а также развитие средств транспорта и связи. Кроме того, на развитие северного туризма оказывают существенное влияние^[1]:

- уникальные по красоте и притягательности северные ландшафты, которые недоступны в повседневной жизни, а человеку свойственно стремиться к неизвестности, приключениям, новым впечатлениям;
- развитие техники, транспорта, инфраструктуры, которое способствует быстрым и безопасным путешествиям;
- желание знакомства с культурой и бытом коренных жителей Севера;
- возможность охоты, рыбалки, занятия экстремальными видами туризма.

Северный туризм представляет собой вид туризма, для которого характерны все признаки классического туризма, а основой его развития является историко-культурный, природный и социально-экономический потенциал территории. Пространственное развитие северного туризма происходит путем освоения новых районов с формированием региональных и локальных туристских рынков. Виды туризма характерные для северного туризма можно сгруппировать по трем типам туристского природопользования, то есть по особенностям вовлечения природных ресурсов в процессе удовлетворения потребностей туристов.

Основой развития туризма на Севере являются географические и климатические условия, развивающаяся система национальных парков. Появление новых видов туризма способствует к повышению конкурентоспособности и развитию северного туристского рынка путем нового освоения территорий. Появление новых видов туризма, расположенных в определенной местности зависит от характеристики природных ресурсов, историко-культурного потенциала, традиций населения, сложившейся транспортной системой и существующего спроса на глобальном туристском рынке. Любой вид туризма развивается на определенной территории, где при наличии определенной стратегии развития может процветать или затухать.

Туристский рынок северных территорий является важной частью государственной социально-экономической политики, которая в современных условиях ориентирована на формирование новой модели функционирования данной сферы, сочетающей эффективные рыночные механизмы с сохранением традиционного природопользования как составляющей специфических предпринимательских ресурсов Севера (культурное наследие, традиционные знания, родовые общины и др.). На примере развития туризма можно проследить процесс освоения, развития северных территорий и их адаптацию к вызовам глобализации. Следовательно, в качестве основного признака туристского рынка можно использовать территорию и по данному признаку нами выделены глобальные, национальные, региональные и локальные туристские рынки, развивающиеся в разных природно-климатических, историко-культурных и социально-экономических условиях.

Туристская индустрия показывает, прежде всего, территориальный характер туризма, его привязку к определенным природным, национально-историческим и другим особенностям территории. В связи с этим происходит формирование различных уровней территориальных туристских рынков, привлекательных для развития тех или иных видов туризма, которые будут способствовать развитию предпринимательства и пополнению местного бюджета. Кроме того, эффективность развития туристских рынков зависит не только от наличия производственных факторов, но и организационных структур или влияющих друг на друга трехуровневых институтов управления.

Безусловно, происходящие процессы глобализации привели к изменению функционирования отраслей мировой экономики. Происходят изменения в разделении труда, занятости, структуре общественных потребностей. Новые подходы к развитию северных территорий состоят в выработке методов и технологий освоения, направленных на изменение отношения к Северу как источнику ресурсов, на трансформацию пространственной организации хозяйства и системы расселения на Севере, обеспечение его инвестиционной привлекательности и комфортных условий для жизни людей. Такая модель призвана минимизировать затраты по обслуживанию инфраструктурного комплекса при усилении его эффективности, обеспечивая «эффект масштаба» и возможности включения в межрегиональные и международные цепочки добавленной стоимости – как в сетевом (линейно-узловом) подходе[2].

В последнее время в России наблюдается рост внутреннего туризма, что подтолкнула к повышению спроса отдыха россиян на ранее не известные отдаленные районы страны. Рынок туристских услуг в Республике Саха (Якутия) начал развиваться сравнительно недавно, что объясняется географической удаленностью от основных туристских центров, слаборазвитой транспортной инфраструктурой. Особенности пространственного развития арктических районов является расположение их территорий по побережью Северного Ледовитого океана, крупных рек, что связано с использованием рек как естественных транспортных путей и доступом к богатым рыболовным и охотничьим ресурсам. Сложившееся еще со времен советской эпохи инфраструктура арктических районов без соответствующей финансовой поддержки быстрыми темпами приходит в упадок и изнашивается. А не эффективная деятельность институтов занимающихся централизованным регулированием Севера приводит к нерациональному использованию скудных инвестиций выделяемых на развитие арктических районов[3].

В настоящее время труднодоступность территории, слабо развитая дорожная инфраструктура и материально-техническая база усложняет развитию туризма. А уникальностью арктических районов Республики Саха (Якутия) является наличие системы особо охраняемых природных территорий, покрывающих арктический туристский район непрерывной зоной. Где особое внимание уделяется включению региональной системы в существующие российские и международные системы охраняемых территорий. Прибрежное положение вдоль зоны Северного Ледовитого океана при развитии Северного морского пути как международной транспортной магистрали в Арктике может способствовать быстрому развитию полярных круизов, экологического, этнографического туризма[4].

Разработка стратегии развития туризма дает создание механизма формирования современного высокоэффективного и конкурентоспособного туристского комплекса, обеспечивающего значительный вклад в экономику северных регионов[5]. Механизм взаимодействия государственных, региональных, муниципальных структур с туристскими предприятиями является наиболее эффективным методом управления туризмом на Севере. Сетевые взаимоотношения туристских предприятий с государственными органами управления дает возможность совершенствования работы туристских фирм за счет внедрения научных методов планирования, формирования эффективной системы взаимоотношений туристских

предприятий, принадлежащих сфере малого и среднего бизнеса с государственными структурами[6].

Отсутствие согласованного многоуровневого планирования развития туризма в Республике Саха (Якутия), механизм реализации и координации проводимых мероприятий, а также недостаток информации о туристских возможностях районов Республики Саха (Якутия) препятствует развитию туризма в муниципальных образованиях. Следовательно, объединенный поход к развитию туризма, маркетинговых исследований позволяет партнерам координировать свою политику и действия в масштабах республики, разрабатывать и внедрять мероприятия, которые помогают конкурировать в борьбе за потребителей.

Подводя итоги можно сказать, что развитие туристского рынка на Севере становится одним из видов нового освоения и модернизации удаленных территорий. Это определяется тем, что они позволяют снижать стоимость государственных услуг для населения, уменьшают транзакционные издержки, способствуют налаживанию экономических и социальных связей. При этом возникает «эффект нового ресурса», который оказывается доступным и северным территориям и вызывает прямое участие без посредников на региональные и мировые рынки. При новом освоении Севера усиливается регулирующая роль институтов, особенно местного самоуправления, заинтересованных в развитии своей территории. Хозяйственное освоение Севера становится устойчивым, если одновременно наблюдается не только освоение территории, но и сохранение традиционного хозяйства коренных народов, а значит, бережное отношение к окружающей среде[7]. В результате, развитие туризма как одного из вида сферы услуг способствует новому освоению территории – росту предпринимательства, возникновению новых «бизнесов» и создает так называемый мультипликативный эффект.

Литература

1. Саак А.Э., Жертовская Е.В. Управление развитием туристского комплекса муниципального образования. М.: КУРС, ИНФРА-М, 2012. – 304 с.
2. Тотонова Е.Е. Арктические районы Республики Саха (Якутия) и возможности адаптации к рынку // Концепт. – 2014. – № 09 (сентябрь). – ART 14249. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/14249.htm>. – Гос. рег. Эл No ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.
3. Тотонова Е.Е. Использование опыта развития национальных парков северных территорий Канады в Республике Саха (Якутия) // qje.su/regionalnayaekonomikairazvitie/ispolzovanie-opytarazvitiyanatsionalnyhparkovsevernoyhterritorijkanadyvrespublikesahayakutiya
4. Тотонова Е.Е. Роль местных органов самоуправления в формировании системы управления туризмом Республики Саха (Якутия) // Управление экономическими системами: электронный научный журнал, 2014, №62. URL: <http://uecs.ru>
5. Тотонова Е.Е., Слепцов С.Ю. Современные особенности пространственного развития арктических районов Республики Саха (Якутия) // Экономика и управление. №2. Стр. 19-23.
6. Тотонова Е.Е. Туризм на Севере Республики Саха (Якутия): опыт географического моделирования. Якутск : Издательский дом СВФУ, 2016. – 188 с.
7. Totonova E. SUSTAINABLE TOURISM DEVELOPMENT AS THE BASIS OF ARCTIC LANDSCAPE CONSERVATION (CASE OF UST-LENSKIY PROTECTED AREA) IN THE REPUBLIC SAKHA (YAKUTIA), RU // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016, sgemsocial.org, SGEM2016 Conference Proceedings, ISBN 978-619-7105-76-6 / ISSN 2367-5659, 24-31 August, 2016, Book 2 Vol. 5, 663-670 pp, DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2016/B25/S07.087

[1] Тотонова Е.Е. Северный туризм : понятие и классификация / Е. Е. Тотонова // РИСК : Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. – 2010. – № 2. – С. 305- 309.

[2] Totonova E. SUSTAINABLE TOURISM DEVELOPMENT AS THE BASIS OF ARCTIC LANDSCAPE CONSERVATION (CASE OF UST-LENSKIY PROTECTED AREA) IN THE REPUBLIC SAKHA (YAKUTIA), RU // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016, www.sgemsocial.org, SGEM2016 Conference Proceedings, ISBN 978-619-7105-76-6 / ISSN 2367-5659, 24-31 August, 2016, Book 2 Vol. 5, 663-670 pp, DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2016/B25/S07.087

[3] Тотонова Е.Е., Слепцов С.Ю. Современные особенности пространственного развития арктических районов Республики Саха (Якутия) // Экономика и управление. 2014. №2. Стр. 19-23.

[4] Тотонова Е.Е. Арктические районы Республики Саха (Якутия) и возможности адаптации к рынку // Концепт. – 2014. – № 09 (сентябрь). – ART 14249. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/14249.htm>. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.

[5] Саак А.Э., Жертовская Е.В. Управление развитием туристского комплекса муниципального образования. М.: КУРС, ИНФРА-М, 2012. – 304 с.

[6] Тотонова Е.Е. Роль местных органов самоуправления в формировании системы управления туризмом Республики Саха (Якутия) // Управление экономическими системами: электронный научный журнал, 2014, №62. URL: <http://www.uecs.ru>

[7] Тотонова Е.Е. Использование опыта развития национальных парков северных территорий Канады в Республике Саха (Якутия) // qje.su/regionalnayaekonomikairazvitie/ispolzovanieopyta-razvitiyanatsionalnyhparkovsevernyhterritorijkanadyvrespublikesahayakutiya

ЧЕЛОВЕК «СНЕЖНЫЙ»: КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ И ОБРАЗЫ МУЗЕЙНОЙ ВИЗУАЛЬНОСТИ (1893-1954)

Авторы: Степанова Лена Борисовна

Аннотация: *Визуальные образы, сохраненные в виде фотодокументальных материалов, рисунков и сюжетов этнографического кино, являются важной частью реконструкции исторического прошлого в культурной памяти Севера. Автор рассматривает образы коренных народов северо-востока Азии в экспедиционных фотоматериалах российских и советских исследователей. Фотография, рисуночная фиксация и полевая киносъемка были апробированы в методологическом инструментарии российской и советской этнографической науки в качестве универсального способа изучения повседневности коренных народов Севера, задолго до институционализации визуальных исследований в мировой науке в 1960-х гг.*

Ключевые слова: культурная память, музейная визуальность, визуальные исследования, текст культуры, визуальное наследие, авторская интенция.

Annotation: *Visual images, preserved in the form of photographic documentary materials, drawings and plots of ethnographic cinema, are an important part of the reconstruction of the historical past in the cultural memory of the North. The author examines the images of the indigenous peoples of northeastern Asia in expeditionary photographic materials of Russian and Soviet researchers. Photography, illustrated fixation and field filming were tested in the methodological tools of Russian and Soviet ethnographic science as a universal way of studying the daily life of the indigenous peoples of the North, long before the institutionalization of visual studies in world science in 1960s.*

Keywords: *cultural memory, museum visuality, visual studies, culture text, visual heritage.*

В 2000-е гг. проблема выявления и всестороннего изучения визуальных источников, находящихся в государственных и частных собраниях, их интерпретация в современном контексте – становится одним из перспективных направлений этнологической науки. Большой интерес вызвали у широкой общественности издания тематических фотоальбомов по материалам Средней Азии, Центральной России и Сибири, имевших большой информационный резонанс в культурной жизни страны [5; 8; 10; 4]. Данные издания знакомят с историей фотоколлекций в собрании российских архивов и музеев, развития фотожанров в имперской России. Вышли в свет музейные исследования посвященные изучению экспедиционного изобразительного искусства и так называемой «наивной» живописи самодеятельных художников 1920-1930-х гг., сибирскому региональному искусству последней четверти XIX – первой четверти XX в., авторским и тематическим фотоколлекциям из собрания ведущих музеев и архивов России [9; 11; 14; 15, с.139-142; 17, с.38-42; 18, с.309-322; 20, с.91-96]. Однако среди массива научной литературы не представлены исследования посвященные трактовке опыта визуализации Севера в проблемном поле междисциплинарных исследований. В рамках данного исследования рассматриваются визуальные источники, посвященные изучению социокультурным форм адаптации человека в экстремальных условиях холодного мира Северо-Востока России. Эти коллекции, сосредоточенные в различных учреждениях нашей страны представляют собой репрезентативную картину научных исследований российских ученых среди коренных малочисленных народов Крайнего Севера. Интересно что в последних трудах посвященных исследованию северных территорий

России преобладает подход, когда архаичность коренных народов Севера (неразвитость, примитивность и т. д.), представляется перспективным плюсом, при этом сумевшей сохранить самобытную культуру и вписать ее в реалии постоянно развивающегося мира [6, с.5].

Эмпирический анализ массива экспедиционной фотохроники XIX-середины XX вв. как визуальных текстов, четко транслирует изучение этнографии и антропологии северных коренных народов посредством визуальных методов исследования. Так в 1862 г. ученый мир России впервые в лице Н.Н. Бекетова, признал фотографию новым точным методом наблюдения и исследования. Эту дату, можно сказать считать отправной точкой произошедшего в российском научно-исследовательском поле визуального поворота. Именно с этого времени формируется фотографическая часть историко-археологического наследия Азиатской России, включающей огромные пространства Сибири и Дальнего Востока, Туркестана (Средняя Азия) и Закавказья (Грузия, Армения, Азербайджан) [7, с.39]. На протяжении конца XIX-первой трети XX вв. переживавшей трансформацию научно-исследовательской стратегии, авторы которых формировали представление в т.ч. и о развитии человечества у границ Полярного круга, их образе жизни и хозяйственно-культурной адаптации. Широкий охват и тщательный отбор объектов визуальной фиксации, прописываемый в программах и инструкциях российских и советских экспедиций, стал фундаментальной опорой в исследования культурных ареалов северо-востока Азии. Фотографии и рисунки детально отражают бытование собранных экспонатов в современной культуре. А также закономерности и пережитки эпохи родового строя у народов Крайнего Севера в системе религиозных верований и устройства общества.

Обсуждение культурно-идентификационных дискурсов в рамках процесса музейного собирательства, коллаборация идей и коммуникационные практики в рамках научных обществ, практическое применение визуальных методов исследования в социологии и антропологии «примитивных» народов в конце XIX в. внесли решающий вклад в формирование образов музейной визуальности. Ряд крупных экспедиций зарубежных, российских научных обществ и Академии наук СССР образовали огромный фонд визуального наследия «Севера, как институт памяти, на основе которого можно реконструировать многие утраченные элементы традиционной культуры коренных народов. Интерпретация этого массива экспедиционных фотографий в рамках методологического подхода А.М. Варбурга к изучению «всеобщей антропологии» (через «изобразительные символы») а также культурные ареалы распространения этих изображений, интерпретируемых им как «сообщество вспоминающих» можно рассматривать как современную когнитивную карту арктического пространства [1, с.48]. Изучение визуального наследия экспедиций изучавших северные территории у Полярного круга, представляют сегодня ценный антропологический ресурс для широкой научной и общественной аудитории нашей страны, проявляющего интерес к коренным этническим культурам Севера. А также темам северного номадизма и освоения человеком пространства арктических территорий.

Научные изыскания российских и советских ученых позволили преодолеть утилитарный подход к экспедиционной фотографии, разработав свое видение визуальности полиэтнических сообществ, открыв миру уникальные механизмы адаптации хозяйства и жизнедеятельности человека в условиях Крайнего Севера. Разнообразие методологического инструментария экспедиционных исследовательских программ, огромный массив экспедиционных рисунков, этнографической фотографии, кино и видеосъемки характеризующего мир повседневности культуры и образа жизни северных этнических сообществ, а также сбор коллекций для музеев, подчеркивают значение, которое придавало государство изучению и освоению своих северных границ, корни которых ведут к рубежу XVII-XVIII вв. При этом иллюстративные материалы культурных ареалов северных территорий страны имеют визуальные различия и

имеют особую, ярко выраженную «авторскую интенцию», посвященных образу Человека в культурном пространстве Севера.

История заселения человеком арктических территорий началась более 10000 лет назад. Однако в силу особенностей климата, окружающей среды и транспортной логистики продолжает оставаться одним из самых недоступных и малонаселенных. Поэтому представляя образ Севера, преобладающая часть человечества в первую очередь визуализирует картины тундры арктического побережья и пустынных снежных пространств во многом ориентируясь на образы сохраненные в виде фотодокументальных материалов. Действительно, в работах экспедиционных художников и фотографов, которые долгие годы были связаны с изучением северо-восточной части Сибири, в первую очередь бросается в глаза особенности выбранного ракурса. В обязанности экспедиционных фотографов входило фиксирование местности, типов хозяйственных и жилых построек населения, этнических типов. Однако, фотографируя их, почти все они бессознательно создают вокруг объектов и людей пространство. Огромные безлюдные пространства, километры пустоты - символы холода, снега и льда, поневоле имели огромное влияние на их творчество. Среди наиболее часто фиксируемых объектов надо указать символ кочевой Арктики - нарты, основное богатство - северные олени, а также основной вид транспортного обеспечения и культурно-хозяйственной сферы северян - ездовое собаководство. Сопоставление экспедиционных фотографий разных лет выполненных разными фотографами показало, что даже фиксируемые группы людей, неизменно вытянуты по горизонтали. А также доминирует пространственное решение композиции.

В фотографиях разведочной экспедиции **Ленского золотопромышленного товарищества (1893-1894)** преобладают виды горных массивов, дорог, олений гужевого транспорт, рек Витима, Ныгри и Лены, золотые прииски Бодайбо, антропологические типы населения. Альбом Н.А. Виташевского «Якутский край» представляет собой фотодневник Алданской экспедиция Российского золотопромышленного общества **(1896-1899)** под руководством инженера С.А. Подьяконова, в составе членов экспедиции Н.А. Виташевского, А.И. Осипова, С.И. Расторгуева, В.Е. Гориновича провела поиск новых золотоносных территорий в бассейнах рек Алдана и Олекмы, по Юго-Восточной Якутии. Работала в основном на территории Олекминского округа. Основные сюжеты альбома: способы передвижения, олений гужевого транспорт, жилые и хозяйственные постройки, антропологические типы коренного населения, маршрут движения экспедиции, виды Якутска. Интересным визуальным рядом представлена природа Якутского края: ледоход на р. Олекма, типы лесов, срезы берегов рек Алдана, Олекмы, Крестяха, Бэс-Салаа,. Пейзажные фотографии с различными видами геологических и географических пунктов (реки, озера, тайга, берег, скалы и т.д.). В альбоме также представлены виды гг. Якутска, Олекминска, Якутского, Верхоянского и Вилюйского округов [19].

Аяно-Нельканская экспедиция (1903-1904) под руководством В.Е. Попова, в составе членов экспедиции В.М. Ионова, Э.К. Пекарского, А.А. Ховрина, И.М. Щеголева, П.Ф. Теплова вела поиск нового удобного пути между Аянским портом и Нельканом на р. Мае с геодезическими исследованиями. Э.К. Пекарский и В.М. Ионов занимались сбором этнографических коллекций по изучению быта тунгусов. Экспедиция открыла новый путь с удобным перевалом через Становой хребет. В фотохронике преобладают пейзажи холодных, снежных пространств, с редкими видами поселений, жилищ и антропологических типов коренных народов [19].

Феномен визуализации проводившихся исследований, в качестве отдельного

методологического подхода, был успешно апробирован в ходе экспедиционного изучения народов Якутской области Джебзуповской экспедицией. Исследования В.И. Иохельсона для своего времени были оснащены самыми современными средствами для проведения антропометрических и метеорологических исследований, фонографом для фиксации образцов устного народного творчества, а также фотокамерой для ведения фотодокументальной хроники экспедиции. Проведенное ими визуальное исследование населения северо-восточных окраин Российской империи, стал крупнейшим в мировой практике, экспедиционным фотопроектом. По своей репрезентативности и объему, фотодокументальные экспедиционные материалы В.И. Иохельсона и В.Г. Богораз-Тана собранные в ходе экспедиции, посвященные культуре жизнедеятельности народов Севера, продолжают оставаться одними из самых известных и ценных, не потерявшие свою актуальность и по настоящее время. Фактически ими была выполнена фотофиксация единого культурного пространства Севера, а также систем социальных и бытовых форм жизнедеятельности, которая начала в начале XX века только интегрироваться в западный технологический мир.

Среди тематического разнообразия фотосюжетов советского периода, богатыми сюжетами представлены фотохроники экспедиций КЯР и СОПСа. Серии фотографий отличаются тщательным подбором сюжетных кадров иллюстрирующих те или иные стороны развития народного хозяйства. Интересно, что преобладающая роль в фотохронике КЯР и СОПСа отдана теме постепенного вытеснения старого уклада жизни новым.

В фотоматериалах экспедиций КЯР 1920-1930-х гг., преобладает образ человека осваивающего культурное пространство Севера, начальным этапам развития производительных сил и отдельных отраслей народного хозяйства. Проведенные исследования позволили сформировать цельное научное представление о деятельности ученых на Севере европейской и азиатской частей России в области геологии, биологии, геоботаники, зоологии, палеонтологии, гидрологии, этнографии и истории [12].

Фотоколлекция Н.Д. Травина 1927-1928, 1933 - основная тематика штатного фотографа Верхоянского отряда КЯР: пейзаж тундры, панорамные изображения северных населённых пунктов, фиксация уходящей природы, вытесняемой новым бытом [19].

Фотоколлекция В.Н. Васильева 1926 - представляет собой фотоотчет работы Алданского этнографического отряда в Алдане-Майском районе ЯАССР и Аяно-Охотском побережье, преимущественно характеризуют этнографический, демографический, экономический быт полукочевых и оседлых майских эвенков и якутов, проживавших в этом районе. в антропологической серии заметно фокусирование внимания фотографа на антропологических типах, выделение мужчин и женщин с примесью якутской, эвенкийской и русской крови. Много внимания уделено фиксации мира детства. коллекция В.Н. Васильева прекрасно иллюстрирует применение визуальных методов исследования для решения задач поставленных перед этнографической экспедицией, позволяя фиксировать наглядные сведения по социологии, антропологии и образа жизни народа [19].

Фотохроника экспедиций СОПСа полностью посвящена природе Якутии и различным аспектам развития народного хозяйства, фиксации геологических и географических объектов. Уникальные кадры, были сделаны ученым Г.В. Наумовым в ходе работы II Якутской комплексной экспедиции в Нижнеколымском и Булуунском районах ЯАССР в 1949-1951 гг. Здесь фотограф представляет на суд зрителя свой север, где отражена целая серия портретных образов из числа представителей коренных малочисленных народов (эвенка-комсомолка Х.Е. Клепечина, пастух лауроветлан Д.В. Слепцов, охотник К. Слепцов; охотник-женщина чукчанка А.П. Мака; Редакция настенной газеты «Колхозник» и др.). Ценность коллекции Г.В. Наумова заключается также и в том, что посредством объектива своей

фотокамеры, ученый практически интуитивно выполнил целое социологическое исследование, произведя фотофиксацию визуально доступных объектов и явлений, которые предоставляют наибольшую возможность для социологического анализа – семья, работа, отдых (развлечения) [16]. Этнографическая серия в коллекции Г.В. Наумова примечательна также тем, что с разницей в 1 год в Верхнеколымском и Нижнеколымском районах работала Колымская экспедиция Института языка, литературы и искусства под руководством известного советского этнографа И.С. Гурвича. На серии фотографий двух фотографов-исследователей оказались запечатлены представители колхозов Нижнеколымского района ЯАССР «Турваургин», «Сутаня удиран» и «Оленевод» [13].

Опыт визуализации Севера в материалах ученого-североведа И.С. Гурвич представляет собой репрезентативную картину антропологических исследований проводившихся ученым среди коренных народов Крайнего Севера на протяжении полувека. Обращаясь к опыту полевых изысканий Гурвича у коренных народов северо-востока Азии, надо констатировать о последовательном становлении авторской методологии визуально-антропологического изучения повседневности коренных народов. Его авторский метод визуальных исследований включал в себя сбор этнографических зарисовок, выполненных как профессиональными художниками – членами его экспедиционной группы, так и местными художниками из числа представителей коренных малочисленных народов Севера, а в последние годы велась киносъемка этнографических сюжетов. Экспедиционные фотоматериалы зафиксировали контексты общественной жизни северян, в которые люди как-то входят и из которых выходят в течение своего повседневного функционирования, а также в течение своей жизни (дом, работа, потребление, традиционные занятия, болезнь, смерть, образование (воспитание), религия, наука (познание), искусство, отдых (развлечение), спорт). Исследование конкретного способа существования человека в пределах всего пространства, в совокупности традиционных ритуалов и повседневных практик – часть методологического гуманитарного проекта советской визуальной антропологии, посвященного исследованию повседневной культуры коренных народов Крайнего Севера. Используя фотографии и полевую киносъемку в экспедиционной работе, разными способами. А также щедро иллюстрируя тексты в подготовленных им сборниках научных трудов, научные статьи фотографии в письменные тексты, а также используя описания собранных им музейных экспонатов Гурвич в своих разработках очень близко подошел к пониманию визуальности как одного из ключевых моментов культурной идентичности северян.

Как видим визуальность советского периода была преимущественно отражением развития производительных сил и народного хозяйства, строительства новых населенных пунктов и транспорта. Однако в этих образах представлена география промышленного освоения, особенностей адаптации коренных народов, тема ценностей кочевничества и оседлости, а также проблемы взаимодействия традиционной и современной культуры. Оценка исследовательских парадигм по собирательству визуальных коллекций советской школой отечественной этнографии, позволяет интерпретировать методику фиксации «повседневной» жизнедеятельности объекта изучения при помощи фотографии, в качестве самостоятельного языка самоописания культуры. Практическое применение визуальных методов исследования в социологии и антропологии, в изучении культуры и образа жизни коренных народов Севера в этническом и в социальном отношении, было продиктовано необходимостью их многоаспектного изучения. А воспроизводство образов и контекстов Севера в изобразительных и фотосимволах, становится визуальным способом картографирования культурных ареалов и освоения северных территорий. Изучение массива экспедиционных рисунков и этнографической фотографии в русле проблемного поля интеллектуальной культуры и визуальных исследований позволит выделить в общем массиве материалов,

уникальные образцы уже утраченных предметов иллюстрирующих культуру народов Якутии, а также локальных особенностей традиционной повседневности.

Список литературы и источников

1. Арнаутова Ю.А. Культура воспоминания и история памяти // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени. под ред. Л.П. Репиной. - М.: Кругъ, 2006, С.47-55
2. Бойчук Л.Л. Якутская переписка // Этнографическое обозрение. 1999. №6
3. Батьянова Е.П., Жорницкая М.Я. И.С.Гурвич // Этнографическое обозрение. 1992. №5
4. Гаранина С.П. Российская империя в цветных фотографиях С.М. Прокудина-Горского. 1906-1916 г.г.». М.: Издательство "Красивая книга", 2013. 264 с.
5. Горбачева В.В., Коновалов А.В., Соловьева К.Ю. Шаманизм: на грани миров. СПб: Художник и книга, 2006. 289 с.
6. Головнев А.В., Лёзова С.В., Абрамов И.В., Белоруссова С.Ю., Бабенкова Н.А. Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. Екатеринбург: «Издательство АМБ», 2014. 232 с.
7. Длужневская Г.В. Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859-1959 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб.: ЭлекСис, 2011. 296 с.
8. Длужневская Г.В. Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX – первой половины XX в. (по фондам научного архива Института истории материальной культуры российской академии наук). Автореф. на соиск. уч. степени д-ра ист. наук. – СПб, 2008. 51 с.
9. Дягилева Н.С. Анализ фотографии как метод качественного социологического исследования // Материалы международной заочной научно-практической конференции «Современные тенденции общественных наук: политология, социология, философия». 25 апреля 2011 г. URL: <http://sibac.info> (дата обращения: 25.06.2017)
10. Колоскова Е.Е., Литвин А.А. «Юбилейные торжества в память 100-летия Отечественной войны 1812 года в Высочайшем присутствии. Бородино-Москва-Смоленск». М.: Полиформ, 2012. 320 с.
11. Колесник Л.М., Ковалева А.С. Художники и фотографы в сибирском отделе Русского географического общества // Краеведческие записки / Иркут. обл. краев. музей. - Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2004. - Вып. 11. -200 с. с илл. - С.4-13.
12. Максимова М.П. Исследование проблем истории научного изучения Арктики: традиции и современный опыт. URL: <https://novainfo.ru/article/11291>. NovaInfo. 2017. № 59-2. (дата обращения: 10.2018)
13. НИЦКП Национальной библиотеки РС (Я). Фотоархив И.С. Гурвич.
14. Прищепова В.А. Коллекции заговорили [История формирования коллекций МАЭ по Средней Азии и Казахстану (1870-1940)] / РАН РФ, МАЭ им Петра Великого (Кунсткамера); [отв.ред. к.и.н. В.П. Курылев]. -СПб., МАЭ РАН, 2000. 272 с.
15. Прищепова В.А. Фотографические коллекции по народам Средней Азии и Казахстана конца XIX-начала XX вв. из собрания Музея Антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) // Сборник докладов международной конференции «Фотография в музее»- СПб, 2013 - 175 с. ил. - С.139-142
16. Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф.И., Оп.21, Д.3. Коллекция Г.В.Наумова. 1948-1952 гг.
17. Толмачева Е.Б. Методология изучения фотографии с этнографическим содержанием //Фотография. Изображение. Документ. Научный сборник.Вып.1. СПб, 2010. - С. 38-42

18. Толмачева Е.Б. Первые фотоколлекции МАЭ. Собрания И.С. Полякова как отражение общей истории формирования фотофонда // Иллюстративные коллекции Кунсткамеры. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 406 с. – С.309-322
19. Фотофонд ЯГОМИиКНС им. Ем. Ярославского

Чернова Т.В. Коллекция фотографии Чувашского государственного художественного музея // Сборник докладов международной конференции «Фотография в музее». СПб, 2013. 175 с. ил. – С. 91-96.

ГОРОДСКОЙ «РОМАН-КАРТА» ЯКУТСКА: КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ

URBAN MAPPING OF YAKUTSK: CULTURAL SPACE OF INTERACTION OF URBAN COMMUNITIES

Авторы: Пудов Алексей Григорьевич

Аннотация: Проект позволяет увидеть в городском архитектурном ландшафте разные плоскости культурных ландшафтов, сформировать у подрастающего поколения память, метафизическое видение среды обитания, тем самым создавая новые ресурсы для развития городской среды. В статье даются базовые принципы реализации проекта.

Ключевые слова: сибирский город, интерактивность, диахроническая связь, культурный ландшафт, идея города, социальные публики, цифровизация, формирование городской идентичности.

Annotation: The project will allow to see in the urban architectural landscape different planes of cultural landscapes, to form the memory of young generation, metaphysical vision of the habitat, thereby creating new resources for the development of the urban environment. The article gives the basic principles of project implementation.

Keywords: Siberian city, interactivity, diachronic communication, cultural landscape, the idea of the city, social public, digitalization, the formation of urban identity.

Цель исследования. Вобрать в синтетичную форму трансляции метафизических концептов в настоящее время способно виртуальное пространство интернет: интерактивные социальные публики, дополненная реальность как перформативная технология оживляющая диахронную связь культур поколений живших в городе и формирующая единый топос городской и иной культуры.

Города мира живут на трех пространственных плоскостях. Земля Олонхо - срединное сосредоточение творческой жизни. Это жизнь на тонкой оболочке земной поверхности - био-интеллектуальная пленочка на поверхности северной земли. Уникальность нашего города продиктована невозможностью уйти вверх или глубоко вниз.

Методы реализации и исследования. Электронная коммуникация - более плотная среда городского общения становится виртуальной оболочкой на материальном основании плоского городского ландшафта. Невидимая «цифровая паутина» может стать серебряным каркасом социокультурных скреп человеческого топоса долины Туймаады. Цифровизация становится инструментом в наших руках, методом включения городских сообществ в не всегда дружелюбный природный субстрат.

Не просто творить в городе, а творить культуру, в том числе этническую в пространстве городского ландшафта. Что в этом плане может дать дигитализация как способ новых коммуникативных возможностей?

Результаты исследования. Якутск не был городом-государством, но его иногда называют форпостом освоения Дальнего Востока Евразии и даже Русской Америки. Город с историей - это всегда место силы. Но сила эта уходила из города Якутска, расходуясь на освоение экстремальных маршрутов. Метафизическая связь была развита пространством, но не хватало ее по времени. Был всегда этот недостаток. Хронос был обделен энергией связи. Мы продолжаем страдать от этого. Поэтому мы должны осуществлять целенаправленную связь времен, наладить метафизическую межпоколенную связь.

В основе идеи - программный социальный продукт для города Якутска. Это частная социокультурная задача выведения на новую орбиту бытия. В ней Якутск - место продуктивного производства смыслов. В нашей идее, город предстает персонажем виртуального «романа», «кино» или «театральной постановки».

Москва создала частично наполненный ландшафт, перенеся его в искусство - художественную литературу, кинематограф и театр. Создать с помощью виртуального в ней сложно по объективным масштабам - слишком большой объем исторического и пространственного. Для нас же, это стало вполне под силу. Нельзя пройти мимо вопроса покидания молодежью города и переезд их в метрополии или в сельскую местность. Их, думающих, здесь может ничего не удерживать.

Мы предлагаем реализацию проекта социокультурного мэппинга на территории городского пространства. Его можно очертить следующим горизонтом мысли через слоганы: «Город историй и человеческих судеб» - технология «self-эсорт», «Город - музей человеческих историй под открытым небом», «Впиши в город Свою историю».

Описание идеологии программного продукта.

<Бренд-имя продукта>, что является следующей <категорией продуктов>, для такой <целевой аудитории>, с намерением данной <стержневой выгоды>, посредством <уникального подчеркивания> таких-то качеств и свойств [1].

Бренд-имя продукта можно общими словами, отталкиваясь от предлагаемого выше горизонта мысли назвать, например, так: «Сиб-Сити-Лайф» (Жизнь сибирского города), что будет подразумевать возрождение к жизни всех исторических пластов городских поколений и их влияние на жизнедеятельность (ЖД) и мыследеятельность (МД) современного городского сообщества сибирских городов. Кстати, возможности создания краудсорсингового сообщества сибирских городов, позволит снизить издержки на создание локального продукта в отдельно взятом городе.

Целевой аудиторией интерактивного социального публика с игровыми элементами является городская общественность, представленная как организационными структурами «городских краеведов», историков, организаций, а также частных лиц широкого возрастного и социального спектра.

Главное намерение у «публик-игры», как отмечено выше в идеологии продукта, это архивирование исторической памяти в городском ландшафте, формирование ландшафта городской культуры... Напомним, что «... город есть форма выращивания и создания ресурса для развития на основе тех свободных площадок, где горожане получают возможность из элементов существующих типов <мыследеятельности> МД и <жизнедеятельности> ЖД конструировать новые образы и образцы жизни и мышления» [2].

Идеология функционирования программного продукта сводится к внесению памятных геолокаций на карте городской среды, представляющих гипертекстовую структуру: текстовый синопсис, фото, видео, элементы дополненной реальности. Мотивация к формированию у сообществ личных локаций сводится к сохранению на карте «успешных» ее вариантов, доступных широкому кругу горожан и другими материальными или нематериальными средствами, монетизированными количеством просмотров, лайков и т.п.

Список литературы

1. Самый быстрый способ разработать идеологию продукта? // [Персональная страница А. Ширышев]. URL: <http://shiryshev.ru/archives/1257#.WvNjOqSFN0w> (дата обращения: 10.05.2018).
2. Щедровицкий П.Г. Философия развития и проблема города [сайт Московской школы конфликтологии]. URL: <http://conflictmanagement.ru/filosofiya-razvitiya-i-problema-goroda> (дата обращения: 10.05.2018).

КУЛЬТУРНЫЙ ИМИДЖ ГОРОДА НА ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЕ: КРЕАТИВНЫЙ АСПЕКТ

CULTURAL IMAGE OF THE CITY AT THE ETERNAL CENTRAL: CREATIVE ASPECT

Авторы: Залуцкая Светлана Юрьевна

Аннотация: *Анализируются актуальные вопросы привлекательности Республика Саха (Якутия) для российского и международного сообщества. Отмечается, что имидж Якутии формируется в условиях общероссийских социально-экономических проблем, слабо развитой туристической и иной инфраструктуры, экстремального климата, обусловленного влиянием вечной мерзлоты. Важнейшим сегментом образа республики является имидж её столицы – города Якутск.*

Ключевые слова: имидж, Якутия, образ, реклама, Арктика

Annotation: *The Republic of Sakha (Yakutia) is the largest region in Russia, located on the permafrost, which determines the specifics of human life. The image of Yakutia that has emerged in the minds of the general public is largely determined by the image of its capital, where one third of the inhabitants of the republic are concentrated. For them, Yakutsk is a city that would like to be proud, to love and preserve for future generations. But the internal image of the city requires significant modernization, adjustment. He does not meet the needs of young citizens in everything. Young people characterize the diamond capital as a place where it is difficult to realize all their possibilities, where migration processes erode the cultural environment, where it is difficult to live and people leave. In order to reveal the attitude of young citizens from 14 to 35 years old, a survey was conducted to Yakutsk. The study showed that the Yakut youth understand that administrative structures are interested in shaping the image of the capital of the republic as a northern city with a peculiar history, comfortable for living, hospitable, aspiring to the future and preserving traditions of the past. However, respondents note that image building tools are fairly traditional, standard. The creative component is vividly expressed in the events that the youth of the city conducts on its own, and this obviously contributes to the acceptance of the city as its living environment among the youth of Yakutsk.*

Keywords: *image of the territory, city, cultural image, PR-promotion.*

Актуальным остаётся вопрос привлекательности Республика Саха (Якутия) для российского и международного сообщества. Имидж Якутии формируется в условиях общероссийских социально-экономических проблем, слабо развитой туристической и иной инфраструктуры, экстремального климата, обусловленного влиянием вечной мерзлоты. Важнейшим сегментом образа республики является имидж её столицы – города Якутск.

Цель исследования – характеристика креативных идей формирования позитивного внутреннего культурного имиджа г. Якутска среди молодых жителей столицы Республики Саха (Якутия).

В исследовании проблемы имиджирования северного столичного города применены контен-

анализ научной литературы, изучение и обобщение лучших практик имидж-строительства места, анкетирование, целенаправленное наблюдение, методы математической статистики с последующим качественным анализом результатов.

Так, в частности, в исследовании, целью которого – выявить особенности внутреннего имиджа г. Якутска в сознании молодёжи, участвовало 105 респондентов – жителей города от 16 до 35 лет. Выборка респондентов – случайная. Метод исследования – анкетирование. В исследовании участвовало 46 (44%) мужчин и 59 (56%) женщин. Подавляющее число ответивших, 76 респондентов, – студенты; остальные – «рабочий», «служащий», «бизнесмен», «школьник». Графа «безработный» никем заполнена не была.

Анкетирование продемонстрировало, что 79% опрошенных гордятся своим городом; ответы 21% респондентов, сказавших «нет», можно разделить на две группы: в первой из них, превосходящей по численности, причиной указывалась плохая экология. Респонденты второй группы утверждали, что Якутск – неразвивающийся, бесперспективный город.

На вопрос «Что, по вашему мнению, имеет преимущественное значение для благополучной жизни жителей города?» самыми популярными стали ответы: «чистота на улицах, хорошая экология и зеленые насаждения» (26%), «низкий уровень коррупции и преступности» (24%), «богатая культурная жизнь и сохранение городских достопримечательностей» (19%).

Ответы на вопрос «Чего, по вашему мнению, не хватает в нашем городе?» выявили желание молодых людей в первую очередь жить в чистоте (25%), иметь места для спокойного или активного отдыха (23%), жить среди культурных, высоко нравственных и воспитанных горожан (12%), жить в ярком, красочном городе (5%). Также большинство респондентов (38%) ответили, что хотели бы жить в Санкт-Петербурге, аргументируя выбор различными факторами («богатая история», «культурная столица», «множество достопримечательностей», «красивая архитектура»); 24% опрошенных не хотели бы ничего менять.

В целом исследование показало, что молодые якутяне в основном любят свой город, но не настолько, чтобы не замечать его недостатков и неудобств. Имидж города в глазах молодых людей недостаточно высок: они видят столицу республики не очень культурной и ухоженной. Здесь не так много возможностей для организации культурного досуга молодежи. Во многом желаемый имидж Якутска в глазах молодежи совпадает с имиджем, формируемым властями, но, тем не менее, последний не в полной мере учитывает специфичность молодёжной аудитории, интересы и запросы молодых жителей города с суровыми условиями проживания.

Результаты исследования

Человек понимает город как некое пространство своих интересов. Очень важно сформировать такое пространство для молодых жителей города, от которых зависит будущее. Все это требует иного подхода к имидж-строительству: от сугубо организационного к социально-психологическому и далее – к креативному. Региональная креативная индустрия должна быть нацелена и на формирование комфортной городской среды, в которой хочется жить, отдыхать, воспитывать детей.

Проведённое исследование продемонстрировало высокую потребность якутской молодёжи в культурной составляющей образа столицы республики и желание творчески участвовать в процессе её создания. Среди идей, генерированных новыми поколениями горожан, можно выделить следующие: разработка модного логотипа, символа Якутска, синтезирующего «ассоциации, традиции, историю и индивидуальность города как живой динамичной системы» [1, с. 17] и отражающего специфику его месторасположения на вечной мерзлоте, особенности

богатой культуры его многонационального народа; создание звучных, актуальных слоганов; увеличение количества инсталляций в разных районах Якутска, имеющих социальную, культурную и туристическую ценность; использование возможностей стрит-арта на фасадах зданий и творческое преобразование теплотрасс; создание детского этнокомплекса по мотивам олонхо; разработка специального дизайна открыток о городе; формирование системы молодёжных масштабных мероприятий, привлекательных для разных целевых аудиторий, и их проведение с использованием архитектурных и природных особенностей города, таких, например, как сваи, белые ночи, обилие водоёмов и т.п.

Молодёжь Якутска готова сама создавать современный культурный образ родного города – позитивный, яркий, очень разноплановый, эмоционально-окрашенный и социальноориентированный. Это образ, который должен иметь огромное информационно-воспитательное значение для его молодых жителей. Элементы имиджа города перестанут выглядеть искусственными или показными, если обретут органическую связь с теми, кто находится внутри.

Литература

1. Морозова, Т.А. Медиатизация технологий конструирования имиджа города: автореф. .. соиск. .. уч. степ. д. ф. н. / Т.А. Морозова. – Краснодар, 2013. – 25 с.

КЛИМАТ СЕВЕРА И ВЕРОВАНИЕ ЯКУТОВ: ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ В.Ф. ТРОЩАНСКОГО И А.Е. КУЛАКОВСКОГО

CLIMATE OF THE NORTH AND BELIEF OF THE YAKUTS: ACCORDING TO THE MATERIALS OF WORKS V.F. TROSHCHANSKY AND A.E. KULAKOVSKY

Авторы: Сивцева-Максимова Прасковья Васильевна

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена тем, что научные труды А. Е. Кулаковского (1877–1926) до сих пор являются малоизученной частью его наследия. Растущий интерес к новым взглядам на понимание социальных проблем жизни в начале XX века приводит к интересу к исследованиям оригинального мыслителя, которого беспокоила судьба маленьких людей, населяющих значительную территорию северо-восточной части России.

Ключевые слова: вера якутов, древние верования, культура, естественная религия, внедрение христианства.

Annotation: *The relevance of a research is caused by the fact that scientific works of A.E. Kulakovsky (1877-1926) are still present a poorly studied part of his heritage. The increasing interest in new views of understanding social problems of the life at the beginning of the XX century leads to the interest in researches of the original thinker who was bothered by the fate of small people inhabiting the considerable territory of the Northeast part of Russia. The special importance is attached to Kulakovsky's work "Materials on beliefs of ancient Yakuts" (1914) where the author's discussion with the main conclusions of V.F. Troshchansky (1843-1898) in work "Evolution of black belief of the Yakuts" (1903) is given. The purpose of presented report is an effort to disclose the conceptual ideas of the classic about original culture of Sakha and uniqueness of the researcher's personality; to reveal his reasonable statements on belief of Sakha which developed according to the general course of natural religions. The work is performed within the methodology of textual comparative analysis of the named works where the main attention is paid to debatable key extracts of researches from the perspectives of the phenomenological method of sociology. The denial of the struggle of a kind beginning with evil in the beliefs of the Yakuts by Troshchinsky is connected with the severe climatic conditions of their residence in relation to their ancestral homeland. In the north they faced many difficulties and disasters that made them bend to the concepts caused these misfortunes. As the proof of inaccuracy of this conclusion Kulakovsky proves that the belief of the Yakuts was far from idolatry. He explains the incorrectness of Troshchansky's conclusions with the lack of knowledge in language and rich Yakut material. The results of the research expand the possibilities of understanding Kulakovsky's ideas and conclusions who has convincing arguments of a real ratio of questions of social and spiritual beginning in belief, a way of life, the concept of people's beauty inhabiting the most remote northern part of Russia.*

Keywords: *belief of the Yakuts, ancient beliefs, culture, natural religion, introduction of Christianity.*

Научные труды А.Е. Кулаковского (1877-1926) по настоящее время являются малоизученной частью его интеллектуального наследия. Им обработаны и систематизированы ценнейшие

источники для изучения языка и верования якутов, фольклора, культуры, литературы.

Во введении к «Материалам для изучения верования якутов» Кулаковский пишет: «Религия древних якутов почти совершенно позабыта. Причиной этому послужили – отсутствие письменности и введение христианства. Из религиозных поверий в памяти народа остались лишь только жалкие отрывочные данные, и то только из области внешней, обрядовой стороны; что же касается внутреннего содержания и этической стороны, то эта часть совершенно теряется в глубоком мраке неизвестности» [1, с. 7].

Он называет «единственно ценным и серьезным по затронутому вопросу» труд В.Ф. Трощанского (1843-1898) «Эволюция черной веры якутов», но не соглашается с выводом исследователя о том, что «принцип добра и справедливости якутским богам не присущ».

В работе Трощанского читаем: «Верования, обуславливаемые светлыми силами, ... начали ослабевать задолго до принятия христианства якутами, замещаясь верованиями, основой которых были темные, враждебные силы, - и вот эти верования стали утрачиваться с приходом русских. Однако и по сохранившимся остаткам мы видим, что верования якутов имели подчас глубоко-философское основание» [2, с. 4-5].

Отрицание Трощанским борьбы доброго начала со злом в традиционных верованиях якутов связывается с суровыми климатическими условиями их места жительства по отношению к их прародине. А именно то, что «необычайно резко изменившиеся условия жизни якутов с переходом их с дальнего юга на суровый север, где они встретили массу неведомых им еще бедствий, заставивших всецело обратить свое внимание на те божества, которые по их понятиям насылали все эти несчастья» [2, с. 33-34].

В качестве доказательства ошибочности этого заключения Кулаковский пишет: «Боги создают сильных героев со специальной целью обуздать злое начало, сами они заступаются за героев и вообще за правых; строго карают созданных ими же любимых героев за обиды, причиненные последними людям. Вера якутов была далека от идолопоклонства и шаманизма; она перешла эту стадию на несколько ступеней» [1, с. 9].

Крайняя однозначность заключений Трощанского объясняется тем, что он «не знал якутского языка и не располагал обширным якутским материалом», и по этой причине часто основывается в своем исследовании на единичные факты, ссылается на «указаниях лишь одного сказочника». Кулаковский уточняет основное направление и цель своей работы: «В предлагаемых мною материалах читатель найдет много противного этим нелестным для якутов выводам» [1, с. 7].

Часть этнографических материалов Кулаковского была впервые опубликована по представлению самого автора в «Записках Краевого Географического общества» в 1922 г. под названием «Материалы по изучению верования **древних** якутов» [3]. В публикации следующего года «Материалы...» в полном объеме издаются самостоятельной книгой [4], где в названии работы исключается определение «древних» без согласования с автором. Таким образом, редакторами не учитываются два существенных момента: во-первых, именно «древние поверья» или «верования древних якутов» выступают в работе Кулаковского основным предметом исследования. Это восемь разделов из одиннадцати – большая часть всех собранных и систематизированных «Материалов». В их названиях: «Вселенная», «Сверхъестественные существа», «Кут-сюр», «Запретительные поверья», «Легенды о животных» и др. – отражаются основные направления и понятия древних представлений окружающего мира и жизни человека. Также в предисловии однозначно четко определяется

стремление автора внести уточнения в неверных выводах Трощанского, исследовавшего именно **древнюю** религию якутов.

Во-вторых, продуманная систематизация материалов представляет, как со временем претерпевают изменения или постепенно утрачиваются с принятием христианства древние верования якутов. В этом аспекте в «Материалах» Кулаковского представляется естественная линия принятия якутами христианства. Во втором разделе о «высших существах, олицетворяющих начало добра», в пункте втором читаем: «С введением христианства понятие о главном и добром боге Үрүҥ Аар Тойон смешалось с понятием о христианском боге, у которого функции оказались тождественными с функциями первого, по крайней мере, в существенном – в отношении создании мира, доброты и справедливости. С другой стороны, христианские священники должны были запрещать вновь обращаемым называть Господа-бога таким фигурным именем как Үрүҥ Айы Тойон». Но «согласились на название Айы Тойон (божество-господин), под которым якуты свободно могли подразумевать, в силу значения слова «Айы» своего главного бога Үрүҥ Айы Тойона и под которым до сих пор подразумевают христианского доброго бога». Заканчивается этот пункт следующим убедительным выводом Кулаковского: «Итак Айы Тойон раньше не существовал отдельно от Үрүҥ Аар Тойона, и это имя позднейшего происхождения (христианской эры)» [1, с. 17-18].

Первый раздел – «Вселенная» – представляет описание трехъярусного мира в мифах и олонхо. Здесь дается уточнение относительно поэтической образности, где аллитерационные созвучия допускают метафоры в форме количественных определений или сравнений в описании каждого из миров, что не может быть воспринято как точное указание пространственных понятий. В восприятии небесных светил Кулаковский в целом не отрицает влияния античных мифов на самобытные представления якутов.

Особые поверья о «сверхъестественных существах», тотемах, самобытном восприятии якутов души человека описываются во втором, третьем и четвертом разделах. В последнем из них раскрывается значение трех составляющих души человека, что с древности по сей день выступает бесспорным определением относительно таинств, связанных с представлением единства человека с окружающей реальной природой. По этому вопросу Кулаковский дает следующее пояснение в догадках Трощанского: «Гипотеза Трощанского об этих кут, по-моему, правдоподобна, хотя, конечно, она очень гадательна. ... В самом деле, древний якут видел и убеждался, что тело человека после смерти превращается в прах, т.е. в землю же, что при жизни человек дышит воздухом, и что без этого дыхания человек не может существовать. По всему этому естественно и понятно, что в представлении древнего якута должна была создаться идея о «земляной» и «воздушной» душах, как необходимых для существования человека элементах» [1, с. 59-60]. Остальные части «Материалов по верованиям...» посвящены поверьям бытового и этического характера, такие как предчувствия и приметы, а также обряды, сопряженные с поверьями.

Другой значительный факт связывается с историей первой публикации работы по фольклору и этнографии в 1914 г., когда Кулаковский отдал свою рукопись Н. Толоконскому, поверив, что тот поможет с публикацией «Материалов» в Иркутске. Однако коллега по училищу издал «Материалы» под своим авторством [5, с. 27].

Все это подтверждает трудности и непростые перипетии судьбы Поэта, всю свою жизнь посвятившего служению во благо родного народа, которым поистине гордился, преклонялся перед ним. Подчеркивая, что якутское верование развивалось по общему ходу эволюции естественных религий, он пишет: «Характерной чертой якутской религии была утилитарная и материалистическая точка зрения. Двойственность сил природы выражена в ней довольно ярко, но без резких переходов. ... Нам, нынешним якутам, остается только удивляться — как

могла создаться у такого незначительного народца, каковыми являлись наши предки, — такая религия высокого развития" [1, с. 9].

В заключении обосновываются выводы.

Литература

1. Кулаковский А.Е. Научные труды. – Якутск, 1979. – 484 с.
2. Трощанский В.Ф. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. Редактированное Э.К.Пекарским, дополненное примечаниями Э.К.Пекарского и Н.Ф.Катанова и снабженное приложениями Э.К.Пекарского, А.А.Наумова и В.В.Попова. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1903. – 216 с.
3. Кулаковский А.Е. Материалы по изучению верований древних якутов // Сб. материалов к изучению Якутии. – Якутск, 1922. – Вып. 1. – С. 25-29.
4. Кулаковский А.Е. Материалы по изучению верований якутов // Записки Краевого Географического общества. Книга 1. – Якутск, 1923. – 107 с.
5. Алексей Елисеевич Кулаковский (ӨксөкүлээхӨлөксөй). Библиографический указатель. Сост.: В.Н.Павлова, Я.А.Захарова, Л.Р.Кулаковская. – Якутск, 1997. – 96 с.

РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ФОРМИРОВАНИИ ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ СЕВЕРНЫХ ГОРОДОВ

THE ROLE OF HUMAN CAPITAL FOR THE FORMATION OF THE INNOVATIVE MODEL OF THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE NORTHERN CITIES

Авторы: Кампеева Елена Егоровна

Аннотация: В статье рассматривается значение роли человеческого капитала в возможности формирования инновационной модели экономического развития северных городов. В то же время холодный климат рассматривается как преимущество, которое сформировало уникальный человеческий капитал коренных народов, приспособленный к экстремальным условиям северных территорий. Автор анализирует влияние культуры и традиционных методов ведения сельского хозяйства на формирование человеческого капитала на примере саха (якутов), приводит примеры применения традиционных технологий, трансформировавшихся в современные реалии, и предлагает возможные способы их использования. потенциал человеческого капитала для инновационного развития экономики.

Ключевые слова: человеческий капитал, холод, традиции, северные территории, инновации, региональная экономика

Annotation: *The article discusses the importance of the role of human capital in the possibility of forming an innovative model of the economic development of northern cities. At the same time, the cold climate is considered as an advantage, which formed the unique human capital of the indigenous peoples, adapted to the extreme conditions of the northern territories. The author analyzes the influence of culture and the traditional practices of farming on the formation of human capital as the case of the sakha (yakuts), presents the examples of application of the traditional technologies having transformed into modern realities, and proposes possible ways to use the potential of human capital for the innovative development of the economy.*

Keywords: *human capital, cold, traditions, northern territories, innovations, regional economy*

Еще в XVIII веке один из основателей классической школы политэкономии А.Смит создал теорию абсолютного преимущества, согласно которой каждая страна может производить хотя бы один товар с меньшими затратами, чем другая страна, благодаря естественным или приобретенным преимуществам. Холодный климат Республики Саха (Якутия) будет рассматриваться нами как преимущество, сформировавшее уникальный человеческий капитал коренных народов, адаптировавших ведение своего хозяйства – «экономику» к экстремальным условиям северных территорий.

Целью исследования является изучение роли человеческого капитала в возможности формирования инновационной модели развития экономики северных городов.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. Рассмотреть особенности влияния культуры и традиционного метода ведения хозяйства на формирование человеческого капитала на примере народа саха (якутов);
2. Выявить примеры практического применения традиционных технологий, трансформировавшихся в современных реалиях;
3. Предложить возможные направления использования потенциала человеческого капитала для инновационного развития экономики северных городов.

Автором были использованы общенаучные методы изучения теории (исторический, анализ и синтез).

Определено, что жизнеспособность и устойчивость развития человеческого капитала определяется тем, насколько органично в ней сочетаются традиции (стремление к самосохранению) и инновации (стремление к нововведениям). Народу саха присущи дух предприимчивости, художественное осмысление окружающего мира, толерантность, логическое мышление. Суровые условия климата выработали физическую выносливость, сметливость, стремление к безотходной технологии. Таким образом, сформировавшийся человеческий капитал является примером разумного симбиоза с природной средой.

За почти столетний период развития экономики республики, например, были созданы фабрики по пошиву верхней одежды и обуви из меха, отличающиеся оригинальным дизайном, в основе которого лежат традиционные формы и узоры. Разработки новых материалов низкотемпературной прочности нашли применение для решения практических инженерных задач в крупнейших машиностроительных объединениях не только в республике, но и в стране. Выведение новых морозоустойчивых сортов культурных растений, сохранение и развитие самого северного в мире мясо - молочного скотоводства, коневодства, оленеводства и традиционных промыслов, разработка новых технологий переработки их продукции, а также использование дикоросов привела к активному развитию пищевой промышленности. Наряду с крупными фирмами, свою нишу нашли малый и средний бизнес в сфере производства ювелирных изделий с национальным колоритом и ограненными нашими мастерами бриллиантами, разнообразной сувенирной и мебельной продукции с использованием 3-d моделирования и лазерных станков, пошиву одежды с национальными мотивами, изданию полиграфической и печатной продукции на языках коренных народов севера. Фарфоровая посуда имеет формы традиционной посуды, изготавливаемой предками из бересты, корня дерева, глины. Творческое воображение и логическое мышление нашли свое воплощение в применении IT-технологий для производства мобильных приложений и другой продукции в этой сфере.

В городе сосредоточены объекты инновационной инфраструктуры, которые будут способствовать созданию благ и услуг, пока отсутствующих в международном экономическом пространстве, но таких, которые обязательно потребуются людям и бизнесу в самом скором времени. Возможными направлениями производства этих благ можно назвать следующие:

- энергосбережение («умный город»: снижение потери тепла, использование энергосберегающего освещения, нетрадиционных источников энергии, хранение скоропортящихся продуктов);
- экология (мусороперерабатывающие технологии, решение проблемы загазованности улиц северных городов);
- обеспечение низкотемпературной прочности и долговечности различных материалов для строительных, коммуникационных, инфраструктурных объектов (естественный полигон для

проведения испытаний различной техники);

- здоровьесберегающие технологии (производство биологически активных добавок, косметических средств, дизайн и пошив одежды с использованием традиционных материалов, развитие пищевой промышленности на основе традиционного рациона питания коренного населения).

Литература

Брик Л.В., Горельцев А.Г. К вопросу о сущности понятия «Человеческий капитал» // Вестник МГТУ. 2014. Том 17. № 4. С. 637-642.

Бункина М.К., Семенов В.А. Экономика и психология. На перекрестке наук: Учебное пособие.- М.: “Дело и Сервис”, 1998. - С.9.

Кулаковский А. Е. Научные труды, - Якутск, 1979, - С. 186.

Кулаковский А.Е. Якутской интеллигенции. - Якутск: Кн. изд-во, 1992. - С. 59.

Лазутина И.В. Экспертная оценка вклада Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова в развитие человеческого капитала Республики Саха (Якутия) // Вестник международных организаций. 2013. №1. С. 137-162.

Мостовая Е.Б. Основы экономической теории: Курс лекций. - М.: ИНФРА-М; Новосибирск: Изд-во НГАЭиУ, 1997. - С. 478.

Новиков А.Г. О менталитете саха. Монография. Изд-во Аналитического центра при Президенте РС(Я) - Якутск, 1996. - С. 59.

ВЛИЯНИЕ ФЕНОМЕНА ХОЛОДА НА ЯКУТСКУЮ КУЛЬТУРУ ПИТАНИЯ

INFLUENCE OF THE COLD PHENOMENON ON THE YAKUT FOOD CULTURE

Авторы: *Винокурова Антонина Афанасьевна, Лебедева Ульяна Михайловна, Винокурова Декабрина Михайловна, Борисова Изабелла Захаровна*

Аннотация: *В статье затрагиваются проблемы питания в холодных условиях севера и аспекты, которые продиктованы суровым климатом. Исследование охватывает такие аспекты, как холод и пища, холодные и суровые климатические условия, сырые и замороженные продукты, место сырых и замороженных продуктов в жизни северных людей, наиболее распространенные холодные, замороженные продукты и условия для хранения замороженных продуктов на севере.*

Ключевые слова: *холод, холодная обработка, термическое воздействие, традиционные замороженные продукты, строганина, северный бренд, популярность, экологичность.*

Annotation: *The article touches on the problem of nutrition in the cold conditions of the north and aspects that are dictated by the harsh climate. Our research will cover such aspects as cold and food, cold foods and harsh climate, raw foods and frozen food, the place of raw and frozen foods in the life of the northern people, the most common cold, frozen foods, and the conditions for storing frozen foods in the north.*

Keywords: *cold, cold treatment, thermal impact, traditional frozen products, stroganina, northern brand, popularity, environmental friendliness.*

Статья затрагивает проблему питания в холодных условиях севера и аспекты, которые продиктованы суровым климатом.

Цель исследования: Изучить культурную связь феномена холода и питания. Для этого поставлены задачи проанализировать якутские холодные продукты, различные состояния сырых продуктов и замороженной еды, определить место сырых и замороженных продуктов в жизни северного народа, выявить наиболее распространенные холодные, замороженные продукты, изучить условия хранения замороженных продуктов в условиях сурового климата севера.

Методы исследования: Нами были изучены и проанализированы труды исследователей этнографов, историков XIX-го, XX-го веков. Далее методом изучения и обобщения ранних и современных исследований, анализа анкет, интервью, проведенных среди лиц от 18-ти до 60 лет, нами получены данные для статьи.

Описание исследования: Изучение литературы и анкетирование 778 респондентов позволяют констатировать, что потребление в пищу продуктов, которые заморожены сырыми в условиях естественного холода, является спецификой северного питания и в современное время.

Одним из очень популярных блюд является строганина из рыбы, особенностью этой термической обработки рыбы является шоковая заморозка только что выловленной живой

рыбы при низкой температуре на месте улова на снегу или на льду. Строганина из северных сортов рыбы стала сегодня узнаваемым брендом севера. Другие северные замороженные продукты, такие как термически обработанная холодом сырая печень жеребенка или якутской лошади, жеребятина тоже находят своих любителей среди лиц другой национальности и гостей Республики.

Холодный климат диктует хранение продуктов в естественном холоде. Куски мерзлого молока, выставленные на продажу ряды различной замороженной рыбы и мяса - типичный пейзаж продуктовых рынков в современных населенных пунктах.

Результаты исследования: Получены фактические данные современного состояния культуры питания и его трансформации. Результаты позволяют также констатировать, что холод и воздействие холода на продукты питания является способом термической обработки и готовки и заготовки в Якутии. Способы хранения предков актуальны и в современной жизни, дополняются новыми местами хранения в холодных условиях. Большая часть лексики, обозначающей различную степень проварки и заморозки актуальны и сегодня, особенно в сельской местности. В современных городских условиях продукты, купленные осенью во время забоя скота и массового улова различной рыбы в селах и на рынках, хранятся на балконах до середины февраля до интенсивного таяния и заветривания (*салгыннаабыт*). Некоторые горожане имеют в летних загородных домах и дачах булуусы, подвалы, поэтому зимой запасают мясо, рыбу (кроме скоропортящегося карася), куски добытого в водоемах осенью льда для питьевой воды. Пить талую воду изо льда в городах становится распространенным, благодаря идее экологизации питания. В деревнях у каждого жилища имеется ледник, подвал, в домах различные виды подполья. Зимой питьевую воду в деревнях заготавливают в основном из кусков льда, также принято хранить куски льда на лето. Хранение льда в подполье также позволяет избежать подтаивания ледника в жару. В летнее время подвал и ледник без надобности не открывают во избежание попадания теплого воздуха вовнутрь.

Холод и обработанные холодом продукты не только становятся брендом Якутии, но и необходимы в повседневной жизни якутян.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF ARCTIC TOURISM TERRITORIES OF THE SAKHA REPUBLIC (YAKUTIA)

Авторы: Адамова Татьяна Васильевна, Винокурова Наталья Павловна

Аннотация: Развитие туризма в арктических регионах республики, расширение экологически чистых видов туристической деятельности и создание системы ее финансовой поддержки является способом сохранения уникальных природных территорий Арктики. В статье дана оценка туристско-рекреационного потенциала арктических территорий Якутии путем анализа существующих туристических достопримечательностей в арктических регионах, а также рассчитан коэффициент изоляции этих территорий.

Ключевые слова: Арктика, туризм, туристско-рекреационный потенциал, стратегия, изоляция, транспортная инфраструктура.

Annotation: Today, the Arctic territories of the Russian Federation are territories that require a special type of development and play a strategically important role in the development of the country's economy. The development programs aimed at the Arctic territories of the Russian Federation are actively developing. Thus, tourism is one of the priorities for the development of the Arctic zones of the country, as well as a long-term driver for Russia's socio-economic development, has a huge impact on the gross domestic product, the development of small and medium-sized businesses, the creation of new jobs, and self-employment. A special place is occupied by the Arctic of the Republic of Sakha (Yakutia). The Republic of Sakha is one of those rare places on the planet where the pristine purity of nature and the amazing diversity of flora and fauna have been preserved. Possessing unique natural resources and unique culture, Yakutia has a huge untapped potential for the development of tourism in the international and regional markets. The development of tourism in the arctic regions of the republic, the expansion of environmentally friendly types of tourist activities and the creation of a system of its financial support is a way of preserving the unique natural territories of the Arctic. The article assesses the tourist and recreational potential of the Arctic territories of Yakutia by analyzing the existing tourist attractions in the Arctic regions, and also calculated the isolation coefficient of these areas.

Keywords: Arctic, tourism, tourism and recreational potential, strategy, isolation, transport infrastructure.

На сегодняшний день, Арктические территории Российской Федерации – территории, требующие особого вида освоения, и играющие стратегически важную роль в развитии экономики страны. Активно развиваются программы развития, направленные на Арктические территории Российской Федерации. Согласно государственной программе РФ «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» утвержденной Правительством РФ 21 апреля 2014 года, одним из механизмов ее реализации определено развитие арктического туризма [1]. В рамках данной программы была принята федеральная

целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации» на 2019-2025 годы. Таким образом, туризм – один из приоритетных направлений развития Арктических зон страны, а также долгосрочный драйвер социально-экономического развития России, оказывает огромное влияние на внутренний валовый продукт, развитие малых и средних форм бизнеса, создание новых рабочих мест, самозанятость населения [2].

Цель исследования: оценка туристско-рекреационного потенциала Арктических территорий Республики Саха (Якутия). Объект исследования – населенные пункты (арктические районы) Арктической зоны Республики Саха (Якутия). Предмет исследования: туристско-рекреационный потенциал Арктической зоны Республики Саха (Якутия). Методы исследования: общенаучные методы – сравнение и аналогия, обобщение и классификация; анализ литературы, официальных документов.

Арктические зоны России уникальны своей природой и богатым количеством природных ресурсов. Около 40% Арктической зоны страны входит в состав Республики Саха (Якутия): общая площадь Арктики России – 4,1 млн. кв. км., из них 1,6 млн. кв. км. арктические территории Якутии. Обладая уникальными природными ресурсами и самобытной культурой, Якутия имеет огромный нереализованный потенциал для развития туризма на международном и региональном рынках. В «Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) на 2030/2050 годы» векторами развития арктического туризма являются «пять Э»: экология, этнос, экстрим, экзотика и эксклюзив. Так, создание комфортной среды пребывания туриста в Арктической зоне Якутии на уровне мировых стандартов должно основываться на «эксклюзивных» преимуществах [3]. Развитие туризма в арктических районах республики, расширение экологически безопасных видов туристской деятельности и создание системы его финансовой поддержки является способом сохранения уникальных природных территорий Арктики.

В соответствии с Указом Президента РФ от 2 мая 2014 года № 296 «О составе сухопутных территорий Арктической зоны Российской Федерации» к арктическим территориям отнесено 5 прибрежных районов Республики Саха (Якутия), имеющих прямой выход к Северному Ледовитому океану [4]. До сих пор, одним из спорных вопросов на региональном и федеральном уровнях считается включение в арктическую зону 13-ти районов Республики Саха (Якутия), расположенных за Полярным кругом. Из них одиннадцать входили в состав Арктической зоны Российской Федерации по проекту федерального закона «Об Арктической зоне РФ». Однако учитывая территориальные особенности на наш взгляд логичнее рассмотреть все 13 районов Якутии: Абыйский, Аллаховский, Анабарский, Булунский, Верхнеколымский, Верхоянский, Жиганский, Момский, Нижнеколымский, Оленекский, Среднеколымский, Усть-Янский, Эвено-Бытантайский.

Согласно Всемирной туристской организации (ЮНВТО) оценивать потенциальные возможности развития туризма необходимо на основе анализа ряда компонентов: наличие в регионе достопримечательностей и формы организации, развитость инфраструктуры приема и услуг, развитость транспортной инфраструктуры и др. Так, при изучении природного потенциала регионов и особых рекреационных мест проведен анализ наличия туристических достопримечательностей и выделены наиболее перспективные районы развития Арктического туризма. Также, для выявления барьеров развития Арктического туризма и выявления районов с большим потенциалом проведена оценка их изолированности. Именно изолированность тормозит и замедляет социально-экономическое развитие районов, ею характеризуется неравномерность развития районов Республики. Данный показатель оказывает влияние на развитие Арктического туризма, и характеризуется в основном – наличием культурных объектов, транспортной доступностью, проведением мероприятий различного уровня.

Так, наиболее развитые и обладающие большим туристско-рекреационным потенциалом Арктические районы – Булунский, Верхоянский и Аллаиховский районы имеют среднюю степень изоляции. При том, что Булунский и Аллаиховский районы имеют индекс изоляции ниже средней по Арктической территории Республики. Данный говорит о том, что данные два района наиболее перспективны в плане Арктического туризма – обладают достаточным количеством природных и культурных объектов, существуют перспективы развития транспортной инфраструктуры.

В силу географического положения и относительно удобной транспортной схемы Булунский улус имеет возможности для развития различных направлений туристской деятельности. В основном – экологический, охотничье-рыболовный, этнографический, водный и горный туризм. В Булунском районе ежегодно проводятся до 16 международных экспедиций, на его территории созданы 5 туристических фирм, налажена сеть экскурсоводов. В Верхоянском районе расположены 12 зон покоя; памятник Мать Гора, Мамонтова гора, а также Озеро «Ула5а», которое считается чудом природы, обладает лечебными способностями. В районе существует 3 туристических фирм и 3 туристических комплекса: «Харысхал», «Туостах», «Эйгэ».

Так, самыми интересными точками роста Арктического туризма становятся Булунский и Верхоянский районы. Развитие туризма в арктических районах республики требует решения ряда проблем. Однако, огромное значения для развития туризма является комплексное развитие транспортной инфраструктуры (транспортная доступность), одним из путей решения данной проблемы является развитие Северного морского пути и морского порта пгс. Тикси.

Список литературы:

1. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации». Постановление Правительства РФ от 21.04.2014 г. №366 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162195/
2. О федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011-2018 годы)». Постановление Правительства РФ от 02.08.2014 г. №644 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_118424/
3. О проекте «Программы социально-экономического развития Республики Саха (Якутии) на период до 2025 года и основные направления до 2030 года». Постановление Правительства РС(Я) от 05.05.11 г. №190 // Гарант [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/26740877/>
4. О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации. Указ Президента РФ от 02.05.14 г. №296 (ред. от 27.06.17) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162553/

О СТРАТЕГИЧЕСКИХ ВЕКТОРАХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

Авторы: *Кондратьева Валентина Ильинична, Степанова Надежда Алексеевна, Трубина Альбина Владимировна, Луковцева Анна Станиславовна*

В работе проанализированы тенденции и вызовы социально-экономического развития районов Республики Саха (Якутия), которые отнесены к арктической зоне по «бассейновому» подходу. Выработаны приоритеты, цели и задачи развития арктической зоны республики. Ключевым вызовом является изменение климата, спектр реакций на который на региональном и муниципальном уровнях достаточно широк, в том числе вариативное планирование опорного пространственного каркаса, включая развитие инфраструктуры, схем завоза и депонации, расселения. В результате реализации промышленно-транзитного вектора развития существенно усилится экономическая база муниципальных районов Анабарского, Янского бассейнов за счет освоения Верхне-Мунского алмазного, Томторского редко-земельного месторождений, создания минерально-сырьевого промышленного кластера «Усть-Яна», реконструкции портовой инфраструктуры морских портов и роста грузоперевозок, строительства автодорог и других. Промышленное освоение будет осуществляться по принципу вахтовой организации труда, местное население преимущественно сохранит занятость в традиционной экономике в ее современном виде. Демографическая и социальная ситуация в арктических и северных районах остается напряженной, продолжается сокращение численности населения, остается высоким уровень безработицы, преступности. Социально-экологический вектор развития предполагает совершенствование государственной поддержки рыболовства, северного оленеводства, политики в сфере занятости и здорового образа жизни, модернизации систем здравоохранения, образования, а также мониторинга экологической сферы, сбережения экосистем, стимулирование перехода на принципы «зеленой» и «голубой» экономики. Новая арктическая модель экономики будет формироваться в результате реакции государства, науки и общества на «большой вызов» - изучение обширных пространств Арктики. Активизация научных исследований, климатических испытаний при формировании условий для апробации, внедрения и тиражирования технологий в транспорте, энергетике, материаловедении, инженерии позволит найти инновации, востребованные локальными сообществами, мелкими бизнесом. На технологической основе возможно развитие мелких производств пищевых продуктов, народных промыслов, арктического туризма - как направлений диверсификации традиционной отраслей. Авторы приходят к выводу о невозможности реализации всех указанных векторов развития без ведущей роли государства.